

ОИБИРИАДА

ОЛЕГ
ПЕТРОВ

Дикое
время

Сибириада

Олег Петров
Лихое время

«ВЕЧЕ»

2016

Петров О. Г.

Лихое время / О. Г. Петров — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8479-1

1921 год. В Чите активно действует крупная банда под предводительством Константина Ленкова. Начальник уголовного розыска Фоменко и его ближайшие помощники Бойцов и Баташёв прилагают все возможные усилия для ликвидации уголовников. Но у бандитов везде свои глаза и уши — в органах власти, в милиции. Трагически заканчиваются попытки внедрить в банду сотрудников угрозыска. Постовые милиционеры отказываются нести службу на городских улицах ночью. Но после громкого убийства представителя ЦК РКП(б) Петра Анохина и гибели от рук бандитов начальника угрозыска Дмитрия Фоменко к ликвидации банды Константина Ленкова подключаются чекисты — Госполитохрана Дальне-Восточной Республики. Разворачивается широкомасштабная оперативная игра по уничтожению банды...

ISBN 978-5-4444-8479-1

© Петров О. Г., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Часть первая. Взлет атамана	6
Вместо предисловия	7
Глава первая	10
Глава вторая	19
Глава третья	34
Глава четвертая	45
Глава пятая	57
Глава шестая	65
Глава седьмая	79
Глава восьмая	91
Глава девятая	101
Глава десятая	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Олег Петров

Лихое время

© Петров О.Г., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Часть первая. Взлет атамана

«Начиная с осени 1921 года г. Чита и ее окрестности стали местом целого ряда тяжчайших преступлений. При этом как самый способ совершения этих преступлений и почти одинаковые приемы злоумышленников, так и быстрота, решительность и крайняя жестокость их действий, а равно отсутствие каких-либо следов дали основание предполагать, что преступления эти совершаются лицами, составляющими одну преступную шайку и занимающимися преступной деятельностью как ремеслом. Предположения эти скоро оправдались. После непрерывных, настойчивых наблюдений и поисков уголовному розыску удалось обнаружить преступную шайку с значительным количеством членов, спаянных дисциплиной, за малейшее нарушение которой провинившимся грозила смерть...»
Из постановления временно исполняющего должность Особого следователя Высшего Кассационного суда ДВР (1922 г.)

Вместо предисловия

1

В документальной и художественной литературе, в кинематографе и телесериалах, освещающих перипетии борьбы с уголовщиной после Октябрьского переворота 1917 года, вновь и вновь возникает фигура якобы знаменитого питерского налетчика Ленки Пантелева. Различные версии его уголовных походов, по сути, сводятся к тому, что это был неуловимый и дерзкий бандит, терроризировавший один из крупнейших городов России.

Но изучение преступных деяний Пантелева показывает: численность возглавляемой им преступной группы была довольно малочисленной, а разбойная деятельность – непродолжительной. Тем не менее фигура Пантелева овеяна таким ореолом криминальной «славы», что создается впечатление – после 1917 года крупнее уголовного преступника не было.

Вместе с тем в 1921–1922 годах в Чите, тогда столице Дальне-восточной республики, действовало организованное преступное сообщество, в которое входили только более сотни активных членов. Строжайшая конспирация, широкий подкуп, говоря современным языком, сотрудников органов правопорядка, преступный размах и фигура главаря – Константина Ленкова – полностью затмевают деяния и личность его питерского «коллеги». Достаточно сказать, что на скамье подсудимых по делу о шайке Ленкова в 1922 году оказалось разом 74 бандита. Такого процесса над уголовщиной российская Фемида не знает до сегодняшнего дня.

О том, как все это было, как уголовный розыск и органы государственной безопасности Дальневосточной Республики в 1921–1922 годах вели борьбу с ленковцами, рассказывает эта книга.

В ней нет ни одного вымышленного факта, ни одного придуманного персонажа. Все фамилии, описываемые эпизоды и цитируемые документы, – подлинны. Книга основана на ранее неисследованных документальных источниках, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края. Орфография и пунктуация документов сохранены.

2

Исторический фон, на котором разворачивается действие романа, заслуживает некоторой характеристики.

В течение мая 1918 года во Владивостоке сконцентрировалось около 16 тысяч чехословаков – часть чехословацкого корпуса, которому по решению советского правительства был разрешен выезд по Транссибу на Дальний Восток для дальнейшего следования на родину. Но, как известно, в целях борьбы с большевиками корпус белочехов, как его называли, был активно использован для свержения новой власти в Приморье и обеспечения развертывания вооруженного Белого движения и иностранной военной интервенции: 29 июня 1918 года белочехи при поддержке так называемых «союзных десантов» свергли во Владивостоке советскую власть. Ранее, 18 июня, японские войска захватили Благовещенск, а 5 сентября белогвардейские силы вошли в Хабаровск. К этому времени на Дальнем Востоке насчитывалось только 73 тысячи японских штыков, не считая американского экспедиционного корпуса генерала Гревса.

Особо следует заметить, что к началу мятежа белочехов составами с ними были забиты практически все станции и разъезды Транссибирской магистрали от Омска до Владивостока. Пожар Гражданской войны и иностранной военной интервенции вспыхнул в Сибири практически повсеместно и достаточно организовано. В начале июля красным пришлось оставить Иркутск, 26 августа – Читу. Два года шла кровавая борьба, в результате которой белогвардейские силы и интервенты были вытеснены из Прибайкалья, Забайкалья и Восточного Приамурья.

Но у партизанских сил возможностей для полного освобождения Дальнего Востока, конечно, не было. От Советской России достаточной вооруженной помощи пока тоже ждать не приходилась: Гражданская война в центральной части, на западе, севере, юге РСФСР претерпевала самую драматическую фазу. Стояла задача, каким-то образом не только отдалить войну Советской России с Японией, но и, если это окажется возможным, обойтись без нее.

Решение этой задачи было найдено: создание «буфера» – нейтрального государственного образования. После длительных переговоров большевиков с различными политическими силами, 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (с 1934 г. – Улан-Удэ) была принята Декларация об образовании независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР) и создании ее Временного правительства, а 28 октября 1920 года в Чите состоялась конференция представителей правительств освобожденных от белых и интервентов территорий – Приморской, Амурской, Сахалинской, Восточно-Забайкальской, Камчатской областей. Была провозглашена «демократическая республика с сохранением института частной собственности, проводящая политику добрососедского сотрудничества с окружающими республику государствами». Советизация ДВР на данном этапе была признана недопустимой. Конференция 10 ноября избрала центральное правительство ДВР во главе с П.М. Никифоровым.

В январе 1921 года прошли выборы в Учредительное собрание ДВР. Социалистический левый блок из 382 мест получил 275 и явился решающей силой Учредительного собрания, принявшего Конституцию ДВР и деклариовавшего суверенитет, независимость и самостоятельность нового государства, переход к ДВР договорных прав царской России на Китайской Восточной железной дороге, гарантию политических прав всем гражданам, отмену смертной казни и телесных наказаний. Была объявлена амнистия всем политзаключенным, принято обращение к иностранным государствам, призывающее их развивать с ДВР экономические отношения, инвестировать капиталы в промышленность республики. Столицей ДВР была объявлена Чита.

Из Москвы в Читу для укрепления «буфера» были направлены П. Ф. Анохин (с правами секретаря ЦК партии большевиков) и В.К. Блюхер – для реорганизации вооруженных сил республики – Народно-революционной армии (НРА). 27 июня 1921 года Блюхера назначают главкомом НРА и военным министром ДВР. Укрепление военной мощи ДВР являлось решающим условием всей дальнейшей жизнедеятельности республики, для которой первейшей задачей оставалось сохранение зыбкого мира с Японией, продолжение борьбы с белогвардейщиной, которую не устраивали дэвээровские порядки. В Приморье сосредоточилось более 18 тыс. каппелевцев, активизировавшихся после переворота во Владивостоке 27 мая 1921 года и образования там, в пик ДВР, монархистско ориентированного правительства братьев Меркуловых, опиравшегося на японские и белогвардейские штыки. Одновременно на Западное Забайкалье наступали дивизии барона Унгерна численностью около 13 тыс. сабель.

Между тем крайне тяжелая социально-политическая обстановка, сложившаяся в тот период в Забайкалье, породила волну уголовной преступности. Подняли голову не только старые уголовные «кадры», но и их новое «пополнение» – неудовлетворенная результатами борьбы за народную власть и установленными в ДВР буржуазными порядками довольно

многочисленная прослойка бывших красных партизан, ожидавших с победой для себя льгот, привилегий и благ.

Глава первая

1

– Длюга, длюга!

Закемарившего после обеда под густой черемухой мужика тормозили два тощих, почерневших от щедрого забайкальского солнца китайца.

– Чево вам, узкоглазые? – Мужик сладко зевнул, недовольно кряхтя, сел, вмиг превратившись в рослую и плечистую глыбу, утер рукавом испарину на щеках и шее. Тяжелым взглядом, из-под роскошного русого чуба, окинул суетящуюся подле него парочку «ходей». – Никакого от вас покою! Чево растрывались, саранча?

– Длюга! Станция давай? Давай, длюга!

Внушительной лопатой-ладонью мужик припечатал крупного серого паута, впившегося в обнажившуюся голень, одернул книзу задрывшуюся гачу ветхих бумазейных штанов.

– К паровику, што ли, в Куку отвезть?

– Кука, Кука! Да, да! Длюга! Станция! Станция Кука, Кука! – обрадованно закивали китайцы.

– А деньги, деньги у вас есть, отродье хунхузское? – Мужик красноречиво пошевелил-потер большим и указательным пальцами.

– Денега? – переспросил один из китайцев.

– Ага! Она самая. Денега, денега!

– Денега еся, еся! – закивал один из китайцев, улыбаясь щербатым ртом. – Станция, длюга, Кука, Кука!

– «Длюга»! – передразнил китайца мужик. – Обезьян тебе «длюга», мартышка плюгавая! Щас как! – Он лениво замахнулся.

Китайцы отступили на пару шагов, поскучнели, но прилипчиво топтались на солнцепеке, не уходили.

Мужик окинул ленивым взором крепко утоптаный пятак у крыльца местной харчовки. Через настежь распахнутые двери просматривалось ее пустое нутро, только смурная некрасивая девка зло терла тряпкой тяжелую лавку возле такого же, крепко сбитого из сосновых плах длинного стола.

По кривой улочке, к серым от ветхости домам-развалюхам поодаль, плелась сонная от полуденного зноя собака, огорченная и разочарованная тем обстоятельством, что подле харчовки поживиться на этот раз не сложилось.

Мужик медленно повернул голову в противоположную сторону, но и в более зажиточной части Оленгуйского поселения никакого шевеления не наблюдалось. Жара всех загнала в тень. Желаящими ехать на станцию, к вечернему паровику до Читы, не пахло. Дорога неблизкая, потому, ежели, окромя китайцев с узлами, никто у харчовки в текущий момент не маячит, стало быть, извозного фарта нынче не предвидится...

– Длюга! Денега еся, – снова приблизился один из китайцев, тряся в вытянутой руке пачкой мятых ассигнаций. Толщина пачки обнадеживала. По крайней мере овес, считай, окупится.

Мужик тяжело вздохнул. Выбор был невелик. Либо гнать пустую подводу до дому, либо заночевать в Оленгуйском до утренних ездовых. Заночевать, конечно, можно здесь и задаром. И даже с прибытком! Лошади травки похрупают, а их хозяин к ядреной Ульянке под бочок подкатится. Еще и самогону нальет, шалава!..

Мысли ворочались в башке сонно и лениво – жара действовала и на них.

Возница посмотрел на застывшего в полупоклоне китайца, медленно и тягуче сплюнул ему под ноги и так же нехотя поднялся с расстеленного в черемуховой тени куска войлока.

Оба китайца оживились, заулыбались заискивающе.

– А чем, ходя, тут промышляли-то? – спросил больше по привычке, чем для интересу.

Оба китайца внимательно уставились на него, явно вопроса не поняв.

– Ну, вы – мартышки! – засмеялся мужик. Смена настроения заметно омолодила лицо, а то со стороны глянь – на сороковник потянет. Ан нет, годков тридцать всего-то, пожалуй. И не мужик вовсе, а еще парниша удалой!

– Мартышки вы, мартины! – На упругих щеках чуть продолговатого лица слегка обозначились ямочки. – На расейской земле мышкуете, а говору не обучились! Че таки дурни-то? Вона я к вам кады хаживал, так лопотанье ваше вмиг освоил.

Парень повторил свой вопрос по-китайски. Удивление «ходей» его рассмешило еще больше. Он снисходительно вслушался в ответное лопотание, лениво подцепил с травы кошму, аккуратно скатал и положил в телегу.

– Хрен с вами, хунхузы! – Повернулся к китайцу, держащему деньги, цапнул из тощей горсти пачку и сунул ее себе за пазуху. – Щас лошадок запрягу – и покатым, «длюги» мои узкоглазые! Ага! Станция, станция! Кука! Пых-пых-пых! Ту-ту-ту-у!..

Китайцы в дороге переживали. Опоздать на паровик боялись. Опаска – понятно почему: лошади телегу вяло катят – жара, слепни да пауты достают. Но дорога бежит под поскрипывающие колеса, исчезает позади за кустами и могучими соснами, вьется то одним распадком, то другим.

А китайцы опять о своей тревоге на паровик не успеть лопочут. И опять приходится успокаивать неугомонных пассажиров – успеем на станцию, не впервой. Елозят, дышло им под ребра! От народец! А поди ж, тоже не все одинаковы. Возница усмехается. Это, кады он во первые разы в «маньжурку» шастал, то вкругорядь ихние желтые хари одинаковы казались. А потом – не-ет, разные! – различать начал. Оне-то, поди, тож, не сразу русскую морду одну от другой отличают.

– Привал, ходи, перекур! Лошадкам отдохнуть требуется! – Мужик спрыгнул с телеги, ласково похлопал пару гнедых по шелковистым щекам. – Взопрели, сердешные, обезьянов возить? Ничо-о...

Достал из кармана кисет, принялся сворачивать внушительную самокрутку. Один из китайцев вынул из кармана крашенной в черное чесучовой поддевки коробку папирос, протянул, угощая.

– Богато живете, ходи! – удивился возница.

Папиросу взял, понюхал, заложил за ухо, продолжил сворачивать «козью ножку». Китаец с папиросами, мелко кивая головой, протянул парню всю коробочку, достал спичечный коробок, чиркнул и поднес яркую фосфорную спичку.

– Ну, вы, прям, совсем баре! – хмыкнул парниша и внимательно оглядел своих пассажиров. – Значит, на прииске, лопочите, поработали? Фартово, видать, золотишко помыли...

Последнее – больше себе под нос пробубнил.

Он долго дымил самокруткой, пристально разглядывая китайцев. Под тяжелым взглядом они занервничали, засуетились, вновь принялись, старательно и заискивающе улыбаясь и мешая родные и русские коверканые слова, уговаривать возницу поторопиться.

– Щас, щас, чево раскудахтались! – широко, обезоруживающе улыбнулся парниша, неторопливо обошел, поправляя постромки, лошадей, вернулся к передку телеги, тронул пятерней сыромятные вожжи.

А потом, быстро выхватив из-под своего, оборудованного в передке телеги сиденья – доски, обмотанной тряпьем, – острый плотницкий топор, с кхеканьем, почти без размаха, ударил сверкнувшим лезвием ближнего из китайцев по темени, разваливая череп!

Рванул молча топор назад, тут же бросая гибкое, сильное тело ко второму, остолбеневшему от увиденного, полоснул мощным ударом по тонкой, с набухшими коричневыми жилами шее! И сразу же отдернул руку, чтобы на засаленный рукав рубахи не попала брызнувшая фонтанчиком алая кровь.

– От так от, макаки! И неча тут лопотать не по-нашенски! – выкрикнул, тяжело дыша.

Аккуратно положил топор на землю, вынул из-за уха дареную папиросу, повернулся к первому из убитых и, не отводя взгляда от страшной раны с пузырящимися кровью мозговыми ошметками, уверенно сунул руку в карман чесучовой поддевки китайца. Достал коробок со спичками, чуть подрагивающими пальцами чиркнул фосфоркой по штанам, прикурив, глубоко затягиваясь. Прислушался.

За кустами чирликала невидимая пернатая мелюзга, где-то далеко дробил дятел, а когда он замолкал, откуда-то – еще дальше в лесной глубине – подавала голос кукушка.

– Давай, давай, беспутая, не останавливайся, – криво усмехнулся мужик, – набирай мне годки. Я жить собираюсь долго...

Он докурив папиросу до начавшего тлеть мундштука, сплюнул и вдавил окурочок каблучком в песок дорожной колеи. Потом, глубоко вздохнув, тщательно вывернул карманы жертв, не побрезговал пошарить за пазухами у китайцев, перебрасывая все находки в телегу, и только после этого схватил одного из убитых за ноги и шумно, треща валежиной, потащил в густые багуловые кусты. Отмахиваясь от потревоженной мошкары, вернулся за вторым трупом, отволоч его туда же.

Безжалостно наломав с пары растущих у дороги молодых сосенок охапку пышных, больших лап, в ярко-зеленой густой бахrome мягких игл, отправился с ними обратно к кустам, завалил тела хвоей. Отошел на пару шагов, придирчиво оглядывая, выругался, скривившись, и повторил процедуру с сосновыми ветками. Вот теперь китаезы вполне сносно укрыты.

Мужик вернулся к телеге, перебрал извлеченное из карманов убитых, негромко матерясь, принялся распутывать поклажу своих недавних пассажиров – аккуратные узлы из тонких суконных одеял. Тщательно, оценивая изучая и прощупывая каждую тряпку – рубаху или портянки, штаны, душегрейки, – перебрал содержимое узлов.

Наконец, обнаружилось главное, что растянуло красиво очерченные, чувственные губы в довольной ухмылке: неказистый плотный холщовый мешочек, увесистость которого при довольно скромных размерах была не просто приятной – радовала!

Мужик оглянулся по сторонам, замер на мгновение, внимательно слушая тишину, потом старательно захватил мешочек в солому на передке телеги. Столкнул китайское шмутье обратно в связанные узлом одеяла, по-хозяйски пристроил поклажу под соломой сзади.

Уже привычно вынув из кармана штанов папиросную коробку, снова закурил. Попыхивая зажатой в углу рта папиросой и что-то мурлыкая себе под нос, поднял с травы топор, оглядел его, и, довольно кивнув, вернул в телегу на прежнее место.

– Ну че, милыя, застоялись?! – весело прикрикнул возчик на напряженно застывших лошадей – Да не коси ты глазом, не фыркай! Невры побереги! – И уже захохотал в полный голос. Уморили, гnedые, до колик: коняга, она, конечно, животина скотская, но, умная, понимает, что он с узкоглазыми-то сотворил. Ниче, переживут гnedки, переживут.

– А ежели вы, черти старые, больно нервные и пугливые – отдам на городску мыловарню! Н-но! Поехали, зверюги, домой, порадуем молодуху да малого гостинцами от обезьянов!... Давай-давай, савраски, почитай, еще червонец верст нам с вами по жаре телепать! Да-а-вай! – уже во все горло орал парниша, покидая страшное место...

2

В этот ветреный мартовский полдень министр внутренних дел Дальневосточной республики Александр Александрович Знаменский вернулся к себе в кабинет явно не в духе.

И было от чего: заседание правительства закончилось не в его пользу. На шею вешали «железку» – железнодорожную милицию, до сей поры обособленно действовавшую при Минтрансе ДВР. Передача «железки» в МВД означала одно: теперь это целиком и полностью его, Знаменского, хлопоты – обеспечивать новый придаток пайками и обмундированием, оружием и иным довольствием. Подобной головной боли министру хватало и по территориальной милиции. Но какова была физия у дородного министра транспорта – удовольствие, подлец, скрыть не мог! От такого ярма освободился!

Знаменский в сердцах швырнул черной кожи портфель на стол, достал из кармана огромный носовой платок, вытер вспотевший лоб, потянулся было к графину с водой, но тут затрещал высокий черный телефон.

Министр с недовольным видом снял сверкающую начищенными латунными частями эбонитовую трубку, поднес ко рту загнутый раструб.

– Знаменский у провода, слушаю. А-а, весь внимания! Все злорадствуешь?! Да я слышу по голосу... Нет? Когда бы я тебя, дорогой, не знал! Сбагрил мне свое войско, а теперь еще и с просьбами! Занятно... Что? Так... Так... Ха-ха-ха!.. Луч света в темном царстве! Что? Да нет, это я так... И, что ты думаешь, буду возражать? А вот и не буду! Не понял? Да забери ты его! Пожалуйста! Рады, так сказать, стараться-с! Самым немедленным образом, безотлагательно, сиюминутно издам приказ и проведу, как откомандированного для выполнения задания особой важности... Ха-ха-ха! Причитается с тебя, дорогой! Что? Согласен! Ну, до встречи!..

Хлопнул трубкой об аппарат, довольно постучал пухлыми пальчиками по зеленому сукну обширной столешницы, уставленной всевозможными канцелярскими прибабасами, толкнул уточкой закачавшееся пресс-папье.

Звонил министр транспорта. Легок на помине! Просил оставить у него Проминского. Желает его определить особым уполномоченным на станцию Маньчжурия. Торговля и перевозки растут, масса проблем, посему, дескать, надо бы этот участок укрепить. И, мол, с Проминским переговорил, тот не против. Ха, да ради бога! Одной головной болью меньше! Этому большевичку вечно все не так, да не эдак... Ох, и попортил он ему, Знаменскому, крови!.. Больно умный! Вот и пусть там, с китайцами, умничает!

«Кровь портил» министру Знаменскому уполномоченный ЦК РКП(б) по организации милиции в ДВР Леонид Иванович Проминский, сразу же после освобождения Читы от семеновщины прибывший сюда и активно взявшийся за дело.

Дилетантом в милицеских вопросах Проминского не назовешь: ранее руководил милицией в Иркутске и Владивостоке. Но Знаменский увидел в нем соперника. Дышит, большевистская бестия, в затылок! Удалось провернуть незамысловатую, но удачную комбинацию: под благовидным предлогом перевести господина-товарища Проминского в другое министерство – транспорта. Дескать, для создания и укрепления железнодорожной милиции, тогда подчинявшейся Минтрансу.

«Тьфу ты! Так удачно тогда спровадил, а с этой передачей мне чертовой „железки“, чуть было назад не заполучил», – облегченно подумал Знаменский после звонка коллеги из транспортного ведомства.

Нажал кнопку медного звонка, вызывая из приемной секретаршу.

– Вероника Иннокентьевна, попрошу вас, голубушка, подготовьте приказ по министерству...

А вечером обмыли это дело с коллегой из Минтранса в шикарном «Даурском подворье». Шустовским коньячком из старых запасов хитрого ресторатора...

Назначенный правительственным приказом в ноябре 1920 года на свою высокую должность Александр Александрович Знаменский являл собою типичный образец кабинетного чиновника.

Вступив в семнадцатом году в партию эсеров, он волей-неволей оказался втянутым в борьбу с белогвардейцами и интервентами. Поначалу участвовал в организации подполья в Благовещенске, затем постепенно вышел на одну из первых ролей в штабе партизанских сил Приамурья.

В период разгрома партизанского движения скрывался в одиночку, потом, вовремя сориентировавшись, примкнул к возрожденной повстанческой армии. Уровень образованности, старые связи помогли ему вновь занять руководящее положение, создать себе авторитет народного вожака.

Взлет до министра для него, выходца из чиновничьей, средней руки, семьи, был своего рода осуществлением жизненной мечты. До такой высоты в роду Знаменских никто не подымался, и это кружило голову.

Впрочем, в силу своей, довольно авантюрной натуры, Александр Александрович всегда тяготел к шапкозакидательству, умел красиво и эффектно доложить об успехах, ненавязчиво напомнить о своих былых партизанских заслугах и «революционном стаже». А посему – был на слуху и на виду. Что, собственно, при дележе правительственных портфелей в только что учрежденной республике свою роль и сыграло.

От собственной значимости Знаменского распирало до такой степени, что он искренне полагал: каких-либо проблем для него на высоком посту не существует. «Куда как грозные вражьи силы одолели, – любил говаривать министр, – и с уголовщиной покончим в два счета!»

Понятно, что в окончательной победе над уголовным миром никто и не сомневался. Другое дело, что не помешала бы более трезвая оценка обстановки, как и детальная выработка тактики борьбы с преступностью. Простейший анализ ситуации свидетельствовал о том, что новый враг силен и коварен, быстрой победы ожидать, увы, не приходится.

Но занятого самолюбованием министра всякие там анализы и оценки интересовали менее всего. Он любил сидеть с важным видом на заседаниях и совещаниях, изрекая обтекаемые фразы о важности борьбы с преступностью, высыпал на подчиненных ворох по сути пустых указаний по мелким вопросам реформирования милиции. Больше увлекался разработкой форм отчетности с мест, одновременно окружая себя ореолом крайней государственной загруженности, невероятной занятости и чинопочитания.

Попасть на прием к министру и, тем более, быстро решить какой-либо вопрос по существу, было делом невероятным. А если чей-то рапорт или прошение оказывались-таки на министерском столе, – неспешно препровождались Знаменским в канцелярию с ничего не значащей резолюцией или переадресовывались начальнику Главного управления милиции Колесниченко. Последнее для рапортующего или просителя было удачей.

3

Николай Иванович Колесниченко представлял прямую противоположность равнодушному и вальяжному чинуше Знаменскому. Юрист по образованию, закончивший Томский университет, Колесниченко в 1917–1918 годах возглавлял военно-милиецкие части народной охраны во Владивостоке, ранее, с марта до осени семнадцатого, ревкомом безопасности Томской губернии избирался начальником милиции Томска. В Читу приехал из заграницы, после длительной секретной командировки. Что это была за поездка, куда, в Чите об этом

не ведали. По документам же, Колесниченко прибыл из Владивостока с должности краевого Правительственного инспектора Народной милиции.

Невысокий, крепкого телосложения, с чуть прищуренными умными серыми глазами на интеллигентном лице и густой шапкой волнистых темных волос, всегда аккуратно одетый – как правило, в гимнастерку, туго перепоясанную широким кожаным ремнем, – Николай Иванович по складу ума являлся прирожденным штабистом, обладал незаурядными организаторскими способностями, поразительным умением четко отслеживать складывающуюся обстановку. С первых дней своего вступления в должность довольно активно взялся поставить всю деятельность милиции на законную основу, регламентировать ее работу, права и обязанности.

Колесниченко первым заговорил о необходимости выработки закона о милиции ДВР, инструкций милицейской службы. Немедленно обязал начальников областной и городской милиции ежедневно являться к нему с утренними докладами обо всем происшедшем за истекшие сутки в области и столице ДВР, потребовал ежемесячных письменных рапорт-отчетов. В первую очередь о выполнении инструкций и руководящих указаний, составление которых было у Колесниченко явной слабинкой, но в отличие от Знаменского указаний не пустопорожних, а наполненных самыми насущными для милиционеров проблемами и предложениями по существу, без «воды».

Вот и сейчас Николай Иванович с карандашом в руках изучал очередной рапорт начальника Читинской городской милиции Сержанта:

«Доношу: 1. Инструкция по делопроизводству мною преподана всем нач. участков. 2. Инструкций и уставов старой полицейской службы нет. Дополнительно доношу о срочных и неотложных нуждах гормилиции, как-то: а) совершенно не выдавалось обмундирование с момента организации милиции; б) не получено продовольственного пайка как на сотрудников так и на их семейства за январь и далее, а выдававшееся ранее не приходилось по установленной норме; в) для более продуктивной работы по борьбе с уголовной преступностью необходимо вести регистрацию преступников с применением дактилоскопии и фотографирования, увеличить штат уголовного розыска. Средства на данные мероприятия и другие неотложные нужды уголовного розыска не отпускаются, что тормозит успешному делу борьбы с уголовной преступностью».

Пункт «в» убедил внести в рапорт помощник начальника городского отделения уголовного розыска Сметанин, напомнив Сержанту и начугро Гадаскину про полезность имевшегося ранее в милиции уголовно-разведочного бюро.

Написал в своем рапорте начальник городской милиции и о необходимости откомандирования в распоряжение начгормилиции до двухсот бойцов-народоармейцев, для укрепления милицейских рядов.

Колесниченко руками и ногами был за все эти предложения. Читал рапорт Сержанта и скрипел зубами от досады: мало чем мог помочь практически.

Определенные надежды он возлагал на возможности Народно-революционной армии ДВР. Еще месяц назад, на свой страх и риск, через голову Знаменского, обратился к военному министру. Блюхер обещал посодействовать с пополнением милиции демобилизуемыми народоармейцами и в снабжении оружием. Вот только, как скоро это произойдет? Ведь и армия не роскошествует, да и дела на западном и восточном направлениях пока не радуют. Хорошо, что Блюхер прекрасно понимает, что разгул уголовщины в тылу войск – бомба замедленного действия, которая может рвануть в самый неподходящий момент.

Николай Иванович поднялся из-за стола, подошел к окну. В густеющих сумерках одиночные прохожие ускоряли шаг.

Да, фланировать после шести вечера даже по центральным читинским улицам мог отважиться далеко не каждый, тем более в одиночку. Читинский обыватель стремился к этому времени оказаться дома, за крепкими дверными запорами и зашкворенными оконными ставнями.

Став столицей обширной Дальневосточной республики, Чита захлебывалась в волне краж, грабежей и убийств. В новоиспеченном стольном граде собралось множество самого разнообразного преступного сброда: карманники и домушники, медвежатники и карточные шулеры, конокрады и мошенники.

Впрочем, явного деления на уголовные «профессии» не существовало. Как удавалось, так и грабили. А самый простой способ избавиться от нежелательных свидетелей – убить! За годы Гражданской войны и еще продолжающейся на Дальнем Востоке интервенции человеческая жизнь обесценилась до копеечного уровня.

Для достижения своих целей преступники не останавливались ни перед чем. Ежедневно в их ряды вливались обнищавшие крестьяне и горожане, довольно многочисленной становилась в бандитской среде прослойка бывших партизан, явно недовольных установившимися в ДВР государственными порядками.

«Ишь ты, как повернуло-то, – гудели они промеж собой, – кады япошек с белочехами и семеновщиной рубили в капусту, нужда в нас была великая, а теперя?! Накосья-выкуси! Выходит, воевали за здорово живешь? Да кабы и в самом деле по-здоровому бы зажили... Куды с добром! Шрапнельных яблочек, свинцово-гороху наелись досыта, а что до настоящих яблочек и пирогов, так уселись кушать другие, побойчей! Мы кровь-пот проливали, а толстопузые мошну набивали! Теперя потрясли деньгой и ан – на коне! Апельцины с шоколадой в ресторациях трескают, мать их!..»

Бравые орлы минувших битв наивно полагали, что немедленно после отгремевших залпов начнется раздача наград и благ. И при этом никто не будет обделен. По боевым заслугам и вкладу в партизанскую борьбу каждому и воздастся.

В это искренне верили не только темные крестьянские души, чье участие в боях, как нередко бывало, ограничивалось обороной собственной деревни. Убеждена была в этом и часть партизанских вожakov, теперь претендовавших на высокие государственные посты в министерствах и ведомствах ДВР. Понимание, что методика сабельных рейдов и атак малоприменима в налаживании мирной жизни и общественном обустройстве, а иного опыта участия в государственных делах они не имеют, – такое понимание в сознание лихих партизанских рубак, особенно командиров, входило плохо.

Зато другое лежало на поверхности: опять отовсюду повылазили лоснящиеся буржуйские морды, засели за дорожные прилавки, за зеленого сукна двухтумбовые столы в присутственных местах, на автомобилях раскатывают, в ресторанах деньги пачками просаживают. И это все при том, что простой люд, как жрал лебеду, как получал хлеб из отрубей на скудные продпайки, так и остался при оном «казенном антиресе».

И не праведное ли в таком случае дело – растрясти буржуйские запасы, куркульскую мошну и отдать народу все, что у него снова обманом выманили?.. Лихая партизанская вольница за несколько огненных лет напрочь отучила многих от былых мирных занятий, отвлекла от земли. Кое-кто и желания-то на возврат не испытывал! Оставались в армии, занимаясь привычным военным ремеслом, в других военизированных структурах. Но – это те, кто принял новую власть или хотя бы увидел в службе этой власти честный способ мирного существования.

Другим, которых было немало, обладание оружием кружило голову. Дернуть винтовочный затвор и махом решить возникшую перед хозяином винтовки проблему – нравилось

и устраивало. Простотой решения. А еще – тем, что не надо себя загонять в какие-либо рамки подчинения, дисциплины. Хотелось прежней партизанской вольницы, а гладкое винтовочное ложе или рубчатая рукоятка револьвера в ладони так о ней, забубенной вольнице, напоминали!

Потому, когда ожидание манны небесной от новых властей прошло, не столь уж мало народу взялось промышлять разбоем на дорогах и улицах, благо вооружения хоть отбавляй, а средства для житья-бытия добываются наверняка. В общем, и сыт, и пьян, и нос в табаке, ежели не из робких да при «винторезе» или «нагане», на худой конец, шашка или бомба тоже сойдут...

Оружия в свободном владении и действительно было хоть пруд пруди. Колесниченко как раз и готовил проект недавнего распоряжения правительства ДВР о сдаче всего незаконно находившегося на руках населения вооружения. Приносили. А кто-то просто выбрасывал на улицу. Вот уж на что сознательный и революционный люд – железнодорожная рабочая косточка! – проживает на Дальнем вокзале, а только за две недели после публикации в читинских газетах правительственного распоряжения в этом районе города милиционеры изъяли и подобрали на улицах (!) около 900 стволов разных калибров и систем.

Но Николай Иванович знал: значительная часть «наганов» и трехлинеек, «маузеров» и «берданок», «браунингов» и «арисак» осела у преступного сброда. И пускались стволы урками в дело без малейшей задержки.

Знал Колесниченко и другое. У только что родившейся Дэвээрии какой-либо значимой силы, могущей противостоять бандитскому разгулу, фактически-то пока и нет.

Поначалу, по инерции, общественный порядок пытались охранять остатки семеновской милиции, вернее, тех городских и сельских милицейских сил, что остались после бегства атамана.

В верхах, к счастью, это сразу оценили по-государственному: осенью 1920 года, буквально через несколько дней после освобождения Читы от интервентов и белогвардейцев, по предложению управляющего внутренними делами ДВР Герасима Аршинского, Облнарвоенком – тогдашний орган высшей власти – образовал Забайкальское областное управление милиции с возложением обязанностей его начальника на известного партизанского вожака Василия Михайловича Сокол-Номоконова.

4

– Что же вы, товарищи дорогие, делаете! – обескураженно, но с плохо скрываемым удовольствием от оказанной чести, взялся было возражать на заседании областного ревкома прославленный партизанский командир. – Дело-то во многом незнакомое. Я уж и забыл когда, да и кем – простым милиционером – был! А тут – каков размах! Целая область, товарищи! Человек со знаниями соответствующими, с обучением нужен. А моего опыта...

– А японцев и семеновские морды бить, где обучался?! – выкрикнул весело кто-то от стола президиума. Все одобрительно зашумели и голосовали единогласно, потому как биографию Сокол-Номоконова знали.

Участник революционных событий 1905 года, которые для него закончились заключением в Нерчинскую тюрьму. Потом, с весны семнадцатого, член Успенского волостного комитета общественной безопасности в селе Ключевском, Василий Сокол-Номоконов, с наступлением советской власти, как наиболее грамотный, закончивший двухклассное училище, был выдвинут на милицейскую работу – на станцию Куэнга, обслуживал по железной дороге плечо Приисковая – Куэнга до конца августа восемнадцатого. После падения советской власти ушел в тайгу в составе первого в Забайкалье партизанского отряда под командованием Ивана Кузьмича Бурдинского.

Отряд просуществовал недолго, был разгромлен. Чудом остался жив Василий Михайлович. Но когда снова начали собираться партизанские силы, – он в первых рядах: в августе девятнадцатого уже командует Зиловским особым крестьянским летучим партизанским отрядом, ощутимо «щиплет интервента», объединяет вокруг своего отряда разрозненные партизанские силы, становится крупным вожаком: в апреле двадцатого в составе специальной делегации ведет переговоры с японским командованием на станции Гонгота, а с лета возглавляет все повстанческие силы в районе Сретенска, Нерчинска и Новотроицка. В октябре превращается в кадрового военного: назначается командиром 5-й стрелковой бригады Народно-революционной армии.

Но ненадолго. Облнарвоенкому виднее – вот и назначили на главную милицмейскую должность в области. На тот момент, 23 ноября 1920 года, Сокол-Номоконов всю милицию ДВР представлял в единственном числе. А задачу решить надо невероятно сложную: в кратчайшие сроки разобраться, что собой представляют остатки созданной при семеновцах милиции, провести чистку и – самое главное – набрать свежие, революционного духа кадры для борьбы с преступностью.

Уже через месяц стала вырисовываться структура новой милиции. Помимо Забайкальского создавалось еще четыре областных управления милиции: Прибайкальское, Приамурское, Амурское и Приморское. Организующим органом милиции Дальневосточной республики стало учрежденное Главное управление милиции.

Областные управления делились на уездные отделы (за исключением Забайкальского, в которое входили пять уездных управлений), а те, в свою очередь, – на участки во главе с участковым начальником милиции, которому подчинялись в каждой волости надзиратели милиции или волостные милиционеры. Вместе с тем при каждом участке создавалась пешая команда в количестве 25 младших и двух старших милиционеров. К тому же при уездных отделах числилось по старшему и младшему агенту УР – уголовного розыска.

Читинская городская милиция выглядела посolidнее. С учетом того, что Чита – город столичный, особый статус получила и милиция: выведена из подчинения начальнику Забайкальской областной милиции, напрямую подчинена Главупру. При Читинской гормилиции образовали отделение уголовного розыска, адресный стол, канцелярию начальника милиции. Сформировали и отряд конной милиции, для более спешного реагирования на разбойные вылазки. А читинское городское отделение угрозыска – вообще отдельное, самостоятельное подразделение в системе правоохранительных органов Республики. Свободные сыскари!

Самостоятельно действовали железнодорожная и водная милиции. Первая свои функции в полосе отчуждения железной дороги выполняла постоянно, а водную разворачивали за две недели до начала навигации, и действовала она на водоемах еще три недели после вставания рек. На зимнее время в водной милиции решили минимальным штатом обходиться – по потребности охраны мест зимних стоянок судов. И так – до весны, до ледохода.

Структура – это хорошо. Но где людей брать толковых? А милицмейские штаты предполагались немалые: в поселениях до 8 тысяч жителей – один милиционер на каждые 400 человек населения, если в населенном пункте жителей было больше, но не свыше 80 тысяч, то «к исчисленному составу» добавлялось еще по одному милиционеру на каждые 500 человек, а в городе с населением более 80 тысяч – один дополнительный страж порядка на каждые 600 горожан. И зачесал тут затылок новоиспеченный милицмейский начальник Сокол-Номоконов. Но на то и носил он гордую приставку к фамилии, свое славное партизанское прозвище – Сокол! – чтобы ни в какой ситуации духом не падать, да еще и других бодрить.

Глава вторая

1

«Ввиду организации по области милиции срочно требуются знающие дело агенты милиции на должности как-то: начальников участков, их помощников и волостных милиционеров. Желающие поступить на означенные должности должны подать прошение, заверенное местным облнарревкомом, свидетельствующее о их безусловной честности и политических убеждениях. Порядок подачи прошений следующий: в г. Чите начальнику Вост. Заб. Обл. милиции, в уездах начальникам уездных милиций и в участках начальникам участковых милиций...»

– Ну, чудеса! – усмехнулся Бойцов. – Вначале со всей своей революционной беспощадностью чистки устраивают, а теперь объявлениями зазывают.

Иван Иванович Бойцов, которому не так давно исполнилось 45 лет, силой и здоровьем обделенным себя не считал, но с октября прошлого года пребывал в безработных, по закрытию вследствие реорганизации Читинского уездного воинского присутствия. Больше года он исполнял при воинском начальнике секретарские обязанности, а теперь, вот, увы...

Отложив в сторону измятый, с оторванным кем-то явно на самокрутку краешком листа, номер «Дальне-Восточной Республики», где было жирно пропечатано объявление о наборе на службу в милицию, Иван Иванович задумчиво окинул взглядом убогое убранство небольшой комнатенки. Через знакомого ее удалось задешево снять на втором этаже городского Вольного пожарного общества.

Здесь Бойцовы и расположились вшестером. За комнатенку платили мизер, но при скудном жалованьи жены Бойцова, Екатерины Ивановны, и эти гроши создавали в семейной кассе заметный убыток. Остальные копейки утекали на четверых ребятишек, старшему из которых, Кольке, неполных четырнадцать. Когда бы главе семейства с постоянной службой определиться...

Эти месяцы после увольнения Иван Иванович подрабатывал, где только мог. Поначалу удалось устроиться возчиком на дровяные подводы, потом мешки на складах ворочал... Побросала судьба за пяток последних лет.

У матери их было трое, но в шестнадцатом младших сестренек в могилу свел тиф, а вскоре умерла и мать. Сколько Иван помнил, сердцем маялась, рано схоронив мужа и оставив здоровье на красильной фабрике в Красноярске. В столицу Енисейской губернии они перебрались из родного села Сулобузинское Красноярского уезда после смерти отца. Батя в свое время образование получил немалое – окончил четыре класса церковно-приходской школы. Свои знания всемерно старался детям передать. Поэтому домашнее обучение сделало из Ивана человека вполне грамотного.

К тому же обнаружился у него и своеобразный дар – какое-то необыкновенное чутье на правильность и грамотность письма, и красивый писарский почерк проявился. Посему шестнадцати годков Ивана взяли письмоводителем к мировому судье. Помимо прочего, освоил, как дознание по уголовным делам проводить, другие юридические премудрости – через самообразование и подсказы грамотных людей.

Женился Бойцов поздно, двадцати девяти лет. Через два года родился первенец. Потом молодая семья в поисках лучшей доли переехала в Читу. Здесь родился в тыща девятьсот

девятом второй сын – Ванька, а в двенадцатом году жена принесла дочку, которую окрестили Зоей. Накануне мировой войны Бойцовы обзавелись пополнением – на свет появился Миша.

На Русско-японскую войну Бойцова не призывали: работал тогда в уездном воинском присутствии, зарекомендовал себя с полезной стороны. Но когда загремела Русско-германская, – мобилизовали в 720-ю пешую дружину ополчения, расквартированную на станции Даурия. Здесь канцелярскую полезность тридцативосьмилетнего новобранца вскоре отметили. Начальник воинской команды назначил Бойцова старшим писарем комендантского управления Даурского гарнизона.

Февральско-мартовские пертурбации семнадцатого... Гарнизон зашумел, солдатня сорвала голоса на митингах, избирая батальонные и ротные комитеты. Все нацепили красные банты, правда, вскорости поснимали, но атмосфера накалялась, росли недовольство и злость, особенно против офицерских чинов и тех, кто подле оных ошивался.

Понятно, что штабных относили к таковым. На «писарчуков» всегда смотрели косо: пером скрипеть – не на плацу или полевых занятиях стынуть. К тому же иные штабные солдатики порой без меры кичились своей привилегированностью и знанием того, что простой массе недоступно. Линейные (строевые) ополченцы, мягко говоря, зуб имели на канцелярских крыс, особенно с кончиной старых порядков. Хриплый вопль «Долой!» мог стать кое-кому и приговором.

От греха – подальше. Совершенно без оснований к тому Бойцов поддался уговорам двух сослуживцев из писарской команды: тайком укатали в Читу, домой, благо революционно митингующей Даурии ни до кого уже не было дела, дезертиры отваливали восвояси пачками. А Иван рвался к семье, осознавая, как в это смутное время он там нужен.

Устроиться в Чите удалось по своему профилю – помощником столоначальника в управлении городской милиции, а несколько месяцев, с марта до августа восемнадцатого, пока белочехи в Читу не нагрянули, Иван даже исполнял обязанности участкового начальника по 2-му участку гормилиции.

Потом Бойцов уволился – не мог он при белых в милиции работать. Политикой голова забита не была, но видеть творимый произвол и быть к нему даже косвенно причастным...

Подрядился грузчиком на дровяной извоз, пока в апреле девятнадцатого не открылась вакансия писца в Читинской уездной земской управе. Потом, совершенно случайно, встретил Иван своего бывшего даурского коменданта. Протекция последнего позволила заново поступить в воинское присутствие...

Многое вспоминалось в эту выюжную январскую ночь нового 1921 года Ивану Ивановичу. Подумалось, что вообще-то заманчиво звучит прочитанное объявление. Хотя... Кто знает, времена нынче смутные, могут придраться к бывшему секретарству в семеновской воинской конторе, пусть ничего там крамольного и не было, нудная писарская работа за кусок хлеба...

Иван отщипнул нагар с оплывшей свечи, свернул из газетного обрывка и ссуженной соседом-пожарным махры сигарку. Засветив земляничкой огонька, задул огарок и вышел на темную и холодную лестницу, чтоб домочадцев смрадом табачным не травить...

А с утра закрутили неотложные заботы о пропитании семьи. Знакомый сообщил, что опять есть возможность подзаработать на железнодорожных складах, за разгрузку вагонов якобы даже мукой могут рассчитаться. Бойцов поспешил на Дальний вокзал, в железнодорожные тупики. Вернулся поздно, усталый и голодный, но крайне довольный заработанным – десятифунтовым мешочком серой муки. Жена встретила озабоченно:

- Ваня, тут до тебя приходили. Важный такой военный спрашивал...
- Военный? Важный, говоришь?
- Дюже, Ваня. При ремнях и нагане.
- А из себя какой?

– Круглолицый, в годах уже, усы щеточкой. Да! И в очках! Сказал, что еще зайдет, завтра, часов в восемь вечера...

Назавтра Бойцов вернулся домой пораньше. Весь день он не мог отделаться от ощущения, что предстоящая встреча несет в себе нечто важное и существенное для него.

Так и оказалось.

2

– Ну-те-с, давайте будем знакомиться. – Гость соответствовал портрету, который вчера нарисовала Ивану жена. – Фамилия моя Сокол-Номоконов, по имени-отчеству Василием Михайловичем зовусь.

– Иван Иванович Бойцов, очень приятно.

– Взаимно, взаимно, – пробасил коренастый, крепко сбитый, уже немолодой начальник областной милиции.

Шевеля прокуренными короткими усами, неторопливо снял круглые, в тонкой металлической оправе очки, протер их большим платком, так же неторопливо убрал платок в боковой карман широких темно-синих диагональных бриджей. Очки снова водрузил на переносицу.

– Представляться по должности, как, надо?

– Да нет, – улыбнулся Бойцов. – Вы фамилию сказали, а об остальном наслышан, в газете читал.

– Об остальном, говоришь? Это о чем же?

– Каким партизанским командиром были и что сейчас милицию организуете...

– Вот тут ты, паря, в самую сердцевину попал! – хлопнул обеими ладонями по подолу длинной, затянутой ремнем с портупеей темно-зеленой коверкотовой гимнастерки Сокол-Номоконов. – За тем к тебе и наведалься. М-да... Ну дак вот! О тебе, Иван Иваныч, я ведь тоже не только от добрых людей наслышан. Мы ж, паря, с тобой и знакомы даже немного. Не припомнил?

Василий Михайлович хитро прищурился.

– Когда ты в гормилиции служил, я, брат, тоже милицанерствовал на станции Куэнга. Вот так! Случалось в конторе вашего второго участка бывать по служебной надобности. Не припомнил еще? А я тебя вспомнил сразу! Списки чинов гормилиции просматривал на днях и вспомнил. Понятно, что еще справки кое-какие навел... Да ты не удивляйся! Как хотел-то? Я ж тебя на сурьезное дело пригласить настроен. Почему и решил самолично навестись.

– Память у вас отменная, – виновато улыбнулся Бойцов. – А я вот совершенно не помню, когда и по какому делу встречались.

И тут же, посерьезнев, подобрался.

– Слушаю вас внимательно, Василий Михайлович.

Он уже догадывался, что предложит начальник областной милиции. Такое внимание польстило. Ишь ты, сам взял и пришел. А мог бы и вызвать повесткой или через посыльного. Иван Иванович даже растерялся как-то, не получалось собраться с мыслями. Но в догадке не ошибся.

– Думаю на работу к себе в милицию тебя позвать. Пойдешь? – Сокол-Номоконов испытующе ввинтил глаза в лицо Бойцова.

– Отчего ж не пойти. Пойду! – не раздумывая, ответил тот.

– Молодец, цену не набиваешь! Вот, паря, и славно! – опять хлопнул себя Сокол-Номоконов и поднялся с табуретки. – Давай, завтра с утра подходи. На Большой улице полутровский дом знаешь? Во, там мы пока и расположились, в хоромаш МВД. Подходи! Даже если за ночь передумаешь, а то согласился-то быстро...

– Я еще до вашего прихода о милицейской работе думал, так что готов сразу с прошением прийти.

– Как-как? А-а... С прошением, говоришь... Ну, давай, подходи с прошением! – На широкоскулом, навсегда потемневшем от загара, обветренном лице промелькнула улыбка. – Стало быть, уважаемый ты мой Иван Иваныч, завтрашним утром милости просим!

И протянул, прощаясь, короткопалую, не по возрасту крепкую в пожатии руку.

– Господи ты боже! Совсем что-то я! Василий Михайлович, может быть, чаю? – спохватился Иван Иванович, смущаясь. – Вы уж простите, нескладно как-то принимаю...

– Нет-нет-нет! – замахал руками Сокол-Номоконов. – Дела ждут. Спасибо за приглашение. Думаю, еще почаевничаем, и не раз. Бывайте здоровы, товарищ Бойцов. А завтра жду непременно! Хозяйке от меня – поклон.

Гость ушел, простучав сапогами по гулкой лестнице.

Иван Иванович поставил на печурку чайник, порылся, улыбаясь набегавшим мыслям, в неказистой тумбочке, нашел четвертушку серой бумаги, достал чернильницу с медной крышечкой. Из картонной коробочки вынул ручку-вставочку, проведя пером по пальцу, сморщился, поискал в коробочке новое, заменил.

Пристроившись на краю тумбочки, поближе к огню, красивым почерком вывел: «Тов. Начальнику Восточно-Забайкальской областной милиции гр-на Ивана Ивановича Бойцова ПРОШЕНИЕ».

Ровной чертой подчеркнул прописные буквы заголовочного слова, поставил в конце обращения точку. Знал: для человека образованного эта точка – первый знак: пишет прошение не деревня темная, а незаурядной грамотности проситель.

Иван снова улыбнулся, обмакнул перо в полувывсохшую чернильницу и, посерьезнев, дописал: «Согласно извещения начальника милиции („Дальне-Восточная Республика“ от 31-ХІІ-1920 г., № 188) предлагаю свои услуги в качестве служащего милиции на должность, какую Вы, товарищ начальник, найдете со своей стороны возможным представить мне...»

Забурлил чайник, пуская из носика паровозные клубы пара. Иван Иванович, очнувшись, глянул на луковицу карманных часов. Бог ты мой, пора Катю с детьми встречать! Жена вечерами мыла полы в управлении железной дороги, а ребятишки помогали матери.

...Когда домочадцы шумно пили чай, а потом укладывались спать, Иван Иванович ничего о поступившем ему предложении говорить не стал, только утром с женой поделился. Увидел, как она обрадовалась. Еще бы, ведь милиционерам паек – по рабочей норме, опять же обмундировывали на казенный счет.

Вскоре Бойцов отправился с прошением в Министерство внутренних дел, расположившееся в каменном трехэтажном доме, ранее принадлежавшем домовладельцу и читинскому купцу первой гильдии Д. В. Полутову, почему здание так и называли по-старому (как, впрочем, и другие читинские дома – по фамилии от бывшего или нынешнего домовладельца, хотя строения уже получали уличные порядковые номера). Дом Полутова, в три этажа, числился по Большой улице, при том, что его основной фасад красовался на Софийской, выходя высокими арочными окнами прямо на громаду Александро-Невского кафедрального собора в центре Новособорной площади. Купец, а после коммерции советник, Полутов в двадцатом году с семеновцами в Маньчжурию подался, и пошло все его каменное и прочее недвижимое богатство, пятнадцать каменных и деревянных домов, в реквизицию. Вот и обосновались в самом здоровом из полутовских домов Минвнудел и управление областной милицией.

В приемной Сокол-Номоконова произошла неожиданная встреча.

За столом сидел Григорий Наумович Савво, который в восемнадцатом году служил столоначальником читинской гормилиции, – у него-то Иван в помощниках и ходил! И потом, год спустя, он же, Савво, принимал на работу Бойцова в земскую управу. Куда тоже из милиции при семеновцах перешел.

Иван, широко улыбаясь старому знакомому, отметил: еще большее сходство Григорий Наумович приобрел с Гоголем. Литографический портрет писателя Иван запомнил с детства – видел в книжке, когда читали с отцом про кузнеца Вакулу и черевички императрицы.

Однако бывший столоначальник больше смахивал на крайне исхудавшего классика русской литературы. Нездоровый румянец заливал впалые щеки Савво. Да и вряд ли автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» сподобился бы носить потертый английский военный френч и сатиновые черные нарукавники.

Савво, как и раньше, сдержан, немногословен, но встретил Ивана приветливо, пробежал глазами прошение, кивнул удовлетворенно:

– И правильно.

У Ивана было желание поговорить с Григорием Наумовичем, вспомнить старую службу, но тут в дверях соседней комнаты показался Сокол-Номоконов.

– Товарищ Бойцов! Приветствую. Проходи, проходи...

В служебном кабинете начальник областной милиции официален и строг. Важно принял из рук Бойцова прошение, сразу же углубился в чтение. Только минуты через три оторвался от бумаги, усмехнулся. Начальственным тоном, с расстановкой, резюмировал:

– Прощение твое, Иван Иванович, прочитал внимательно. Накатал, брат, ты изрядно, – Сокол-Номоконов покрутил густо исписанный с двух сторон лист. – Но подробностей нам и требуется. Так, значит, при белочехах и семеновском отребье служба не с руки оказалась? Но нынче не белочехи и не атаман, так, Бойцов?

Глаза большого милицейского начальника, увеличенные толстыми стеклами очков, казалось, сверлили Ивана насквозь.

Иван кивнул.

– Что с милицейским делом знаком, это – ой, как кстати, – продолжил Василий Михайлович. – Работы – край непочатый! Но вот, брат, оказывается, что у милицейского начальника служба-то больше бумажная – сам видишь, в ворохе бумаг тону! И не знаю, прям, что делать, паря! Охо-хо... По бумажной части особенно зашиваюсь...

Сокол-Номоконов сокрушенно оглядел свой огромный стол.

– Так что... Думаю взять тебя к себе в помощники. Грамотных у нас негусто, а тебя Савво как раз таким и характеризовывает, к правильному оформлению канцелярских дел склонным. Ну, как, паря, справишься? Давай, Бойцов, не боги горшки обжигают! Посему такую резолюцию на твое прошение налагаю...

Обмакнув перо толстой костяной ручки в ампирную латунную чернильницу, вывел на прошении Бойцова зелеными чернилами в верхнем левом углу наискосок: «Назначить помощником начальника областной милиции, отдать в приказе с 15—1—21 г. Написать представление в Управление внутренними делами. 13—1—1921 г.».

И размашисто, не жалея места, подписался: «Сокол».

Выкрикнул громогласно, по-командному, Савво из приемной, передал завизированную бумагу:

– Возьми-ка, Григорий Наумович, сие прошение, оформи согласно резолюции, дабы сегодня у Герасима Ивановича наше представление на Бойцова оказалось без затяжки. Будет готово – заноси, подмахну!

Повернулся к Бойцову:

– А ты расскажи Григорию Наумовичу для бумаги нашей свои биографические подробности. Ну а завтра, милости прошу, к службе приступать. Товарищ Савво место тебе определяет, насчет пайка и по обмундированию порешает. Что, дружок, не помешало бы это, а?

Негромко засмеялся, щурясь, протянул руку.

– Давай, Иван Иваныч, поработаем-послужим, паря!

3

Первый служебный день начался для Бойцова с суматохи и круговерти. Решение поступило сверху: управление облмилиции перекочевывает по новому адресу, с министерского поста, стало быть, съезжает. Тут в трех комнатухах сидели, а теперь выделили целый дом на углу Александровской и Корейской улиц.

Собственно, насчет областного управления звучало куда как громко. Весь штат-то – пять человек, включая Савво, представлявшего в едином лице общий отдел и канцелярию облмилиции. Как помощник начальника, Иван вроде бы тому напрямую и должен подчиняться, но без Григория Наумовича пока чувствовал себя не в своей тарелке, потому и определил себе Савво за старшего.

Впрочем, оно так на так и выходило – поручения начальник давал обычно, если это документов касалось, через Савво, а Ивана гонял лишь в качестве курьера-посыльного, что Бойцову сразу не понравилось. При его-то возрасте и писарских навыках – мальчиком на побегушках! Но рассудил так: главное – работу получил, жалованье, паяк, а дальше – время покажет.

Помимо них, канцеляристов, и самого начальника, оставшийся штат управления представляли старые боевые сослуживцы Сокол-Номоконов – Георгий Михайлович Кожин и Андрей Николаевич Голобоков. С ними Бойцов общался редко – оба инспектора, как они назывались по должности, практически не вылезали из разъездов по области, налаживая дело с организацией милиции в уездах или, как принято было говорить, – на местах.

Когда удавалось собраться вместе и Сокол-Номоконов проводил совещания, обмен мнениями показывал Ивану, что в деле создания основ управления областной милицейской структурой он разбирается лучше, чем его коллеги. Прошлый, пусть и небольшой, милицкий опыт помогал. А бывшие партизанские командиры видели на местах не милицейские отделы, у которых очень много в работе значит опрос населения, скрупулезное создание цепочки информаторов и помощников из народа, а некие летучие отряды, которые выскакивали бы махом на громкое происшествие и наводили порядок железной рукой.

Ну, никак не получалось убедить партизанскую троицу, что облава и прочесывание местности, конечно, нужны, только зачастую в раскрытии преступлений излишний шум-гам, молодецкий кавалерийский наскок ничего не дают, а вред могут принести изрядный.

Хотя хорошо было уже то, что хоть в чем-то прислушивались. Зато в другом не было цены бывшим партизанским вожакам: с присущими им боевым настроем и напором они смело, не откладывая в долгий ящик, брались решать сложнейшие вопросы снабжения милиции оружием и боеприпасами, вещобмундированием, фуражом и конской амуницией. И горячо агитировали вступать в милицейские ряды своих бывших соратников по партизанской борьбе.

В общем, правильно понимали главное – без крепкой и оснащенной милицейской силы – и немалочисленной, а такой, какая потребна на забайкальских просторах, – никаких заметных результатов в наведении порядка и установлению спокойствия в селах, поселках, деревнях, в станицах и на городских улицах не добьешься. К тому же зарождающейся уездной милиции приходилось чаще других выполнять задачи не совсем милицейские. Серьезную опасность представляли недобитые охвостья банд атамана Семенова и барона Унгерна, налеты на пограничные села и станицы хунхузов – китайских бандитов из-за кордона.

Однако постепенно новая народная милиция вставала на ноги. Именно народная, как особо выделил, выступая на первом совещании с новыми начальниками уездных милиций и участков Сокол-Номоконов:

– Без крепкой смычки с самыми широкими народными слоями, товарищи, милиция существовать не может. Вернее говоря, существовать-то, однако, будет, а без толку. Ворье и другие самые различные шайки всякого сброда будут творить свои черные и пакостные дела, лить народную кровь, если мы не станем плотью от плоти народа. Революционная милиция в свободной республике обязана быть народной не только по названию, а такой милицией, которая народ защищает и оберегает от преступного зла. Мы – не старая самодержавная полиция, которая хватала и бросала за решетку людей не столько за украденное, сколь за правдиво сказанные слова. Нам же надо с настоящей нечистью покончить! И если люди в нас будут верить, верить, что мы придем на помощь, защитим, тогда и они нам завсегда просигнализируют о преступном элементе, сообщат, где, когда и кем готовится преступное дело. Без таких сведений мы с вами, товарищи, никогда с преступностью не покончим, сколь бы мы боевых своих сил не выставляли на улицах и трактах, сколь бы не устраивали облавы и не бомбили притоны и морфинилки. Поэтому народу всех слоев надо кропотливо разъяснять, что мы не прислужники буржуазной республики, а народная милиция, для простого человека в первую очередь, тем паче, что наш буфер – явление явно временное, и советская власть – наша недалекая, будьте уверены, перспектива! Симпатии народные, сами видите, на нашей стороне, это, товарищи, мы обязаны до глубины души ценить и чтить. И отвечать делом!..

К апрелю 1921 года, несмотря на все трудности, были созданы все пять уездных милиций: Нерчинская, Нер-Заводская, Алек-Заводская, Акшинская и Читинская. Формировалась и шестая – в Сретенске.

Понятно, что в столице ДВР милицейских сил набиралось поболее, чем где-либо: обстановка этого требовала. За четыре неполных месяца по учетам прошло почти четыре сотни преступлений, и львиная доля их приходилась на Читу. И это еще не все сообщения с мест доходили. Отвратительно работала связь, даже телеграф.

Иван Иванович Бойцов, ставший к тому времени еще и заведующим инструкторско-ревизионным отделом облмилиции, со связью крайне намучился. Депешу срочную передать в уездный центр – головная боль!

А с мест вообще можно было вместо сообщения абракадабру получить! Случались такие казусы, что даже газеты их использовали в качестве тем для фельетонов и ироничных заметок.

Недавно всей компанией хохотали над свежим номером «Дальне-Восточной Республики». С ехидцей корреспондент рассказывал, как областное бюро союза молодежи направило из Читы телеграммой разъяснение в Шилку: «Шилкинский комитет существует правах района непосредственная связь Читой Оббюро местами должна поддерживаться Райком руководит работой местных организаций». В Шилке, смеется газетчик, телеграмма была получена в следующем искаженном виде: «Шилкинский комитет не существует правах работы непосредственная связь Читой оббюро литеррами должна поддерживаться тайком руководить работой литерных организаций». И смех и грех!

Усердный шилкинский телеграфист, прочитав оное, даже позвонил о таинственной телеграмме в местный нарревком, мол, не контрреволюцией ли запахло...

Впрочем, политизация общества чувствовалась буквально во всем. Газеты пестрели агитационными материалами различных партий и блоков, всевозможными способами стремились получить большее влияние на умы и сердца забайкальцев. На глаза Бойцову недавно попался очень характерный образчик такой агитации. Орган Забоблбюро РКП(б) «Дальне-Восточная правда» под броским заголовком «ЛИТЕРАТУРНЫЙ СУД НАД ЛЕНИНЫМ» сообщала: «Сретенск, 27 (Дальта). 15 апреля в большом городском театре прошел с большим успехом литературный суд над Лениным. Защитник обвиняемого Воскобойников своими вескими аргументами довел сретенского прокурора до того, что последний, дабы сгладить

создавшееся не в пользу его настроение со стороны слушателей, вынужден был заявить, что он – тоже коммунист и только исполняет роль противника на суде. Под шумные аплодисменты суд закончился полным оправданием Ленина».

Бойцов подобное относил к казусам. В литературные и теоретические тонкости публика на подобных зрелищах обычно не вдавалась, довели обычные эмоции и настроения толпы. Побеждали симпатии.

Аналогичная картина наблюдалась и в создаваемых милицейских органах. Ивана Ивановича, с военной службой знакомого, удивляла и раздражала царящая в коллективах милиционеров непонятная смесь единоначалия и коллективных общественных решений буквально по всем вопросам деятельности милиции.

Основную массу милиционеров, не говоря уже о милицейских начальниках разного калибра, составляли бывшие партизаны, предпочитавшие начальника-командира себе избирать на общих собраниях. Кого уважали или кто больше нравился, кто командиром был в боях или у кого глотка самая луженая, а кулак самый тяжелый.

Как правило, за последнее пока уважали более всего. Естественно, что избранный начальник считал своим долгом с подчиненными советоваться. А кто, так сказать, начинал гнуть свою линию, долго в начальниках не задерживался – переизбирали! В общем, собраний и митингов хватало. И затягивались они иной раз до полуночи. Накалялись страсти, кипели эмоции – до службы ли...

Звучали на собраниях и митингах, конечно, и дельные мысли. Да только тонули в ворохе обсуждаемых сиеминутных проблемок.

Недавно, к примеру, Бойцов побывал на собрании коллектива служащих Читинской городской милиции. Сокол-Номоконов послал, опыта набираться.

Председательствовал на собрании помощник начальника Капустин, большой любитель бронзовым колокольчиком бряцать за столом президиума:

– Товарищи госмилиционеры! Приступаем к рассмотрению повестки дня сегодняшнего собрания. Первым вопросом разбор заявления гражданина Мельничука о принятии одного на должность младшего милиционера...

– Но-ка, пусть покажется! Вставай, Мельничук, перед народом! Биографию расскажи! Партизанил или под подолом у бабы отсиживался? Давай, паря!.. – тут же полетели из зала выкрики.

Поднялся сконфуженный, крестьянского вида мужик средних лет, о себе рассказал коротенько и незамысловато. В Читку из деревни полгода назад приехал на заработки, но ничего постоянного из работы не имел. Не партизанил, но из сочувствующих – помогал удовольствием быркинскому отряду, партизанские разведчики ночевали у него.

Тут же постановили, что препятствий к приему в милицию нет, дать ему, Мельничуку, месячный испытательный срок, тем паче, что один из милиционеров, Кузьма Бекетов, на собрании за Мельничука поручился, потому как сам его привел на службу устраиваться, – живут в соседях на Дальнем вокзале.

Вторым вопросом собрание проревизовало приказ начальника 4-го участка о выдаче служащим участка в кредит книжек на воду.

– Ишь ты, как завернул! Прямо министр! – смеялось собрание, когда Капустин разъяснил, что участковый начальник такое решение принимать права не имеет, потому что есть соответствующие указания Министерства труда. Так и постановили: рекомендовать начальнику 4-го и других городских участков неправомочные решения не принимать, а действовать согласно указаний Минтруда.

– Слушаем очередной вопрос повестки дня. Тише, товарищи, кончай гвалт! – председательствующий яростно бряцнул колокольчиком, нахмурившись, пошелестел бумагами и поднял над головой помятый лист.

– Тиха-а! Вопрос, товарищи, не из приятных! Прямо скажу, нехороший!

– Не тяни! Чо там?

– Товарищи! К нам поступило... вот оно... отношение от начальника второго участка об откомандировании служащей там Елены Яковлевой как несоответствующей своему назначению...

– Каво? Чо, как баба, што ли, не может, ха-ха-ха! Како там у нее назначенье?

– Хорош тут балаган разводить! – отрезал, поднявшись с четвертого ряда, сам проситель. – Грамоты нет, куды секретарить? Терпел я, товарищи, сам за нее бумаги выправлял, но куда же! Я пока не министерство социального призрения...

– А на хрена такую брал? Небось фигуриста да на личико смазлива, а? Родно-то любую стерпел бы, хошь и ва-аще дремучую! – продолжал веселиться зал. – Не министерство у него! Тожа небось в министры, как начальник четвертого, наметился, а?

– Да не брал я ее! – красный, как рак, оправдывался, уже прокляв себя за поданное отношение, начальник неграмотной секретарши. – Пришел, уже она там сидела...

– Мы пошли б на посиделки. Да там кавалеры мелки!.. – тут же пропел кто-то с последних рядов, на что зал прямо-таки обвалился гоготом.

Окончательно раздавленный насмешками, заявитель махнул рукой и сел на место, низко опустив голову.

– Тише, товарищи, тише! Давайте посерьезнее! – Казалось, колокольчик у Капустина сейчас оторвется от деревянной ручки и улетит в зал. – Хватит орать и частушки горланить! По Елене Яковлевой резолюцию принять мы обязаны! Тем более что от ее неграмотности страдает дело. Или непонятно?

– Да ясно все, давай, ставь на голосование, а то уже второй час сидим тут! – крикнул тот же чернявенький, что частушку затягивал.

По Яковлевой резолюцию приняли. Уволить, как негодную для секретарской работы. Конечно, высказался вдогонку кто-то, мол, ежели бы пришла на собрание да попросила коллектив, а и не явилась, проигнорировала!

Бойцов очумело вертел головой по сторонам. Посылая его на собрание, Сокол-Номонов напутствовал, дескать, погляди, послушай, какие проблемы, нужды у милиционеров. Хм, шел на серьезное мероприятие, а попал в цирк-шапито!..

– На этом, товарищи, повестка дня собрания исчерпана. Справки и вопросы к президиуму имеются? – чисто для проформы спросил председатель собрания, собирая бумаги и задвигая стул.

– А как же! Имеются! Дайте слово! – к трибуне направился жилистый рыжеватый Бояршинов из отделения уголовного розыска. Поднялся на ступеньку перед трибуной, левой рукой ухватившись за ее бортик.

– Сказать хотелось бы вот об чем, товарищи... – Он замолчал, обвел зал глазами, повернул голову к столу президиума. – Закавыка, товарищи начальники, стало быть, имеется сурьезная! А речь веду об арестном помещении при гормилиции. Это что же, товарищи, делается! Извините за грубое слово, но тамошние надзиратели ни хрена ведь мышей не ловят! Зайдите туда, особливо к вечеру, полное разгильдяйство! Арестованным дана свобода действий! Куча мала всякой родни набегает, мамки-няньки гужуются сколько и когда хотят! Полная, стало быть, свобода в обращении арестованных с родней и приятелями...

– Точно, точно! Так все и происходит! – выкрикнул, приподнявшись, дружок Бояршинова, Васин, тот самый чернявый частушечник. – Об чем угодно преступному элементу сговориться на свиданках – запросто! Времени дадено сколь хошь, присмотра нет! А начинашь надзирателям говорить – куды с добром! Нос воротят, мол, сами с усами! Зажрались там... Ни-ка-ко-го надзора нет!

– Усядь ты, ядрена вошь! – прикрикнул на дружка Бояршинов. – Дай сказать, чес-слово! Так вот, продолжаю. Во всем этом, принимая во внимание и сказанное Васиным, вижу агро-мальный вред делу расследования. При такой постановке надзора и связь у арестантов налажена, да и сбежать, чес-слово, труда не составит. И мы... Далеко ли мы продвинемся в дозна-вательстве? Разве можно всех соучастников, например, того же ограбления, выпатать, если у них постоянный сговор идет? И завсегда, чес-слово, возможность имеется наказ передать на волю: куда затырить или кому продать награбленное...

Взопрев от столь длинной для него речи, оратор смолк, махом вытер рукавом лицо в россыпях веснушек.

– А Федьча дело гуторит! – снова вскочил Васин, ударив кулаком о ладонь. – Там бы надзирательский состав почистить не мешало! Понятно, без магарыча не обходится, потому они и поблажки арестантам устраивают, а с нами всеми через губу разговаривают!

– Правильна-а!

– Давно пора потрясти котяр жирных!

– Они там небось давно окопались, чай, еще при атамане народ гноили!..

Капустин с раздражением проводил глазами оставившего трибуну Бояршинова, мно-гозначительно повел взглядом на Бойцова, сидевшего среди милиционеров на лавке у окна, мол, видал, орлы какие тут. И снова затряс колокольчиком:

– Товарищи! Хватит галдеть! Поступило важное, повторяю, очень важное дополне-ние! – произнес это столь многозначительно, что зал быстро стал успокаиваться.

Председательствующий, ободренный такой реакцией собравшихся, продолжил.

– Есть предложение прения по данному вопросу, заостренному товарищем Бояршиным и товарищем э...

– Васиным! – подсказали из зала.

– Ну да. Так вот. По товарищами Бояршиновым и Васиным поданному вопросу прения предлагаю прекратить, а постановить следующее...

Капустин, скромно улынувшись, показал залу неровно исписанную четвертушку бумаги. – Я тут проект резолюции набросал накоротке...

– Читай!

– «Просить начальника городской милиции в срочном порядке принять меры к устра-нению беспорядков в арестном помещении». Таков, собственно, вариант...

– Голосуем!

Голосовали единогласно. Но и это не положило конец собранию. Несколько человек, друг друга не слушая, подняли жгучий вопрос – о невыдаче пайка. Вернее, о том, что, коли возможности регулярной выдачи продпайка нет, то надобно изыскать способ приобретения хотя бы мяса и жировых веществ, а еще мыла.

Постановили возбудить ходатайство перед Главным управлением милиции об отпуске отделу снабжения хранящихся в пакгаузе кирпичного чая, отреза крепа и 145 кусков мыла для обмена на мясо и жиры. Но чтобы часть мыла была по получении из пакгауза выдана на руки.

Приняли и еще одну резолюцию: по порядку приема на службу – упрек Главному управлению, мол, почему часть служащих принимается без ведома коллектива. Постановили просить начальника придерживаться общего порядка и войти в ходатайство о получении разъяснения, как подчиненные должны обращаться и называть своих начальников.

Собрание закончилось за полночь. Бойцов вышел с него совершенно одуревшим. Но в памяти остались выступления Бояршинова и Васина. Дельные вещи говорили, для непо-средственной работы по розыску и следствию важные.

Так и рассказал начальнику все поутру. Сокол-Номоконов внимательно выслушал. И не перебивал, и ничего не сказал. Но поручение новое выдал: проштудировать все материалы

состоявшегося в марте первого съезда начальников областных и железнодорожных управлений Народной милиции ДВР, особо обратив внимание на принятую съездом специальную директиву по реорганизации уголовного розыска, которая требовала провести незамедлительную проверку благонадежности агентов угро, принять меры к немедленному восстановлению системы регистрации преступников и преступлений.

Иван Иванович помнил, что раньше, когда он еще начинал работать в милиции в восемнадцатом, существовало при городском управлении уголовно-разведывательное бюро. Там накапливались сведения не только обо всех проживающих в городе преступных элементах, но и местах их сборищ, притонах, всяких подозрительных домах. Теперь же, увы, от бывших сведений остались крохи. Что-то пытался собрать помначальника городского отделения уголовного розыска Сметанин.

– Задачу нам с тобой, Иваныч, далеко непростую выдали, – говорил, прихлебывая чай из потрескавшейся фаянсовой кружки, Сметанин. – Не потому, что бумажный ворох перелопатить требуется. И даже не перелопатить – навозную кучу руками перебрать и найти жемчужное зерно!

– Навозную кучу, жемчужное зерно... – усмехнулся Бойцов. – Тебе бы, Михалыч, басни писать.

– Басни не басни, а насчет зерна... – Сметанин отставил кружку. – Это, друг мой, означает, что придется нам с тобой – больше некому – засесть за составление инструкции-наставления для угрозыска. Кстати, от Колесниченко об этом прямое указание имеется.

Сметанин был старым спецом угро. И партизанские порядки в создаваемой милиции ему не нравились. Резкий на выражения, авторитетов среди новоявленных милицейских начальников не признавал, мог любому из них высказать в глаза свои неприятные суждения о той или иной проведенной операции, разнося в пух и прах за неумелость и дилетанство.

Начальнику угро Гадаскину, ностальгирующему по кавалерийской лихости бывлых партизанских побед, замечания и суждения Сметанина вообще словно нож по горлу, потому он с радостью и сплавил Петра Михайловича на бумажную работу, пусть и временную. «Нехай инструкцию пишет! Больно умный, можа и мы поумнеем, опосля, как его вирши прочитаем!» – съязвил Гадаскин, у которого со Сметаниным с первого дня взаимная антипатия сложилась.

А Бойцову Сметанин приглянулся. Аккуратный в документах, думающий. И такая память! Многое порассказал он Ивану Ивановичу, по полочкам разложил весь, не понаслышке знакомый ему уголовный мир Читы. Иван Иванович узнал о шайках домушников и карманных ворах, о грабителях-гопстопниках, об имеющейся в городе паутине барыг – скупщиков краденых вещей, и помогающих им изменить-перелицевать умыкнутые вещички тихих жуликоватых портных, о городских конокрадах и гадалках из Кузнечных рядов...

Сметанин вслух прочитал написанный им в инструкцию первый параграф: «Искусство уголовного розыска заключается в особом умении применить различные средства, способы и приемы для раскрытия совершенных и предупреждения готовящихся преступлений».

– Понимаешь, Иваныч, для сотрудника уголовного розыска особое умение не должно быть пустым звуком. Оно должно заключаться в том, чтобы обнаруживать истину содеянного законными средствами. Вот задержали мы человека по подозрению в совершении, допустим, кражи. Но до конца еще не знаем, он или не он это сотворил. И вот тут, согласись, надо уметь его расколоть. Наскочить на него, как говорится, с шашкой наголо, мол, или все, как на духу, или голову с плеч – бесполезная трата времени! Хуже того, под страхом или пыткой многие и в том, чего не совершали, сознаются. Но в таком случае мы уже не сыскари, а точно такая же шайка разбойников, как и те, с кем боремся. Понимаешь мою мысль?

Бойцов кивнул. Чего ж тут было не понять. Когда, в общем-то, неплохой человек, Илья Гадаскин, со зверским лицом, не выбирая выражений, до хрипоты орет на задержанного,

требуя признания – ей-богу, никакой гарантии нельзя дать, что не выхватит наган да не пальнет в арестованного. И потом, после этих допросов, как удержаться от опасения, что признание выжато липовое, а настоящий преступник в стороне остался?

Спокойной скрупулезности в работе пока маловато. Боевые наскоки, облавы и рейды... Обычно собирали милиционеры по базарам и притонам рыбешку мелкую – бродяг-воришек, шулеров-одиночек, в китайских забегаловках – трясущихся морфинистов и вялых курильщиков опиума, разгулявшихся в пьяном кураже мужиков с окраин, навешавших друг другу или домочадцам фонарей и плюх.

В Чите же участились дерзкие налеты на магазины и лавки, квартиры зажиточных горожан. Все опаснее становилось на сбегающих с хребтов в столицу ДВР трактах – одиночными подводами крестьяне уже ездить не рисковали, сбивались в обозы, вооружались ружьями и топорами для отпора лихим людям. Уголовники, наглея от безнаказанности, орудовали в городе и его окрестностях с нарастающим размахом.

4

Фанфаронства главе МВД Знаменскому хватило еще на два месяца. Потом его из министров наладили, высказав на заседании Правительства немало суровых, крайне болезненных для его чиновничьего самолюбия упреков по поводу разгула преступности и его самоустрашенности от руководства милицией, ее обеспечения, заодно обвинив в обуржуазивании, склонности покутить, людей не стеснясь.

«Боже мой, какова же все-таки людская зависть и неблагодарность!» – думала, всхлипывая, Вероника Иннокентьевна, уже привыкшая к шоколадным подношениям и другим, более весомым, знакам мужского внимания со стороны теперь уже бывшего министра.

И очень ревниво встретила новое начальство – Евгения Михайловича Матвеева, до этого занимавшего должность товарища министра, то есть заместителя Знаменского.

Многим, не только в Чите, но и по Восточной Сибири и Приамурью, новый министр внутренних дел был известен давно. Коренной забайкалец, юрист по образованию, Матвеев еще в 1918 году, когда в Чите установилась власть Советов, был избран первым комиссаром внутренних дел Забайкальского облисполкома, в котором вместе с видными деятелями революционного движения в Восточной Сибири Г. Т. Перевозчиковым и Н.В. Сундуновым возглавлял комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

После образования ДВР был назначен товарищем министра и одновременно начальником административного управления Минвнудела.

Теперь товарищем министра к Матвееву утвердили Михаила Даниловича Иванова, тоже из коренных забайкальцев, кавалера трех Георгиевских крестов за храбрость, полученных в германскую, известного на Дальнем Востоке партизанского вожака, выгодно отличавшегося от большинства собратьев по оружию умением тщательно оценивать и взвешивать все «за» и «против» в любом деле, никогда не принимавшем решений с кондачка.

Партизаны, воевавшие с Ивановым, сильно уважали его за то, что из боев его бойцы всегда выходили с минимальными потерями, побеждали малой кровью.

– Это, Иваныч, уже ветерок перемен подул! – обрадованно говорил Бойцову Сметанин. – Ишь, как кадры-то тасуют! И поделом! Конечно, разве барина Знаменского сравнить с Матвеевым? Этот коку с сокой попробовал! Не по тылам ошивался! И Данилович ему напарник добрый, не чета нашим «кавалеристам»... Смотри, Иваныч, о чем сразу речь пошла – о законе, милицейские функции и права определяющем, об учебе молодежи, которую на службу принимают. О перспективе службы, значитца! Профессиональной перспективе, а не партизанской самодеятельности.

– Про наметки об открытии милицейских курсов, Петр Михайлыч, я вообще-то слышал, дело нужное. Милицейской грамотности пополнению очень не хватает. Тем паче что учить надо новую, народную милицию, для которой старые полицейские методы в принципе негодны!

– В принципе, может, и да... Но, думаешь, среди старых чинов полиции все были держимордами? Отнюдь! Застал я еще те времена... Не вся полиция за политическими гонялась, милый ты мой! Уголовников и при царе было, как грязи. Но, между прочим, старый уголовный розыск был нам, нынешним, не чета! М-да! Душой люди за дело болели! Таких сейчас на службу позови – пойдут! И будут учить на совесть. А умение с оружием обращаться, стрелять, врага, как зверя, скрадывать – так тут хороший партизанский навык очень даже кстати будет. Опять же, с первых дней новичков к дисциплине приучать необходимо! Недисциплинированный милиционер – беда для дела, разгильдяй! Во вкус власти войдя, в два счета под свою выгоду любой закон подомнет! Потому во время учебы самый резон – заодно проверить новичка на дисциплинированность...

– Интересно... И как ты его проверишь? Человек только что поступил на работу, понятное дело, осторожничает на первых порах, приглядывается...

– Ваня, ты же знаешь, уж если человек по характеру разболтан – скоро проявится! Не так ли в солдатской казарме, а? Должен же ты помнить...

– Согласен! – засмеялся Бойцов. – Получается вроде как сито. Сорный человек тогда на службу в милицию не попадет.

– Именно! Потом вот смекай, Иваныч, – возьмем, к примеру, ученый люд, который юридическим тонкостям в университетах учился. Тоже в обучении милицейской молодежи пользу бы ученые юристы принесли, особенно в криминалистическом плане, с научным, знаешь ли, подходом. Для того чтобы при расследовании преступления умели ребята ни одного следа не утратить, все на заметку взять и для поиска преступника обратить. Уликами преступника припереть, а не на горло или кулак брать! А когда кулак в ходу – мы не милиция народная, а средневековая инквизиция, от которой даже честный человек, как черт от лаdana, будет шараться...

– А вот ты бы, Петр Михайлыч, пошел бы на курсы преподавать?

– Я-то? Как тебе, сказать... – Сметанин помедлил, призадумавшись. – Вряд ли. Видишь ли, какое дело... Я всегда на практической работе был, к этому, думаю, больше способен. У меня душа горит на бандитскую мразь! А с указкой между партами разгуливать... Не по мне это, не по мне... Хотя, Иваныч, дело это стратегическое! – предостерегающе поднял палец Сметанин. – И не помешало бы каждому в чем-то подучиться, а?

– Оно-то, может быть, и не помешало бы, – кивнул Бойцов. – Да годы уже – эге-ге-гей... Старею! Да уж... А настоящего дела и не видел еще! Стрелять могу, силой не обижен, навык, думаю, кой-какой в сыске имею. Так нет! Червь бумажный! – Иван Иванович с раздражением оглядел разложенные по столу бумаги. – Как же вся эта писанина мне осточертела! Я уже два рапорта Василию Михайловичу написал с просьбой меня от канцелярщины освободить, а направить хотя бы к вам, в уголовный розыск...

– Хорошая мысль! Только все ли ты договариваешь, дорогой товарищ Бойцов?

– Не понял... – протянул Бойцов, набычившись.

– А ты в бутылку-то не лезь! – усмехнулся Сметанин, внимательно разглядывая Ивана Ивановича. – Я и без того понял, что молодца точит малость гордеца. Да ты не сопи обиженно, не сопи. Старого сыскаря не проведешь!..

– Ну так и я не мальчик...

– А я разве что говорю? – Сметанин снова усмехнулся. – Я о другом, Иваныч.

– Так разъясни мне, непонятливому!

– Говорю же, не кипятись! А разъяснить свои умозаключения – да Христа ради. Значит, говоришь, писанина тебе осточертела? Так мы с тобой, кроме инструкции, никакой большой писанины и не сгородили. Это вон Савво денно-ночно над бумагами корпит, за столом горбатится. А мы-то, так, – поиграли в писарей. Это – раз. И вот еще какое мое умо-заключе-че-ни-е... – Слово, видно, так нравилось Сметанину, что он обкатывал его на языке, как монпансье-ландринку. – Писарским делом ты, Иваныч, почитай, всю сознательную жизнь занимаешься. Так? Сам же рассказывал.

– Ну и что?

– А то, милый ты мой, что давно ты уже с делом этим свыкся, а посему резкого протвращения оно у тебя вызывать не может. И что из этого следует?

– Что? – непонимающим эхом произвольно откликнулся Бойцов.

– А то, что душно тебе у Сокол-Номоконова работать не из-за писанины, а по каким-то иным обстоятельствам. Али не так? – хитро прищурился Сметанин, цепко обволакивая Ивана Ивановича взглядом.

Бойцов снова засопел, багровея, хрустнул, кулак в кулаке, пальцами, исподлобья зыркнул потемневшими глазами на Сметанина. Но быстро взял себя в руки. Вздыхнул:

– Тютелька в тютельку, Петр Михайлович. Силе-ен!

– И чо? Дядя Вася залудил?

– Да не то, чтобы... – Иван Иванович снова захрустел пальцами. – Понимаешь... как это тебе объяснить... Ну не могу я с ним! Кондовость эта партизанская уже в печенках сидит!

– О-о! – протянул Сметанин. – Так у вас, господин Бойцов, прослеживаются принципиальные расхождения с начальником облмилиции! Нет?

– Наверное, ты прав, – нехотя кивнул Бойцов. – Что-то в последнее время все чаще и чаще общего языка не находим. В начальственность погрузился...

– Поясни.

– Да насадил везде своих партизанских дружков и покрывает их, выгораживает всегда. А у них повседневных грешков – хоть пруд пруди. Все же начальниками стали, хоть маленькими, но начальниками. Ну и ведут себя соответственно... Не все, конечно. Но есть у него любимчики. И выпить не дураки, и посамонаправничать. Защищает, выгораживает. А что такой отец-командир потребовать может, ежели то гоголем вышагивает, то с подчиненными выпивает?.. Или вся вот эта выборность. Избирают-то чаще того, кто удобен, кто хвоста не прищемит! И все эти бесконечные собрания, резолюции, митинги!.. Да и сам любит, как бурятский божок, с важным видом на собраниях-заседаниях часами сидеть... Живым делом не занимаемся! Начнешь что-то говорить, предлагать – обрывает. Дескать, не учи отца, сами с усами, лучше сбегай туда, принеси это...

– Ты не обижайся, Иваныч, но вот, что я тебе скажу... – проговорил, дождавшись паузы и испытующе поглядывая на Бойцова, Сметанин. – Не первый день мы с тобой уже знакомы, пригляделся к тебе малость... Ну так вот... Гордеца в тебе и впрямь проглядывает. Не умеешь ты подчиняться, всякий раз норовишь по-своему повернуть... Подожди, подожди, дослушай. У всех у нас характерцы непростые, но что делать, Иваныч, приходится иногда и смолчать – начальство-то на то и начальство, чтобы командовать. Какое время на дворе, такие и начальники. А наше подчиненное дело – либо приказы исполнять, либо искать другое место. Да только хрен слаще редьки не бывает, сам знаешь, да и плетью обуха не перешибешь. Народная мудрость, Иваныч, веками отшлифованная! – Сметанин замолчал на мгновение, а потом, улыбнувшись, хлопнул Бойцова по коленке. – А по существу нашей с тобой «повестки дня» предлагаю подвести черту. Живой работы желаешь? Пиши третий рапорт. Нам штыки в угро позарез нужны, особенно такие решительные мужики, как ты. Отпустит тебя Василий Михалыч, отпустит. Вот увидишь. И давай-ка, мы лучше чайку организуем! Мне тут супруга шанег напекла, почаевничаем. А, Иван Иваныч? – Сметанин рас-

крыл выдавший виды клеенчатый портфель, вынул чистенький узелок, распутал завязку. – Вон, любуйся, какая аппетитность! Тащи кипятку гражданин-товарищ Бойцов!

Бойцов загремел чайником и подался в коридор, где в закутке попыхивал паром небольшой водяной титан...

Глава третья

1

Молодой и гибкий паренек, затянутый в хрустящие ремни, в глаженной, побелевшей от многократных стирок гимнастерке, таких же бумазейных штанах-галифе, но зато в новых, до ослепительного блеска нагуталиненных сапогах, быстро вошел в настежь распахнутые ворота больничного сквера. Приглаживая непослушные русые волосы и – со смешной, не по возрасту степенностью – щегольские усики на широкоскулом, гуранском лице, зашагал по дорожке, которую обступили старые тополя, к приземистому корпусу больницы – старинному зданию красного кирпича. В одной руке паренек нес нечто длинное и изогнутое, обмотанное чистой портяночной фланелью, другой – прижимал под мышкой фуражку военного образца.

– Яшка! Смородников! Стой, чертяка! – раздался радостный возглас справа, из-за разросшегося куста акации.

Опираясь на самодельную трость, с облупленной скамейки поднялся бывший партизанский командир бравого паренька, Абрам Иосифович, бледный и худой до неимоверности, с прорезавшими узкое лицо двумя вертикальными складками.

«Щеки-то как ввалились!» – огорченно подумал Яшка, но тут же улыбнулся во весь рот навстречу одному из самых дорогих ему людей.

– Батя!

– Какими судьбами, добрый молодец? – усаживая Яшку рядом с собой на скамейку, спросил Батя. – А справный какой, мать честная! Чисто гренадер его императорского лейб-гвардии полку!

– Ну, по лейбгвардиям, Батя, не сподобился. Мы их, наоборот, в хвост и гриву чехвостили! – Польщенный Яцка, положив на скамейку свой чудной сверток и фуражку, в очередной раз пригладил чуб. Прищурившись, загадочно улыбнулся, громко откашлялся в кулак и неожиданно встал.

– Однако прибыл я, уважаемый ты наш командир Абрам Иосифович, для важного поручения!

– Тю-ю!.. – шутливо протянул Батя. – А я-то, дурак, обрадовался! Думаю, Яшка меня, болезного, навестить пришел, про болячки мои послушать, посочувствовать... Ан нет! Яшка, да какое еще может быть больному человеку важное поручение?!

– Так это... я, знамо дело... и попроведывать... – обескураженно проговорил Яшка и тут же, спохватившись, подхватил со скамейки свой загадочный сверток. С шутливым поклоном положил командиру на колени, остро обтянутые желтоватой бязью больничных кальсон, торчащих из-под коротенького грязно-коричневого потертого халата, ощутимо пахнущего карболкой.

– Вот, значитя!

– Дерите меня козы, что за диво?! – ошарашенно вскричал Абрам Иосифович, разворачивая байку. – Ого-го! Мать честная!

В руках оказался темно-зеленый, гладкий, лаково блестящий и неправдоподобно длинный огурец.

– Да-а, брат ты мой... Вот удивил, так удивил! Это где ж ты такое сокровище отхватил? – Командир жадно понюхал овощ. Огурец, правда, ничем не пах.

– Знаем места... – важно выговорил Яшка и счастливо засмеялся. – Это у меня, Батя, знакомый кореец на Большом Острове, у Ингоды живет. Там у него эти... как их... Теплицы

и парники! Верить, Батя, томаты уже наливаются, под стеклом! От те и макака! Ты, Батя, того... ешь огурец этот, в нем витаминчиков – пропасть! Дюже, говорят, от любой болезни помогает. Тебе, Батя, надобно сейчас особенно питаться, чтобы быстрее на ноги встать. Погоди, завтра я тебе еще картошки молодой котелок притараню!

– Яша, Яша! – укоризненно покачал головой командир. – Ты совсем сдурел! Какая картошка! Во-первых, питание тут у нас налажено...

– Питание! – Яшка ехидно скривился.

Видел, что командиру приятна его забота, потому осмелел поболее.

– Ага, вижу я, каково тут у вас питание! Ты, Батя, чистый шкилет стал, в самый раз костями греметь! Да я у корейца тебе витаминчиков...

– Яшка, не зли! – Абрам Иосифович свел брови. – Говорю, что кормят нормально, значит так и есть. Это, как сказал, во-первых. А во-вторых, дело на выписку идет. Не сегодня завтра уже и выхожу...

– А про это, Батя, я знаю! – самодовольно надул щеки Яшка, вытянув ногу, полюбовался глянец на сапоге. – Посему-то, Батя, насчет особо важного поручения и прибыл!

– Ну-ну... Давай, добрый молодец, сообщай, а то вконец уже я от любопытства измучился! – рассмеялся негромко командир.

– Я теперича, значится, Батя, состою на военной службе.

– Ого! Народноармеец, так, что ли?

– Именно! – важно кивнул Яшка. – Но не просто там абы как! А порученцем при товарище военминистре!

– Я же говорю – чисто лейбгвардеец! – хлопнул себя ладонями по коленкам Абрам Иосифович.

– Да ладно тебе, Батя, – обиженно отвернулся Яшка. – Как был язва, так и есть!

– Не сердись, Яша, сам же знаешь: воду на сердитых возят! Ну что с больного взять?.. – смеясь, ткнул парня в плечо парня бывший командир. – Рассказывай все по порядку.

Умиротворенный Яшка повернулся к Абраму Иосифовичу.

– Дело серьезное, Батя, хотят тебе поручить по выздоровлению. Велено, как отсюда выпишут, прибыть тебе в моботдел Военного министерства для откомандирования. Вот! – Яшка выпалил все на одном дыхании, шумно перевел дух.

– Та-ак... Откомандирования, значит? И куда же это? – Батя удивился не на шутку.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – почему-то шепотом ответил Яшка.

– Понятно... – протянул Абрам Иосифович.

– Чего? – С непонимающим видом Яшка уставился на бывшего командира. – Так ты, Батя, знаешь? И куда это?

– А чего тут, Яшка знать! Меня нынче хоть куда откомандировывай – не боец...

– Но, Батя, это ты зазря! – принялся успокаивать Яшка.

Но глядел с жалостью – оптимизма нынешний вид бывшего командира не внушал.

А тот ничего не отвечал, криво усмехаясь сквозь густо побитые проседью усы, с прищуром смотрел на Яшку и поглаживал дареный огурец – гостинец от своего бывшего ординарца.

Еще лежачим, на неудобной и короткой для него больничной кровати, Абрам Иосифович то и дело гнал от себя подступающую к сердцу тревогу – переживал, что по ранению могут и комиссовать.

Рана была застарелая, недолеченная. Сутками в седле, ночевки у костра на стылой земле – все сказалось. Рана открылась, а потом подцепил еще и воспаление легких! Нянька недавно поделилась с ним, от доктора таючись, что выходить его и не надеялись.

Да чего уж там! Даже сейчас, перед выпиской, чувствовал себя Абрам Иосифович неважнецки. И внешне – краше в гроб кладут. Поневоле начнешь по поводу комиссии

переживать. Вот и Яшка, ишь, успокаивать прибежал. Однако совершенно непонятно, что это за откомандирование ему предстоит? Хотя, чего там гадать, скоро все прояснится...

Без седла и шашки Абрам Иосифович себя не мыслил. Привык за минувшее грозное время. Вот только несколько этих последних, мучительных от более месяцев уже приучили к мысли, что военная песенка его, по всей видимости, спета.

И совершенно не представлял свое гражданское занятие. Но, видимо, что-то ему нашли, коли Яшка с поручением нагрянул.

В этот вечер Абрам Иосифович впервые уснул быстро и спал всю ночь хорошо, спокойно...

После выписки, пару дней отлежавшись у Яшки дома, он явился в Военмин.

Неразговорчивый, страдающий отдышкой служащий, явно из бывших чиновников, протянул ему предписание – явиться на следующей неделе, во вторник, к товарищу министра внутренних дел Иванову.

– Его, случаем, не Михал Данилычем кличут? – попытался Батя разговорить хозяина кабинета.

– Он самый, – буркнул чиновник. – Не смею задерживать...

С тем Абрам Иосифович и вышел из приемной Военного министерства. Остановился на углу, молча обвел глазами серую громаду бывшего Горного управления, где теперь располагались Военмин и Главштаб ДВР. Чего это ему почти неделю судьбы ожидать!

И решительно направился на Большую, куда и было предписано, – в Минвнудел.

Предстоящая беседа с товминистра Ивановым воспринималась как ненужная проформа. Все равно же с ним уже определились, чего в высоком кабинете утешать!

Об Иванове он был наслышан, но встречаться не доводилось. Знал, что в Приморье нынешний товарищ министра командовал партизанской разведкой, то есть в переделках побывал всяких. Чем нередко разведчики сильно кичились, задирали носы. И кто знает – нынче стал Иванов большой шишкой, – сколь это ему норова добавило.

Больших начальников Батя не переваривал. Власть, как давно известно, людей портит, а власть военная еще и ожесточает, убивая в ее носителе умение переживать чужую беду, прислушиваться к другому мнению. Зачем оно, чье-то мнение, если действует принцип единоначалия, а начальник – ты?

Это Батя по себе знал. Иногда приходилось столь глубоко закапывать свое командирское самолюбие, так наступать себе на горло... А бывало, и не раз, что и его заносило, хотя и поменьше, чем других. Наверное, потому, что в жизни своей не только командирства попробовал...

За свои сорок два года Абрам Иосифович прошел такие горнила, что хватило бы и на десятерых.

Он был полной противоположностью отцу, незаметному, вечно сгорбленному портному Иосифу Абрамову, дневавшему и ночевавшему в полуподвальчике с грязными окошечками, через которые были видны, вместо синего неба, только шагающие, плетущиеся, прихрамывающие, бегущие и подпрыгивающие ноги.

За гроши обшивал сутулый еврейский портной такую же голытьбу, что и сам из себя представлял. Абрам уже ушел из дома, когда отца прибрала чахотка.

И то это ему случайно рассказали чужие люди, потому как связи с родными Абрам не поддерживал. Что случилось с матерью, сестрой Софочкой и братцем Мишаней, не знал, пока не вернулся с каторги.

А на каторгу попал как террорист и бомбометатель. Схватили его в девятьсот шестом, когда не жил – существовал, скрываясь после раздольного вихря девятьсот пятого года, баррикад и перестрелок с городовыми.

Счастье Абрама, что ничего при нем не было, даже вида на жительство. Когда бы разматывали его клубочек!.. А так – именем своим назвался, за которым ничего не числилось. Среди бомбистов и на баррикадах известен он был под прозвищем Барс, за сумасшедшую смелость свою и неуемность. Благо, не пронюхали ищейки! Посему отделался пятериком каторжных работ. Посчитали, что голодному и завшивленному долговязому еврею и такой срок до могилы изряден. Посчитали да просчитались! Выжил он, прошел-прогрызся через грязь и мрак!

Боевое свое прозвище вспомнил, когда началась мобилизация на германскую. В воинском присутствии гоготали над двойной фамилией добровольца-верзилы. Барс-Абрамов! Го-го-го! Еврейский «лыцарь»! Витязь, мать твою, в тигровой шкуре! Уморил, зараза! Да еще, это надо же – чтобы жид добровольно на передовую пер! Цирк!

– И куда же ты, тигра халдейская, определение свое видишь, ха-ха-ха!? – не мог остановиться призывной воинский начальник. – Моget тебя, Барса, мать ети, к ероплану привязывать и на германца сбрасывать, а ты его – когтями, когтями!

Про недавнее каторжное прошлое в призывной комиссии не ведали. К тому времени под новую двойную фамилию Абрам новую биографию придумал, а через старых боевых друзей, уцелевших на воле, получилось и новые документы выправить.

Все шло к тому, что опять бы он, наверное, вернулся на стезю бомбиста и подпольщика, но почти в самом начале войны произошло то, что толкнуло Абрама на слепую и страшную месть.

При обстреле германский снаряд, выпущенный из тяжелой дальнобойной пушки, оставил вместо той халупы, где жили после смерти матери сестра с братом, лишь огромную воронку, в которой стояла ржавая вода. В одночасье Абрам лишился всех родных, включая незнакомых ему племянников и невестки – детей и жены братца Мишани, перенявшего отцовское ремесло. Снаряд ударил под утро, когда все еще спали. Портновская мастерская в полуподвальчике осталась без хозяина, и вскоре там поселились какие-то беженцы.

И тогда Абрам решился на добровольную мобилизацию. Он хотел на германскую войну! Потому балаганный и оскорбительный разговор в воинском присутствии перетерпел.

Определили Абрама Иосифовича Барс-Абрамова, из мещан, в пластунскую роту 1118 Кенсгольмского полка. И пошло-поехало! Известно же, кто они такие, пластуны! Карабин коротенький, тесак острый, – и под покровом темноты на неприятельскую передовую, за призом!

Спустя пару месяцев над двузвучной фамилией Абрама уже никто не ерничал. Первая медаль в роте у него – на георгиевской ленте, «За храбрость»! А потом и унтер-офицерский чин! Немецких семей немало осиротил, пока остыл в мести своей...

Известие из Петрограда об отречении царя встретил подпрапорщиком с солдатским Георгием 4-й степени на груди.

«Штык – в землю! По домам!» – это кричали другие. Думать, где он, его дом, Барс-Абрамову не приходилось, а прямота и конкретность военного дела были ясны и понятны.

Ярость боя, сиюминутная рулетка «жив – убит» магической силой увлекали Абрама. Он чувствовал себя нужным на поле боя, за треногой сотрясающегося «максима», ему была необходима остервенелость истощенного «Уа-а-а-а-р-ра-а-а!!!», сменяющаяся глухим хеканьем штыкового боя, вдвойне жуткого своей молчаливостью и кровавостью. Ему уже было нужно это екающее содрогание всех внутренностей при гулком орудийном залпе, в бешеном галопе кавалерийской лавы, в визге шрапнели и храпе рухнувшей лошади, захлебывающейся черной кровью...

Еще при этих временных перевертышах – львовых-гучковых, Барс-Абрамова избрали полковым командиром. При истеричных комиссарах Керенского он принял сторону большевиков, безраздельно, не задумываясь. Мятеж Корнилова на многое открыл глаза. А потом

был октябрь, сумасшедшая и счастливая питерская ночь, охрана Съезда Советов, оборона Петрограда от немцев и Краснова... И завертела, закрутила вновь свинцовая метель!

Высоко мог бы подняться по военной лестнице Барс-Абрамов, уже собиравшийся дивизию принять. Но оказался вместо этого на госпитальной койке, после тяжелого ранения и контузии. По выздоровлении – служебная командировка на восток, в Забайкалье, к Лазо.

Поначалу очумел – партизанщина! Но вскоре на Амурском фронте самолично возглавил летучий отряд и понесся по японским тылам!

Помотала судьба боевая! Особенно в ту тяжелую пору, когда за Благовещенском в тайгу уходили, огрызаясь от наседавших на пятки золотопогонников, а потом мотались по таежным увалам, совершая изматывающий переход до Витима, где зимовали на охотничьих заимках, кормились чем попадая.

Но зато весной снова слились в ручейки, с сопок багульных стекая в укромные пади, формировались в полки, – и покатил грозный партизанский вал!

Эх, если бы не раны... В седле бы по-прежнему качался он, Барс-Абрамов, а не валялся на больничной койке! И это в такое время, когда япошек столь ощутимо поперли с Дальнего Востока!

М-да... Вышло – и вовсе от военной службы уволили, раз в Минвнудел послали...

«Это что же, поставят из кабинета городскими командовать? Пардон! Не пойду! Не для того столько пройдено! Я – человек военный, а не жандарм какой-то, пусть и в Дэвээр-рии! Да я еще!.. Рано списали! Надо будет – до военного министра дойду!» – раздраковал себя по дороге Абрам Иосифович, зарываясь носками сыромятных мягких сапожек в песок, которого на любой читинской улице в избытке. Похожие на ичиги сапоги носил после ранения в ногу, да и не было у него другой обуви, не избаловался за время командирства.

2

С самыми невеселыми мыслями доплелся Барс-Абрамов до Большой, потянул тяжелые двери. И оказался в прохладном и темном вестибюле, из которого направо и налево в глубь здания уходили такие же темные коридоры.

У входа, за столом, сидел вихрастый парень в косоворотке, но с револьверной кобурой на боку. У стены на столе тускло горела настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, возвышался телефон, лежала толстая амбарная книга.

– К кому, гражданин? – строго спросил вахтер, настороженно глядя на Абрама Иосифовича.

Тот молча протянул выданное в моботделе Военмина предписание. Парень долго разбирал написанное, шевеля толстыми губами, потом степенно пробасил:

– На второй этаж, кабинет 107. Я тебе, товарищ, пропуск выпишу.

Вахтер раскрыл амбарную книгу, в которой закладкой лежала тощая узенькая книжечка пропусков, долго, каракулями заполнял корешок пропуска, потом сам пропуск. Наконец, оторвал его и протянул посетителю.

– По калидору, товарищ, налево, до лестницы, там – наверх и опять налево, как упрешься в переборку, там и будет...

Но в приемной, отгороженной от коридора фанерной переборкой, миловидная женщина средних лет указала Абраму Иосифовичу на венский стул.

– Посидите, пожалуйста. Михаила Даниловича вызвали к Предсовмина, но они скоро будут...

«Ишь ты, какая фифа! – неприязненно оглядел секретаршу Барс-Абрамов. – И где только этому учат – „они скоро будут“! Как будто этих ивановых тут минимум пара!»

Ожидание затягивалось. Заныла спина, потом засвербило раненую ногу, хотелось поудобнее усесться на жестком стуле, переменить положение...

– Героическому командиру – почет и слава! – раздался вдруг знакомый голос.

Абрамов обернулся, невольно вставая, и увидел располневшего, в неизменных круглых очках, Сокол-Номоконова. Боевые друзья крепко обнялись.

Вышли в коридор, к лестничной площадке, задымили номоконовскими папиросами. После сетований по поводу крайне исхудалого вида Абрамова, Василий Михайлович рассказал старому соратнику о новой своей должности, милицейских нуждах и заботах, о том, что многие из общих партизанских знакомых пошли на службу в милицию. Последнее несколько приободрило Барса.

– Не робей, паря, – гудел Сокол-Номоконов. – Если тебя к самому Иванову вызвали, должность будет предложена ответственная, ничуть не хуже твоего командирства, а то еще и повыше!

Сокол-Номоконов многозначительно поглядел на товарища, выдерживая паузу для придания своим словам большей солидности.

Но Абрам Иосифович до конца значимости сказанного оценить не успел – на лестнице показался немолодой мужчина, при виде которого Василий Михайлович поспешно принялся разгонять рукой папиросный дым.

– Здравствуйте, товарищи! – подошедший поздоровался с обоими за руку. – Ко мне?

– Точно так, Михал Данилыч! – пробасил Сокол-Номоконов. Из чего и дурак бы догадался, что товарищ министра Иванов прибыл собственной персоной.

Прошли в кабинет, просторный, но пустой. Скромный двухтумбовый стол, диван, обитый потертым дерматином, несколько таких же, как в приемной, стульев.

Через пару минут, получив от Иванова резолюцию на какой-то документ, Сокол-Номоконов попрощался, взяв с Абрама Иосифовича слово сегодня же вечером быть у Номоконовых к ужину.

Басок начальника облмилиции еще слышался в приемной – с кем-то там заспорил, – а Абрам Иосифович уже взял быка за рога:

– Уважаемый Михаил Данилович! Я тут, вас дожидаясь, со старым боевым другом малость успел переговорить, он нынче такой высокий пост в милиции занимает, что про многое просветил. Работы, вижу, хватает у вас, и кусок нелегкий. Но, поймите! Все-таки я – человек военный, к тому же, считаю, что предписание выдано мне ошибочно. Не разобрались, бюрократы чертовы! Надо – я к самому Блюхеру пойду!.. Ну не мое это дело – какими-то околоточными заведовать! Я – боевой командир!..

Абрамов злился. Он видел, что Иванов, молча выслушивающий его тираду, еле заметно улыбается. Понимает, мать его, что командир-то с него, Барса, нынче никакой!

– Улыбаетесь! Ага, значит! Кипи, мол, самовар!..

– Абрам Иосифович, дорогой ты мой. Наоборот! Все правильно говоришь, только текущий момент определил неверно! – прервал его гневную тираду Иванов.

Поднялся из-за стола, быстро зашагал по кабинету, от стола – до двери, от двери – до стола.

– Что ты, Абрам, боевой и способный командир, я знаю. Больше того, убежден, что большой пост в Нарармии тебе доверить было бы самым правильным. Думаю, что и товарищ Блюхер такого же мнения. Кстати, никто ведь тебе и не запрещает к нему со своей просьбой обратиться... Но есть ли резон, дорогой товарищ Барс-Абрамов?

Замерев напротив, Иванов пристально, прямо в глаза, на Абрама уставился. А тот вдруг поймал себя на мысли, что ведь не со шпаком, пороха не нюхавшим, разговор ведет. Сокол-Номоконов про Иванова ему много интересного порассказал, пока перекуривали. Три Георгия получить в германскую – однако!

И запал у Абрама стал понемногу проходить.

– Вот ты мне сам ответь? – продолжал Иванов. – Каков резон? Я не говорю, что врачи могут и белым билетом пригрозить. Понятно, что от эскулапов ты вскорости отобьешься, как малость на харчах подымешься. Но, батенька дорогой, война-то, почитай, заканчивается! Только с кем? Правильно, с белой и желтой сволочью! А знаешь ли ты, Абрам, что другая война уже идет? На те, к которым ты привык, непохожая! Думаешь, пьяный Ванька с кистенем самодельным ограбил парочку новоиспеченных буржуев – и амба? Нет, батенька, сотни их, мародеров, грабителей, убийц и воров! И вооружены до зубов! Во всей милиции, веришь ли, трехлинеек – раз-два и обчелся, до сих пор в основном берданки и смит-вессоновские ржавые револьверы, а бандит из-под полы кольт самозарядный тянет или маузер, с карабином на тракт выходит, ручную бомбу, не раздумывая, швыряет в людей!

Иванов снова резко заходил по просторному кабинету.

– Наверное, Абрам, ты уже достаточно наслушался, что народ-то говорит? Правильно! Чехвостят власть и милицию за то, что беззубые мы! От японцев отбились, от Семенова и прочих, а тут... У людей – страх неимоверный перед бандюгами, а в милицию веры, увы, совсем мало. Да нам, друг ты мой, позарез, слышишь, позарез нужны командиры и бойцы, огонь и воду прошедшие, которых люди знают и уважают, которым верят! Если такой пришел народ защищать – защитит? Защитит! Люди обязательно в это поверят, а если поверят – бояться перестанут, будут помогать с преступниками бороться. Или я не прав?

Иванов присел рядом с Абрамовым на диван.

– Сам знаешь, что прав. Но не только об этом думаю. Милицию формируем, много молодежи необученной. Не имеем мы права их под бандитскую пулю или нож подставлять – научить сначала обязаны! Согласен со мной? Вот! Ну и скажи тогда мне, батенька дорогой, а кто новичков боевому делу обучать будет, дисциплине военной, чтобы, как и в бою, не стала расхлябанность или неумелость причиной поражения и гибели, а? Или, может, мне бандеролями из Советской России таких инструкторов присылают?

Иванов поднялся с дивана, вернулся к столу, уселся, шумно двигая стулом.

– Скажу тебе, Абрам Иосифович, две вещи. Первое. Положение с преступностью в Республике крайне серьезное. Поэтому даже закон принят, что все служащие милиции, как внутренней охраны государства, считаются мобилизованными наравне с призванными в Народно-революционную армию. Так-то вот. И второе. Имею я, Абрам Иосифович, очень серьезные виды на тебя. Извини, что в начале нашего разговора sluкавил... Да не вскидывай ты так голову! Это я про Блюхера. Мы с министром, товарищем Матвеевым, были у него недавно. Как раз с просьбой об укреплении милиции командирами и бойцами НРА. В чем нам не отказали! Понял? Нет? Да я к тому, батенька дорогой, что Евгений Михайлович самолично Василия Константиновича за тебя просил. Он тебя здорово помнит!...

Барс-Абрамову было приятно, что за своей высокой министерской должностью Матвеев не забыл их совместное участие в боях на Восточном фронте.

А Иванов продолжал:

– По твоей кандидатуре выбор не случаен. Евгений Михайлович в курсе, как тебя старая рана и лихоманка прихватила. Сожалеет. И не раз мне говорил, что не встречал более толкового и волевого командира, у которого всегда дисциплина среди бойцов была на высоте, как бы там ни поворачивала удача. Ни дезертиров, ни паникеров, ни мародерства! Так? Так... Вот и взяли мы тебя до выздоровления на заметку. Дело в том, что собираемся создать милицейскую школу. Конечно, это в перспективе, пока лишь курсы трехмесячные. Но милицейскому делу будем учить по-военному, чтобы, как в добром строевом полку: распорядок, дисциплина, строевая подготовка, субординация! Чтобы сразу, с первого дня, любую разболтанность и разгильдяйство закрутить на тугие гайки! И вот тут-то, батенька дорогой, очень ты нужен! Посему должность тебе предлагаю наи-ответ-ствен-ней-шу-ю! – произнес

товарищ министра чуть ли не по слогам. – Предлагаю эту будущую милицейскую школу возглавить! Пока там бывший помощник начальника Прибайкальской милиции Добронравов занимается, первый набор в полсотни курсантов сформировал. Вот тебе и заместитель готовый. Ну что скажешь?

А что мог сказать Абрам Иосифович? В логике Иванову отказать было трудно, все по полочкам разложил, напористо и убедительно. И как человек, он Абрамову понравился. Несмотря на свой высокий пост, мужиком оказался простым, своим, с понятием.

А уж чем вовсе напрочь убил, так это пересказом про состоявшийся разговор двух министров, Матвеева и Блюхера, про него, Барса-Абрамова. Вот, значит, как! Рассчитывают на него в новом деле!..

Они еще долго беседовали. О том, какой видится будущая школа, где ей выделили помещения, как организуется снабжение и обеспечение процесса учебы.

Потом, здесь же, в кабинете Иванова, Абрамов написал заявление: «Прошу зачислить меня на имеющееся вакантное место начальника инструкторских милицейских курсов». Поставил подпись и дату – 28 июля 1921 года.

Но одно условие товарищу министра оговорил – выпустит он, Абрамов, первый курсантский набор и полномочия начальника школы сложит, ежели здоровье у него в улучшение не придет, потому как командовать с лазаретной койки он не привык и не желает.

3

Четыре дня спустя во дворе здания бывшего епархиального училища, что расположилось на углу Троицкосавской и Мариинской улиц и теперь было отдано под милицейскую школу, перед строем первого набора – пятьюдесятью курсантами, обмундированными во все новое, вплоть до сапог, был зачитан приказ № 1:

«Вступая в должность начальника милицейско-инструкторских курсов, я считаю нужным разъяснить значение таковых:

1. Курсы являются фундаментом Народной милиции, откуда должен выйти дисциплинированный, примерный, главное – верный народу, инструктор Народной милиции, который должен стоять на защите интересов трудящихся масс.

2. Курсы должны создать стойких и преданных народу и Правительству ДВР инструкторов Народной милиции с новыми народными принципами. Знайте, что на вас ляжет вся тяжесть реорганизации Народной милиции, где еще и по сие время есть примазавшийся элемент, со старыми полицейскими замашками, которые нужно изжить, ибо ему среди милиционеров-граждан места нет.

Я уверен, что вы, сознательные сыны народа, пойдете навстречу стремлению народной власти, избранной Учредительным собранием, чутко и бдительно будете сохранять внутренний порядок и спокойствие Республики, борясь неустанно и честно с врагом народа, как политическим, так и уголовными преступниками.

Начальник Центральных милицейских инструкторских курсов
АБРАМОВ».

В тот же день газета «Дальне-Восточный телеграф» опубликовала

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Начальника Центральной Милицейской Инструкторской Школы

С 1 августа с.г. открыт прием в Центральную Милицейскую Инструкторскую Школу. Принимаются граждане не моложе 18 лет, физически здоровые, вполне грамотные и состоящие в подданстве Д. В. Р. Каждый поступивший в школу снабжается казенным обмундированием и довольствием (ударный паек). Срок обучения в школе не менее 3 месяцев. Окончившие школу обязуются прослужить в милиции Д.В.Р. не менее одного года. При успешном окончании курса назначаются на командные должности Главным Управлением Народной Милиции. На курсах преподаются: Строевое обучение, грамотность, Уголовное право и процесс, Конституционное право, Общие милицейские обязанности и политическое воспитание.

Прием прошений производится в Главном Управлении Народной Милиции (Чита, Енисейская ул., дом Беркович).

Начальник школы Абрамов».

Объявление о наборе в милицейскую школу, как и публиковавшийся по главам в начале сентября, в том же «Дальне-Восточном телеграфе», только что принятый «Закон о милиции», произвели заметное впечатление на забайкальцев.

Все это указывало на устанавливающийся государственный порядок. Население обрело, хоть и робкую, но надежду, что за усмирение уголовщины власть берется всерьез.

– Пожелаю успеха на новом поприще, – подошел после одного совещания, где Барс-Абрамов вновь поднял вопрос о недостаточном материальном обеспечении милицейских курсов, важный и лощеный начальник снабжения Главупра Антонов. – Начинал я когда-то это дело... Ох, и неблагодарная работа! Какого только сору не собирается. Некоторые только ради пайка да обмундирования...

– Разберемся, – отрезал Абрамов, еле сдержавшись, чтобы не послать Антонова подальше. Тот еще чинуша! Снега зимой не выпросишь. В октябре – ноябре минувшего двадцатого года Антонов действительно возглавлял первую учебную команду милиционеров, а потом его утвердили начснабом Главупра. Освоился на тыловом поприще за минувший неполный годок: приемная, секретарша, без доклада которой к главному снабженцу не прорваться. Зато какие-то непонятные и скользкие личности туда-сюда снуют, как у себя дома... Поговаривали, что «особый подход» к Антонову требуется, всех поделил на своих и чужих. Первые – с руки кормятся, вторые – пасынки, этим – что останется, крошки со стола. По крайней мере Абрам Иосифович не мог припомнить случая, когда даже оформленная по всем правилам заявка, изобилующая полным набором необходимых резолюций, удовлетворялась Антоновым полностью, обязательно что-то урежет, а то и вовсе мог развести руками, мол, никакой возможности не имеется-с.

4

Изучая поступающую на имя начальника областной милиции почту, Иван Иванович Бойцов видел, что все больше и больше граждан искали у милиции защиты, сообщали о беспорядках. Люди хотели спокойно жить и работать, растить детей, любить.

Убеждался Бойцов и в том, что не все из бывших полицейских чинов, адвокатов и юристов встречают с неприятием рождение Народной милиции. Приходили и предлагали свои услуги. После проверки на благонадежность некоторых привлекали к работе в качестве инструкторов на местах, в уездных и волостных милициях.

Преподавали старые «спецы» и в Центральной милицейской школе.

В общем, совсем неудивительным было прочитать на газетной странице, среди объявлений типа «Продается 2-цилиндровый в 3 с половиной лошади. силы мотоциклет французской фирмы „Пежо“» или среди сонма афишек хиромантов-физиогномиков, академиков оккультных наук и футурографологов, и такие строчки: «Гражданином М. М. Немеровым пожертвовано Центральному Управлению Уголовного розыска собрание книг по тюремному ведению и уголовному сыску». Народного милиционера люди хотели видеть профессионально грамотным, способным пресечь мутную и кровавую волну бандитизма, захлестывающую ДВР.

На столе у Бойцова лежала потертая коленкоровая папка, куда он собирал газетные вырезки о происшествиях в Чите за месяц.

Иван Иванович с болью и горечью посмотрел на это хранилище свидетельств того, что по читинским улицам ныне опасно ходить даже днем. Более того, и в собственном доме никакого спокойствия и безопасности не жди:

«В ночь на 2 сентября, на Сенной площади в д. Варгуна неизвестными грабителями зверски убиты содержатель столовой кореец А. Ф. Ким, его жена К. С. Меньшикова, горничная А. Ф. Галеш, квартирантка Е. К. Даманова, заведывающий хозяйством столовой – кореец и неизвестный, одетый в военную форму. Явившиеся утром на место убийства судебные власти застали следующую потрясающую картину: все 6 человек, павших жертвой от рук убийц, были изуродованы и валялись в луже крови. В углу стояла, по всей вероятности, оставленная убийцами кайла. Убийство было совершено с целью грабежа».

«Убийство целой семьи. В 8 часов вечера 8 сентября неизвестными убиты с целью грабежа супруги Крыловы, с 11-летним сыном, проживающие по Петровско-Заводской улице в доме Щастина.»

«Трупы. Днем 8 сентября в стороне от городской бойни, саженях в 50 от трактовой дороги на Песчанку обнаружены два трупа китайцев, убитых неизвестными».

«**ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ.** В 12 часов дня 8 сентября на квартиру Керсановой, в Кузнечных рядах, совершено неизвестными вооруженное нападение с целью грабежа. Похищено вещей на 60 руб. и 10 руб. золотом».

«**ТРУП.** 12 сентября, в лесу между Мариинской и Ивановской ул., в полутора верстах от Ново-Бульварной улицы, обнаружен труп неизвестного, на вид лет 28, в разных местах туловища которого – двадцать ран, нанесенных, по-видимому, штыком и шашкой. Возле трупа найден револьвер системы „Браунинг“, за № 263769 с патронами».

«**ДЕРЗКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ.** 15 сентября в 2 часа дня в магазин Забайкальского акционерного общества по Коротковской улице вошло несколько вооруженных бомбами и револьверами людей и потребовали выдать им кассу. Напуганные служащие повиновались приказаниям грабителей, которые помимо 1000 зол. рублей кассовой наличности забрали и все ценное, что имелось у служащих и покупателей. Закончив „дело“, грабители заперли всех присутствовавших в магазине и скрылись. Ограбление поражает своей дерзостью особенно потому, что совершено

среди белого дня на одной из самых людных улиц в соседстве с помещением Совета Министров, где всегда имеется вооруженная охрана».

«ДЕРЗКОЕ НАПАДЕНИЕ. Поступило от Васильева заявление о том, что в ночь на 18 сентября при возвращении его из Жуковского сада домой в сопровождении знакомой Ильиной, на углу Баргузинской и Бульварной на них напали два злоумышленника, из которых один потребовал от Васильева документы и, не получив таковых, выстрелил в него в упор, но промахнулся. Васильев притворился мертвым, злоумышленники схватили Ильину и утащили ее в лес, где нанесли огнестрельную рану в правый бок, сняли с руки перстень и скрылись».

«ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ. Около 1 часу дня 27 сентября на следовавших в гор. Читы крестьян, в числе до 13 чел. в лесу на Шамановском хребте, напали из засады неизвестные вооруженные, до 12 человек, обстреливая их. Вместе с крестьянами ехал помощник начальника Читинской гор. милиции для поручений Лукьянов, который вступил в перестрелку с грабителями и последние скрылись в лесу.

В тот же день на жителей Титовской станицы Ахметзянова и Ди-фу-ги, занимающихся скотопромышленностью, на 4-й версте за поселком Чита-1, напали четверо неизвестных, вооруженных винтовками, на лошадях, отняли у них 11 голов купленного рогатого скота, одну лошадь с седлом, черную романовскую шубу, сапоги и шляпу всего на 2075 р.».

«В ночь на 1 октября в дом Георгиевского по Песчанской ул., уг. Ивановской, явились двое неизвестных злоумышленников, вооруженных револьверами в масках; влезли на сеновал, находящийся во дворе, где спали эмигранты из Америки Никифор Мищенко, Алексей Рево и Роман Каузаев, осветили сеновал электрическими фонарями, скомандовали „руки вверх, ни с места“ и забрали у них двое карманных часов, 1650 руб. золотом и долларами и 8 руб. серебром, после чего скрылись».

«4 октября, около 9 часов вечера, совершено вооруженное ограбление 4-мя неизвестными в военной форме – вооруженных винтовками и один из них – револьвером „Наган“, – мелочной лавочки на уг. Александровской и Камчатской ул. в доме Брикман, принадлежащей китайскому подданному Ван-син-лин. Похищено разного товара и имущества на 847 руб. 20 коп. и деньгами золотом 105 руб.».

Старая коленкоровая папка разбухла день ото дня. И не столько от новых вырезок, сколько от ехидных, а чаще откровенно злых репортерских комментариев по поводу очередной уголовной выходки, очередного кровавого преступления. Разбухла папка. Впору вторую заводить.

Глава четвертая

1

Эх, Чита – чи не та! Столица развеселая! Китайской «ханьки» – хоть залейся, были бы деньжата! Шумит-гудит столица «буфера». На Амурской улице правительство заседает, протоколы пишет, законы принимает, а на квартал выше да на квартал дальше – на старом базаре – шило меняем на мыло, пироги с требухой, орешки кедровые, рыбка озерная! Были бы деньжата...

Деньжата, знамо дело, оборот совершают. Купчин и деловых людишек повылазило – как при царе-батюшке. Инда бились, стало быть, с япошками и семеновцами, не жалея крови и живота своего, а на хрена бились-то?! Бары и мадамы заново фланируют по дощатым тротуарам, звенят хрусталем в расплотившихся ресторациях, двери которых по-старорежимному стерегут галунные швейцары с окладистыми бородами, привычно окликающие извозчиков для покидающих застолье парочек и громкоголосых компаний, накушавшихся бефстрогановых, красной рыбки и налакавшихся «чуринской» – аки слеза! – водочки.

...Наслушался Филипп проклятий в адрес новых властей, пока из Хабаровска до Читы добирался. Длинной оказалась дорожка. Правдами-неправдами – в несколько месяцев. И ночевал, где придется, и жрал, что попадя, и крал, и грабил, ехал на вагонных крышах и шел трактом. Даже на пару недель у вдовушки-амурчанки пригнулся в примаках – отъедался.

Чита Филиппу – город чужой, холодный. Но в родные иркутские края тяги у него никакой. Вот где уж точно – полный амбец, тока глаза покажи. Это на сахалинской каторге двенадцать лет – как вся жизнь, а для родни зарубленной топором супруженницы – что вчера. Разорвут, собаки...

Загребел на сахалинскую каторгу Филипп из-за бешеного своего нрава. По пьяному делу, войдя в яростный кураж пуще обычного, зверски убил жену законную. Полуживого, с переломанными кольями ребрами и выбитыми зубами, черного от кровоподтеков, отняли его полицейские служки у односельчан. Оклемався малость в тюремном лазарете и побрел, звеня железом кандалным, по этапу на Богом проклятый остров.

Когда март семнадцатого распахнул настежь ворота тюрем и прочих каталажек, доказавшись и до Сахалина, у Филиппа Цупко осталось позади двенадцать долгих лет изнурительного труда до кровавого пота, ежедневных унижений, неистребимого запаха и вкуса баланды из гнилой капусты с протухшими рыбьими головами.

Понятное дело, подался, как и прочие экс-арестанты, на материк. А дальше – куда глаза глядят. Неизвестности и нищеты Филипп не боялся, острогом тоже уже пуган – не страшно. Да и чего бояться – на руках столько крови и грязи, что ни страха, ни угрызений совести он уже давно не испытывал. Какая совесть у варнака каторжного – Бог обнес!

Но катил на вагонной крыше или топал трактом Филипп не бездумно. Зацепка одна имелась, хотя и призрачная: верстах в пятидесяти к востоку от Читы в довольно большой деревне Маккавеево, одновременно являющейся станцией на Великой Сибирской железной дороге, обитал в былые времена дружок Гоха.

А дело-то и дружба Фили и Гохи срослись еще в забытом уж нынче одна тыща осьмсот девяносто седьмом годе.

Оказался Филя, молодой и ловкий, на байкальской станции Слюдянка – возили ватагой свежую шпалу для железнодорожных работ из своего лесного улуса. Разговорились как-то там под малосольный омулек с забайкальским мужичками, торговцами спиртишкой китайским. Перезнакомились. Оказалось, они этим спиртишкой не только приторговывают, но и

шныряют за ним к китаезам. Дело прибыльное, жить можно. По сельским забайкальским меркам, вполне припеваючи, – знамо дело, не роскошествуя барином. Но контрабанду таскать – занятие артельное, тут в одиночку не много откусишь. Гоха маккавеевский «артель» и сколотил. Вот в эту-то «артель» как раз по случаю Филипп и вступил.

Так и появились у Филиппа два друга, под Читой проживающие. Один, стало быть, Гоха маккавеевский, а другой, паренек-парниша, молодой, да уже не по годам тертый, разбитной и шустрый, крепкий в кости, с увесистыми кулаками, нраву горячего, но и весельчак в компании, заводила – Коська из Новой Куки, которая, как и Маккавеево, тоже на «чугунке» стоит, но от Читы с запада.

С «артельщиками»-друганами своими опосля не раз и не два хаживал Филя за кордон, на китайскую сторону по делам контрабандным. И не только спиртешком маньчжурским промышляла «артель». Поднаторели и в угоне лошадок. Почитай, годков восемь, до чертовой каторги, годом да родом появляясь в родной деревне, Филипп вместе с Гохой и Коськой удачно занимался конокрадством и контрабандой – до кандалов дело не дошло. С ранней весны до крепких, стойких осенних заморозков «трудилась артель».

А зимой жирок нагуливали на печи, навар проедали-пропивали. На то и обженились, чтобы в одиночку зимними вечерами лучину не палить, а завалиться на тюфяк под лоскутное одеяло да помять горячее бабье мясо от души.

Но баба-то что? Так дура, едрить-тя в корень! Ассигнацию мужик дает, харчи имеются – лезь на печь да ляжки раскидывай. Ан нет! Про хозяйство разговоры заводит, про детей. Дура... Кабы молчала да под мужиком охала, а то норов давай казать: дескать, тебе, кобелю, только и подавай – жрать да драть. И еще срамну болезнь от китаез приволок-наградил. А чо она, дура, думала: полгода яйца лопаться должны?! И чо такова приключилось? Сбегай к старухам в край села да выпроси отвару... Ан нет! Совесть вздумала, курва! На всем готовом и – совестить! Хотя... Кабы не пьяный кураж, да не подвернувшийся под пятерню топор...

Филипп надеялся, что никуда за эти годы Гоха не делся, потому как имел дружок там кузню. Откель Филе знать, что уж давненько Гоха в ней молоточком не постукивал, наняв наемную силу. Хлопцы и себя обрабатывали, и Гохе копейку ссыпали, так что жить можно. И уж, тем паче, Филе в дурном сне не привиделось бы, куда потянуло при новых дэвээровских порядках друга Гоху.

Фартовый таки мужик Филипп Цупко! Никуда Гоха из своего Маккавеево не делся. Японцев и семеновскую палачню пережил. И не где-нибудь – в красных партизанах. И не как-нибудь – на командирской роли! Эван оно как! Чудеса!

Но что Филе вовсе не приглянулось – об чем и дружку, захмелев, высказал, – так это то, что Гоха... в политику подался! Вот, на хрена ему это Народное собрание Дэвээрии, на хрена все это грёбаное депутатство?!

– Темный ты мужик, Филя! – Гоха лихо подкрутил ус на багровом от изрядно выпитой «ханьки» широкоскулом лице. – Масштабы нашего бывшего промысла – тьфу!

Гоха презрительно сплюнул на пол и ткнул рукой в сторону предполагаемого им юга, где в четырехстах с хвостиком верстах, за выжженными солнцем и продутыми ветрами даурскими степями таилась желтолицая Маньчжурия.

– Нонеча мы развернемся! Ноне у меня связей... У-у-у! И меня не замай! – Гоха мелко затрясся в беззвучном смехе.

Дружка Филю Гоха как бы принял на работу в свою кузню. А чо? По обличью – еще тот кузнец-молодец! Понятно, что для отвода глаз. В кузне удальца видели редко. Филя и раньше до трудовой жизни охотником не был, почему в контрабанду и вдавился, а уж после каторги набивать мозоли и вовсе охота пропала. И кореш Гоха с удовольствием отметил, что Филя настрой на прежнее – к хунхузам за спиртом шастать – сохранил. По новой свел

друзе Филю с заматеревшим старым знакомцем Коськой – ныне самым фартовым вожаком «артели» по вывозу спирта из Маньчжурии.

Так дельце по-новому и закрутилось. Навар давало неплохой, не на кузне молотом ухаты. Правда, вскоре Филипп за кордон хаживать прекратил, больно заметен да неуклюж. А взялся в темные ночи «бомбить» в шайке багажные вагоны на железной дороге. Попутно подсоблял Коське сбывать разный контрабандный товар, главнейшим из которого оставался, знамо дело, спирт.

Его и ране никто из «артельных», хотя их и прозывали спиртоносами, на горбе в паянных из жести бачках не таскал через границу. Грузили на китайской стороне бочонки со спиртом в товарняк, подмазав китайскую и родную таможеню, и ехали эти бочонки до пригородной читинской Антипихи или до соседней с ней Песчанки, а там перегружались под покровом темноты на подводы. Поезд же в Читу, под бдительное око областной таможенной власти, приходил чистым.

Но теперь масштабы, как заковыристо выражался Гоха-депутат, конечно, были куда как обширнее: иной раз цельную теплушку железными бочками со спиртом набивали! И нынешний политический вес корешка Гохи не только в этом ощущался. В апреле восемнадцатого на разъезде Дарасун Филю прищучила железнодорожная охрана на краже одиннадцати мест багажа из поезда № 6, но дней через десяток отбрехался с помощью Гохи. Пронесло.

Подпольный промысел набирал обороты, требовались новые и новые сбытчики. Да и не мелкотня – оптовики солидные, чтобы уж как взял, так взял.

И тогда Гоха вспомнил о купце Бизине. До революции купчина активно участвовал в нелегальной продаже маньчжурского спирта, брал оптом большие партии, платил щедро. Гоха был уверен: деньжата у купчины водятся! Непонятно только, чего он тут, в дэвээрии остался, а не сбежал в Маньчжурию, где жил бы себе! Хотя, откуда-то Гоха слыхивал, что старикан Бизин еще до революции и войны с германцем чего-то там с китаезами не поделил... Может, из-за того и сидит сычом в Чите? Выглядит плюгаво, но нет, не верится Гохе, что революционные вихри настолько растрясли старого делягу... Не может быть, чтобы он не имел интереса в спиртовом промысле!

Увы, с копеечкой у бывшего воротилы оказалось и в сам-деле не ахти. Однако быстро смекнувший о своем интересе Бизин многозначительно процедил Гохе, мол, старые связи никуда не делись, а, стало быть, иметь с ним, Бизиным, дело – польза для спиртовозов очевидная.

Розорившийся купец блефовал. Ныне чаяния и надежды спирт-компании оправдать он никаких возможностей не имел. Свержение самодержавия, приход Советов, а в большей мере полоса скандалов и коммерческих потерь, в которую Бизин попал еще до начала мировой войны, привели некогда могучего купца к краху.

Но Бизин был не так прост, как это представляли его шапочные знакомцы-спиртовозы. Долгая и бурная жизнь выявили в нем качества незаурядного психолога и ловца человеческих душ.

Бизин давно разглядел: Гоха – труслив и жаден, а посему недоверчив и нерешителен, Филя Цупко же – азартен. Неразборчив, хитер, себе на уме, но пристрой его к большому делу, дай жирный кусок, – пойдет до конца. Вот и ныне, прощупав уже не того деревенского увальня, а вчерашнего каторжника, старый пройдоха каким-то шестым чувством понял: с этим субчиком фарт может пойти! И фарт немалый, если под твердую руку молодчика взять...

2

В полуверсте от станции Песчанка, что в десятке верст к востоку от Читы, на пригорке, полого сбегаящем к берегу голубой и спокойной Ингоды, расположился постоялый двор.

Высокий шест с пучком сена наверху, этот привычный знак для проезжающих, изда- лека привлекает внимание путников.

Место удобное – тракт рядом. От него к постоялому двору тянется наезженный отво- рот. Немало сельчан, маккавеевских, дарасунских, из еще более дальних деревень, Тырге- туя или Доронинска, карымчан или туринцев, в Читу добирающихся по надобностям своим, находит здесь ночлег.

Расклад самый подходящий: есть чем напоить-накормить лошадей, сохранить в цело- сти на ночь поклажу, самим почаявничать да выспаться на полатах в сухости. И все это – за довольно сносную, по деревенскому кошельку, плату. А ранним утречком, отоспавшись, еще по холодку – в город.

Зимой постояльцев прибавляется. По реке, начиная от разбросавшего по крутым скло- нам сопки свои дворы Дарасуна и на семьдесят верст – до самой Читы, проходит санный путь. Известное дело, куда как выгоднее трактовой дороги – прямее, короче, без выматы- вающих животину подъемов и спусков через хребты. Лошадям намного легче по саннику двигать, по снежной глади, плотно и добросовестно заглаженной ветром. И как раз с руки получается завернуть в ранних сумерках на песчанскую заежку для ночлега.

Две добротных больших избы-пятистенки, просторный, всегда чисто выметенный, огороженный высоким дощатым забором двор. В глубине – амбар с окованной железом лиственничной дверью, баня, крытый дранкой бревенчатый сарай, приспособленный под конюшню, под навесом – духмяное сено.

В пятистенке, что попросторнее, оборудованы широкие полаты. На них без тесноты два десятка мужиков расположатся. На скобленном деревянном полу лежат чистые рогожины, в центре – огромная беленая, жаркая печь с постоянно кипящим ведерным медным чайником. Парусиновые занавеси на окнах, сосновый массивный стол с двумя длинными лавками по обе стороны.

Вторая изба немногим поменьше, но там и размещение барское: в отдельных светел- ках, где на кроватях пружинистые, «немецкие», лежаки, под потолком – подвесные керо- синовые лампы в цветастых китайских абажурах, на окнах – белые занавески с узором, приоткрывающие блестящие глиняные горшки с геранью и бальзамином на широких под- оконниках. На крашенном суриком полу – круглые вязаные коврики, такой же вязки лоскут- ные разноцветные дорожки из комнаты в комнату. И кухонька отдельная с посудой всякой. В общем, потряси мощной – и барином ночуешь, а ежели в карманах не густо или жмотни- чаешь, – пожалте на общие полаты!

Принадлежностью постоялый двор числится за Атамановским потребительским обще- ством, но уже третий год, с девятнадцатого, арендует заежку Анастасия Егоровна Спеш- лова.

И, надо сказать, управляет сим хлопотным и беспокойным хозяйством в Песчанке куда как умело. В этом ей помогают старшая дочь Екатерина, приятная и чистенькая на вид девица двадцати двух годов, четырнадцатилетний сын Василий, да дальний родственник старик Терентий, узкогрудый, чахоточного вида дедок, восьмидесяти с лишком лет, с благо- образным гладким лицом, подпорченным бельмоватым левым глазом.

Сама Анастасия Егоровна, рослая и дородная женщина лет сорока пяти, на мужи- ков-постояльцев впечатление производит неизгладимое.

Пышногрудая, русококая, с подернутыми голубоватой поволокой темными глазами, взгляд которых, вкупе с легкой улыбкой полных губ и кошащей походкой, заставляет мужскую душу цепенеть, завораживая прямо-таки животной чувственной силой, – о, только и остается обомлевшему мужичью провожать хозяйку тягучими вздохами и приговором себе: «У-ух! Чертова баба!» А сказать, что красавица писаная – так не скажешь. Баба да и баба, а вот, поди ж ты!

Находились охотники приударить за Анютой, но льющаяся из ее глаз темная страсть отпугивала. Дальше вздохов и взглядов дело не заходило. К тому же баба при мужике.

Соперничать со здоровенным сожителем Анны – Филиппом Цупко, по прозвищу Филя-Кабан, который и в свои пятьдесят три согнуть в бараний рог мог любого, желающих не находилось, хотя и нечасто можно было Филю-Кабана застать на заежке. Но уж больно скверный и задиристый характер у Фили. Ежели к этому крутому нраву прибавить ходившие о сожителе страсть какие жуткие разговоры, то кавалерами Анна похвастаться не могла, да и не хотела. От взглядов, наполненных мужским желанием, ее тошнило.

В двадцать два года взял Анну замуж сосед, Фрол Спешилов, годами ее заметно старше. Другая симпатия была у Анюты, но вдовица-мать у дочери в ногах валялась, плача и уговаривая ее за Фрола пойти. Потому как многим была соседу обязана из-за вдовьей одиночества и бабьей слабосильности: Фрол часто ей по хозяйству помогал – завалившийся забор поднять, дровец да сенца привезти, то да се. Анютой с ним мать и рассчиталась.

...Анна почти шестнадцать лет за Фролом была. Дочку и двух сыновей народила. Достатка не знала, зато пьяный мужнин кулак изведала с лихвой. Когда в четырнадцатом, на старость лет, забрали Спешилова на войну с германцами, – наконец-то дух перевела.

Однако, ежели избавилась от чего, так только от побоев и брани пьяной. В избе-то – три рта, пить-есть просят каждый божий день! Вот и горбатилась от зари до зари. Из деревни в город подались, после того, как лошади лишились – загубили конька по неумению. А без Буланки какие хлебопашцы?

В Чите – куда, чего? Из родни обитался здесь только старый Терентий, седьмая вода на киселе. Эх, долюшка! Кое-как пристроилась Анна стирать-убирать в доме богатом. Тут-то вскорости и попугала бесом лукавым нищета непроглядная!

Хозяин – человек коммерческий, все больше в разъездах. Всем хозяйством «мадама» заправляла – аспид чистый! И собралась Анна, вконец уже затырканная, с этой поденщины уходить, никаких сил уже терпеть не осталось.

Но, как и водится, через накопившуюся на хозяйку злобу и обиду соблазн подкрался: подсмотрела Анна, где издевательница радужные ассигнации прячет.

Решилась-таки одну-две – в пухлой пачке незаметно – выудить. Как раз бы ребянке что-нибудь из одежки сделать, а то напрочь уж поизносились... Но только тут-то и случись старшему хозяйскому сынку домой вернуться да в комнату-то и зайти!

О-хо-хо, коршуном налетел!

Откормленный в борова верзила затрешиной сразу же с ног сбил и давай сапогами охаживать – под ребра, в грудь, в лицо... Только поутру Анна очнулась, когда грязной водой отлили и потащили под проклятия хозяйки к околоточному. Оттуда напрямик в кутузку определили, до суда, который ждать себя не замедлил и определил Анне пять лет каторжных работ за воровство.

Старшая Катерина и оглохший после болезни Мишка при старом Терентии остались, а младшего, Василия, отправили в иркутский приют.

Анну – в другую сторону. Этапом на Горный Зерентуй, в угрюмую Мальцевскую женскую тюрьму.

Так и стала с осени пятнадцатого года Анна Спешилова каторжанкой! В тюрьме, при камерном распорядке, дюжить было еще можно. Работы никогда не боялась, а в осталь-

ном тюремная администрация линию держала ровную: спрос был строгий, но и порядок был. Когда же через год, за смирение и трудолюбие, перевели Анну в вольную команду... Боженьки-святки!

В поселке нравы – вольный вертеп! «Вольняшки» в команде – гольная пьянь, что мужики, что бабы. А самая страсть – заправили местные, наглые и похотливые морды!

Шастали ночь-заполночь по землянкам, гирьками на железных цепочках поигрывая, хватали баб, что посмазливее. И, никого не смущаясь, тут же и насильничали, заливая жертвам в горло сивушное зелье.

И Анна натерпелась. Мяли, тискали вонючие лапы не раз. Как не понесла от лиходеев... Наверное, Господь ради детей-сирот беду отвел... Но оставшиеся ей четыре года она вряд ли бы протянула среди всего этого. Особенно выдалось жутким Рождество Христово в семнадцатом годе: мало того, что всю ночь попеременно на Анне два пьяных мордovorота елозили, так еще избили до полусмерти.

Выжила, наверное, только потому, что сердце и душа к Богу о спасении зывали. Бессчетные ночи провела Анна в незатейливых молитвах о свободе и детях. И были услышаны ее мольбы, разве что не Богом...

В апреле семнадцатого докатилась до Мальцевской тюрьмы весть о том, что в столицах царя скинули. А потом подоспела и другая новость: всем политическим и многим уголовным амнистия вышла!

Вскорости обняла Анна старших ребятишек, вернулась к прежнему занятию – кому где прибраться, что постирать за кусок хлеба. Главное – Мишаня и Катеринка рядом. В тесноте полуподвальной, но вместе. Вот еще скорее бы Васятку забрать из приюта! Да нет денег покуда таких – до Иркутска добраться. Тут и в подвале-то – на птичьих правах! Бессильно плакала Анна ночами.

Последнюю глупую надежду развеяла весточка из родной деревни: односельчанин Емельян Бянкин, вернувшийся с германского фронта на костыле и с рукой-культияпкой, сообщил через баб Анне, что еще в шестнадцатом году супруга ее благоверного, Фрола Спешилова, кайзеровская шрапнель изрешетила насмерть. Так что, почитай, скоро год, как вдовая она, Анна.

А глупая ее бабья надежда как раз на Фрола-то и была. Кулак его не забылся, но все равно надеялась на мужское плечо. Теперь уж яснее ясного – пацанов самой подымать. Катерина, конечно, во всем большая подмога, но девка на выданье, перезрела уж. Подвернется ухажер – и мать не спросит, – порхнет Катька прочь!

Нет счастья – так несчастье помогло. Благо, что чужое.

От лихоманки преставилась знакомая Анны – маленькая и тихая Варварушка, приживалка купца одного, разорившегося от всей этой нынешней смуты. Поговаривали, до революции был этот Бизин богатющим человеком! А судьба, ишь ты, как распорядилась... Скромно и тихо, видать, обитается бывший богач, коли поденщицу призвал к покойнице.

Обмыла-одела Анна Варварушку, утирая слезы, кутью на поминки сготовила...

– Добрая ты, Анюта, душевная, – плакал захмелевший Бизин, оставшись за опустевшим поминочным столом. – В час мой скорбный поддержала-то как... Спасибо тебе, сердешная...

– Ну что вы, Ляксей Андреич, право слово, как же иначе, ведь надоть было, как водится, по-людски покойницу проводить. Слава тебе, Господи – по-православному, ладно проводили... Царствие ей небесное, Варварушке! – истово перекрестилась Анна.

– Да... Чистая была душа, – просветленно проговорил Бизин, цепким взором окидывая Анну.

Когда она, закончив прибираться во флигеле, где жил Бизин, накинула платок и напоследок скорбно повернулась к хозяину, тот неожиданно, трезво и тщательно разделяя слова, произнес, глядя куда-то в угол, за Анну:

– Ты меня не гнушайся, приходи... Завтра вечером загляни, почаюем...

3

Да уж, тем вечером почаевничали...

«Ох, стыд-то какой, не по-христиански это, нельзя же так!» – металась душа Анны, когда прямо за столом старый Бизин навалился на нее, стал тискать за полные бедра и груди.

Она знала, что такое будет, когда он почаевничать позвал. Знала. Думала, забыться хочет. Ведь бывает такое от большой сердечной горести. Уж Варварушка-покойница так вокруг него хлопотала!

Уже после, не один день спустя, поняла: нет ее, горести, у Ляксея Андреича. Пакостник и охальник он не по годам своим. И к чужой смерти равнодушен. Без разницы ему все и вся. Вот и Варварушка, да успокоится душа ее в обители небесной! Капнул хрыч старый слезой да и тут же – из сердца вон.

Так и пошло. Когда снова позвал – снова пошла.

Но в приживалки не брал. Лишь каждый раз новый вечерок назначал.

А где-то сразу после Варварушкиных сороковин, на которых жалел покойницу столь искренней слезой, что Анна вновь поразилась подобному бесстыдству, хотя давно уже ничему не удивлялась, Бизин повел ее в недалний проулок на Новых местах.

Остановился у потемневших тесовых ворот, гримасничая, вытащил из кармана поддевки большой ржавый ключ. Долго возился с черным висячим замком на глухой калитке. Распахнув, наконец, кивнул во двор:

– Заходи, Анюта... Не робей, проходи. Хозяев тут нету, ягодка моя, не бойся...

Гаденько захихикал.

– Мда-с, обезлюдел домишко...

Продолжая похихикивать, зашагал через запустелый двор к невысокому крылечку. Уверенно поднялся по скрипучим ступенькам, второй ржавый ключ достал – от тяжелого замка на массивных дверях в сени.

Со скрежетом, не сразу, замок открылся. Бизин, держа его за дужку, поднял над головой и с размаха хряпнул о землю! Анна, вздрогнув, подалась назад.

– Ха-ха-ха, не робей, красна девица! – громко засмеялся старикан, широко разевая черный рот. – Это тебе все, за сладость твою, девонька, за сладость!..

Соляным столбом Анна застыла, от испуга и страха сердце зашлось.

– Чево ты, бабонька, забоялася, а?

Довольный произведенным эффектом, старый купчина потянул Анну за руку в дом.

– Владей, Анюта! Теперь ты тут хозяйка! И не бойся ничего. Не объявятся старые хозяева, знаю! А вот тебе будет, куда своих забрать. Доколе по чужим углам куковать вам, Анюта...

Не сразу пришло к Анне ощущение собственного дома.

Когда в августе восемнадцатого красным из Читы пришлось сматываться, Спешилова места себе не находила. А как вернутся бывшие хозяева?!

Но Бизин успокаивал с многозначительной усмешкой. Не трясись, мол. По его спокойно-покровительственному тону Анна поняла: не вернутся хозяева старые, нет их. И по уверенному тону плюгавого охальника, да и чутьем, приобретенным за былую тюремную жизнь, сообразила: не обошлось в истории с исчезновением хозяев дома без похихикивающего Ляксея Андреевича. Хотя... А ей на то какая забота?

И стала обустриваться основательно. Тем более, что помощник в этом объявился у Анны солидный – опять же Ляксея Андреича «стараниями».

Это еще при Советах вышло.

Зазвал Бизин как-то к себе под вечер. Анна к обычному приготовилась: щупать, как курицу будет, юбки задирать, потом пристроится на минуту, пыхтя и кряхтя...

Но оказалось все не так.

У Бизина сидел огромный, заросший седой бородой мужик.

– Присядь-ка, Аннушка, – промурлыкал уже крепко пьяненький хозяин. – Вот, бабонька, квартиранта тебе уговорил... И вам облегченье – по хозяйству завсегда поможет; и ему дух перевести после дальней дороги необходимо... Так что, Анна, приголубь молодца, приюти...

В голосе хмельного Бизина, несмотря на все мурлыканье, металлом отдалась та же неумолимость, как и тогда, когда первый раз к себе вечером «почаевничать» позвал.

Страшная неумолимость, которой Анна не могла не подчиниться: терять приобретенное не хотела, мочи больше не было перекасти-полем по жизни метаться.

А потом, хоть и страшен показался – какой-то звериной лютостью – сосватанный Бизиным квартирант, но видно, что в силе мужик. Заныло сладко внутри у Анны, ох, как заныло!

Квартиранта звали Филиппом.

Так сошлись дорожки бывшей каторжанки и бывшего каторжанина.

Знакомство Филиппа Цупко с Анной Бизин устроил не потому, что стал бабой тяготиться. Конечно, последнее тоже, как говорится, имело место быть: стар стал, чувствовал это. Как и безразличие Анны, перемежаемое с плохо скрытым отвращением к нему. Но главным было другое – старый купчина свою последнюю жизненную перспективу промеривал. Для того и плел свои своднические сети. Свел Анну и Филиппа и себя похвалил, – сладилось неплохо.

Определившись с постоем в Чите у Спешиловой, Филипп сразу глаз на Анну положил. В первую же ночь молча ввалился в ее комнату, сопя, придавил всеми своими пудами и долго, все так же молча, утолял жажду по бабьему телу. Анна не противилась. Сама страсть как хотела! Но поначалу страх обуял, уж больно схож был напор Филиппа с теми, малоприятными воспоминаниями о каторжном поселении. А потом как-то незаметно накатила щемящая сладость, о которой и думать со стариком Бизиным забыла. Мужской силой Филиппа бог не обидел, и Анна застонала, завывла от острой и сладкой боли, вцепилась побелевшими пальцами, как когтями, в потную на спине исподнюю рубаху Филиппа: «А-а-а!»

Утром Катька и Мишка боялись поднять глаза на мать, а она, разругавшись, пекла блины, выкладывая их стопой посреде столешницы. Какое-то подобие улыбки проскальзывало и по широкоскулому лицу квартиранта, расположившемуся во главе стола.

– А где, гришь, Нюра, меньшей-то, в Иркутске? – спросил, скатывая очередной блин в трубочку, Филипп.

Анна сокрушенно кивнула:

– Ох, исстрадалась уж вся душа по Васютке! Давно бы забрать, да на че в даль такую ехать-то? Да и боязно! Чо же это такое по матушке Рассее твориться-то, а? Смертоубивство сплошное! Охо-хо...

– А сидеть у моря погоды дожидаячися, так вообще не дождесси! – грозно бухнул Филипп.

Взял новый блин и немигающе уставился на притихших Мишку и Катеринку.

– Чево лупетки таращите! Блины тут катаете, а Васятке малому каково на сиротской пайке, не кумекали? То-то... Ладно, шавкайте...

Разрешил милостиво, как хозяин, заглотив удавом блин и хлопнул ладонью-лопатой по столешнице:

– Ладноть, Нюра, дай малость оглядеться. А там, глядишь, и подсоблю...

Филипп оказался на слово крепок: месяца через полтора бухнул на стол засаленный ком радужных бумажек – на дорогу. И сам поехал вместе с Анной в иркутский приют за ее младшеньким. Забрала Анна из приюта постылого свою кровиночку, домой привезла, отогрела, отмыла.

А к Филиппу еще больше по-бабьему прикипела: в положенный срок девкой разродилась. Окрестили Валентиной.

Чем занимается сожитель-квартирант, где разживается деньгами – догадывалась.

Пропадет на несколько дней, потом объявится ночью, втаскивая в сени мешок, а то и пару. Со всяким мануфактурным добром, вещами носильными, нередко и с бакалеей.

В доме появлялась и снова исчезала конская упряжь, сыромятные коровьи кожи, свертки хрустящего хрома, остро пахнущие козьи дохи и овчинные полушубки. Филипп уж не раз одаривал Анну отрезами материи, посудой из фаянса снабдил. А новорожденной Валентине, на зубок, полдюжины фарфоровых чашек с блюдцами в шляпной коробке приподнес, дескать, пуцай барыней вырастает!

Анна не спрашивала, откуда все это приплывало, – не маленькая. А иной раз до утра и одежду с кровавыми пятнами застирывала со щелоком в тазу. Про поденщину давно позабыла!

Днями пропадала в городе, на толкучке у вокзала или на рынке, но чаще на Дальнем вокзале – отдаленном от центра и одном из самых лихих районов города. Сбагривала всякое шмутье в тех местах, где Филипп наказывал. Иной раз целый день моталась. Благо с парнями на хозяйстве Катерина, да и с маленькой сестренкой нянчится-лялькается.

Деньги с продаж Филипп принимал дотошно, подолгу выпытывая про состоявшийся торг. Анне на прожит выдал скупое – впроголодь не держал семейку, но и не баловал. Посему сильно удивил, даже испугал Анну, когда однажды среди ночи, в светелке, прямо на пружинистой кровати, вывалил из-за пазухи в подол ночной рубашки сожительницы большой смятый ком сиреневых царских «катенок» и лиловых с красным «голубков» новоиспеченного читинского правителя атамана Семенова.

– Прибери, – пробасил угрюмо, – да понадежнее. Покумекали мы тут с благодетелем твоим Ляксей Андреичем, – надоть в стоящее дело выручку пускать...

– Охо-хо... А где оно, дело такое, Филя, при энтих нонешних разбойниках! – Закачала сокрушенно головой Анна, жадно перебирая, расправляя и складывая в пухлую неровную пачку банкноты. Никак не получалось сосчитать.

– Это уж не твою ума дело! – широкая ладонь Филиппа прижала к одеялу судорожно дернувшуюся с деньгами руку Анны. – Ша! Слухай и запоминай, Нюра, со всем вниманием и до единого словечка! Поутрянке собирайся в Атамановскую станицу. Колян Куйдин как раз туда наострился, подвезет. В Атамановской есть потребительско обчество... Чево ты зенками-то захлопала! Найдешь! Впрочем, Нюра, тут Андреич твой слышал намерен, что эта самая потребиловка имеет заезжий двор на тракте коло Песчанки. И энтот двор сдает в пользование желающему! Как это, мать ети... Ага! Аренда, называется! Впрочем, плати денежку и – владей! Но, каково?

Глаза Цупко в полумраке светелки, казалось, загорелись хищным и жадным блеском.

– Чуешь, Нюра? Ан да благодетель твой Ляксей Андреич! Ить, голова! Голова, Нюра! – повторил Цупко, подняв к потолочнице узловатый, в черных трещинах палец с желтым обгрызенным ногтем.

Нагнулся к Анне, зашептал, смрадно дыша в щеку и брызгая слюной:

– По всему, Нюра, выходит, што генерал-атаману ноне не до заезжих дворов. С краснопузыми бои идут сурьезные... И ишшо неизвестно, куда кто перетянет!.. Стало быть, самое удобное времечко, Нюра, в сутолоке-круговерти энтот, аки в мутной воде, рыбку словить...

Затрясся в беззвучном смехе на миг и тут же больно схватил Анну повыше локтя:

– Зыркал я тот постоянный двор! Хозяйство, Нюра, сурьезное, доброе! Крепкое! Опять же – расположение! Почитай, все обозы мимо тащатся! Людям – ночевка, а тебе – полный расклад: чево везут, куды... Уразумела, а?

Филипп снова затрясся в беззвучном смешке, его рука жадно и бесстыдно нырнула в тесный вырез ночной рубашки Анны, рачьей клешней вцепилась в горячую грудь.

– То-то, сладкая!..

– О-ох, больно!

– Но... Давай-давай, не кобенься... – бормотнул сожитель, задирая другой рукою Анне подол и впиваясь сильными пальцами в ляжку. Кипа разноцветных купюр скользнула на домотканый половик у кровати, рассыпалась осенними листьями...

В начале 1919 года Анна Спешилова арендовала на пять лет постоянный двор у Песчанки, заплатив в кассу Атамановского потребительского общества сразу за два первых года.

И перебралась с малой Валентиной, Катериной и младшим из сыновей, Василием, из Читы, с Новых мест, в Песчанку. Благообразный бельмоватый дед Терентий тоже перебрался на заезжий двор в Песчанку, поближе к блинам и стряпне бабьей.

Хозяйствовать в читинском доме по улице Нерчинско-Заводской остался старший из спешиловских парней – шестнадцатилетний Михаил.

4

Мишка, конечно, обрадовался свалившейся на него вольнице. Однако поспешил. Запряг его Филипп, как сивку – взвалил всю ту беготню с краденым, чем доселе занималась Анна: отнести что куда велено, выручку на месте пересчитать, чтоб товарки и барыги не надули... На большее у глухого Мишки, к тому же довольно туповатого, способностей не хватало.

А Филе-Кабану уже требовался размах. Поэтому все чаще, от раза к разу, для дел своих темных прибирал Цупко младшего из спешиловских «мужиков» – двенадцатилетнего Ваську, хлопца юркого и крайне смышленного, удивительно склонного, как не раз убеждался Филипп, к пакости насчет чужого добра и чужого интереса.

Опытный уголовник разглядел в мальце достойного последыша, вот и пестовал, чисто наследника. Анна же, уж на что зная делишки Филиппа, глупо, как это только могут исстрадавшиеся по домашнему счастью бабы, радовалась столь тесной смычке сожителя и сынишки, невольно и незаметно обманывая себя миражом придуманного семейного счастья. Дети были для нее возможным спасением и очищением от былого, вынужденного нищетою греха. Свалившееся манной небесной на голову благополучие ослепило Анну: откуда ей было разглядеть, что старый Бизин и Филя-Кабан сыновей-то у нее, почитай, навсегда украли...

Теперь в Маккавеево Филипп Цупко навевывался редко. Скопившиеся в кузне заказы и работы целиком повисли на напарнике, которому хозяин Гоха подсказал на Филю особо не рассчитывать, а озаботиться подбором себе нового помощника. А что, дескать, касается Филя, так он неотложные родственные дела решает, вряд ли теперь возвратится...

Впрочем, маккавеевский народ пришлым каторжанином-кузнецом мало интересовался: в нонешней круговерти кого только через село не проносило. Разные были люди, а что этот самый Филя-Кабан – личность темная, так это любой бабке видно. К тому же в начале мая прошел слух, что угрюмый Филипп и вовсе «погорел». Сказывали, что с какой-то шайкой связался, покусились они на японский склад, да там их всех и покончили.

На самом деле все обстояло не так трагично, как шумели слухи.

В начале мая 1919 года начальник 1-го района милиции города Читы Л. А. Околович в рапорте вышестоящей инстанции докладывал: «29 апреля с.г. около 10 часов вечера в Песчанском гарнизоне из барака № 48 посредством взлома висячих замков совершена кража японских товаров, а именно: около ста пудов подошвенной кожи и 2 пуда 20 фунтов сапожной желтой кожи, 9 штук мехов серой овчины, 2 швейных американских ножных машин, 16 пудов брусowego японского желтого мыла и 20 белых военных брезентов, всего на сумму около 50 000 рублей. Участники означенной кражи: Филипп Цупко, Андрей Давыдов из крестьян Домно-Ключевского селения, Сергей Додок – ссыльно-поселенец и неизвестный цыган. Первый мною задержан и часть похищенных товаров найдена. А остальные бежали».

Украденное вернулось на японский военный склад практически полностью, в чем арестованный Цупко содействовал, чем только мог, выкручиваясь и сваливая вину на сбежавших соучастников. Дескать, сам он и не причем вовсе, а означенные похитители лишь подрядили его с подводами доставить товар на станцию, только и всего. Убежденное вранье, возврат украденного и внесение залога в три тысячи рублей помогли Филе в середине лета выйти на свободу.

Он принялся за старое.

Но весной двадцатого легко отделаться не получилось: в начале апреля арестовали за участие к кражах, а 13 мая Читинский окружной суд присудил Цупко «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительное арестантское отделение на 1 год и 3 месяца».

Только когда япончишкам с семеновцами пришлось окончательно восвояси из Забайкалья убираться, забрезжила свобода: 6 декабря 1920 года Цупко освободила из заключения комиссия по разгрузке тюрьмы – новая, дэвээрская власть.

Но теперь Филе где попадая старался вернуть, что от бело-японо-интервентского режима он – явный потерпевший. Однако, поглядев на лоснящуюся ряху «страдальца», вряд ли кто мог отнести его к таковому.

В вызволение Филе из-под стражи главную лепту внесла Анна. Во всех смыслах. И деньгами, и ходатайствами разными. Вступив в управление постоялым двором, она всячески старалась создать среди песчанских жителей добрую репутацию о своем заведении, что в какой-то мере ей удалось.

А посему Анна, к тому же находившаяся снова в тягости, несколькими вечерами прошла по дворам, склонив десятка полтора сельчан составить «приговор с утверждением» – прошение за своего сожителя. Мол, никоим образом Цупко Филипп с уголовными преступниками не связан, и добропорядочные домовладельцы Песчанки ходатайствуют об его освобождении.

Обивавшую пороги односельчан Анну не столь уж волновала дальнейшая судьба погоревшего на кражах сожителя. Но, как ни крути, любое подозрение, худая молва и пересуды о Филе волей-неволей падали и на ее голову. Отпугивали народ от заежки, что и без того скромные доходы от постоя сокращало.

А доходы стали для Спешиловой смыслом жизни. Утратить приобретенный и нарастающий достаток она не желала ни в коем разе.

Слабоумного Мишку из города забрала, посадила у себя на постоялом дворе унты шить да катанки подшивать. Какая-никакая, а копейка в семью.

Опустевший читинский дом на углу Нер-Заводской и Кабанской улиц остался в полном распоряжении выпущенного из тюрьмы Филиппа. Мелькнула разок у Анны шальная мысль дом на Новых местах продать, но за такое Филе с Ляксею Андреичем не помиловали бы...

День за днем Анна с горечью убеждалась, что сожитель – не хозяин. Не было в Филиппе этой жилки, столь необходимого Анне мужицкого настроения на укрепление собственного хозяйства. Ей не раз уже приходилось нанимать работников для ремонтов: то или

другое подправить на постоялом дворе. И, понятное дело, тратиться на чужих самогоном и копейкой. Если бы сожитель еще не притаскивал по ночам барахло да не давал денег... Ну и боялась, конечно, Анна каторжного варнака – зарежет, если что, как курицу!

Насчет отсутствия «хозяйственности» у Филиппа Анна не ошибалась. Так оно и было. Годами выработанная привычка жить за счет других, тащить для своей пользы все, что близко и плохо лежит, – эти, укоренившиеся в сознании и образе жизни Филиппа Цупко понятия, уводили его все дальше и дальше по кривой дорожке. Наличие домовитой сожительницы вполне устраивало. Постоялый двор, которым заправляла Анна, стал для Фили и берлогой, и вертепом.

Надежды Анны, что сожителя могут хоть в чем-то настроить на семейный лад народившиеся от него ребятишки, – так надеждами и остались.

Увы! Что подросшая Валюшка, что крепенький Кешка... Папашка вспоминал о них лишь в крепком подпитии: хватал на руки, подбрасывал к потолку, страшно хохотал. Дети его боялись, чувствовали холод и равнодушие.

Когда Анна разрешилась от бремени мальчонкой, сожитель заявился только на крещение, буркнул, чтобы назвали мальчика Иннокентием. Сунул годовалой дочке глазированный пряник, густо облепленный махорочной крошкой, хмыкнул, глянув на орущего младенца, и – подался в большую пятистенку постоялого двора.

Там он быстро напился, горланил с мужиками песни, потом с кем-то полез в драку, а после мертвецки валялся на грязной соломе под навесом конюшенного сарая.

В полдень следующего дня, отныряв лохматой головой в бадью с квашеной капустой, Филипп долго сидел на скамейке у избы, сумрачно выковыривал ошметки капусты из свалявшейся бороды, тоскливо паялил мутные глаза на дорогу. А к ночи, так ни слова ни проронив, подался в город, благо конная оказия подвернулась. Анна знала, что первым делом Филипп нырнет к Бизину, на опохмелку.

Глава пятая

1

Настоящий закоперщик приобретения в аренду постоянного двора, старик Бизин, пока здесь и не бывал. Это Филя часто терся среди мужиков-постояльцев, заводил с ними разговоры, балагурил и выпивал. Если не нажирался вусмерть, то вваливался в светелку к Анне и долго, по нескольку раз удовлетворял мужскую похоть, иногда и сапоги не скидывая. А поутру обычно подсаживался к ночевщикам на подводу, ехал с ними до Читы.

Филипп гулял с мужиками на заежке чаще всего за их же счет, но мог и приказать Анне выставить водки или спирту и закуски, а то и комнату в «барской» светелке отдать в ночевку задарма каким-то темным личностям. Понятно, что все это приносило только расходы, и поэтому злило Анну до неимоверности.

А на днях сожитель пожаловал с двумя милиционерами. Угодливо перед ними суетясь, распорядился «номер» им предоставить. На Анну цыкнул страшно, когда она было с распросами сунулась.

Лишь после, ночью, оторвавшись в насыщении от женских телес, свернул сигарку, пыхнул на Анну вонючим самосадом и многозначительно пояснил:

– Застава милицанерская тут у нас будет стоять, поняла? Комнатку им дай поутру другую, просили с окнами на тракт... Денег, слышь, не бери. Цыц, сказал! Не бери! Наоборот, дура, потчуй эту братию чаем и стряпней и поласковее будь! Уразумела? Поласковее и поприветливее... Смотри, Нюра!..

– Но... Мне чины твои милицанерские всех постояльцев на сто верст в округе распушают! – возмущенно вскинулась Анна.

И тут же получила такой тычок под сердце, что дыхание закупорилось.

– Ты чо-о, гад такой, ох, вытворяешь! – сдавленно захрипела она. – За дармоедов своих ратуешь, а не за деток родимых...

– Замолкни, дуреха чертова! – Филипп приподнялся на кровати, прислушался. – Тихо, лярва!

Страшно округлив глаза на побитом оспой лице, затопорщил неопрятные рыжеватые усы и бородавку.

– Милицию задобрить надо, показать расположение властям! – Филипп перешел на едва слышный шепот. – Вчерась, слышь, благодетель твой влип...

– Ох, доигрались, окайные!

– Нишкни, дура!

Филипп испуганно оглянулся на дверной проем, прислушался, неприятно обхватил пятерней Анну за подбородок.

– Сам в толк не возьму, какая Андреичу, мать его так, шлея под хвост попала! Они вчерась с Витюхой Павловым прибрали... нашли, то бишь, четырех приبلудных коней, а им кражу пришили. От так! Сидят теперя в кутузке, кукуют... Не обошла ангела-благодетеля неминучая!

Филя гаденько затрясся беззвучным смешком.

– Воистину талдычут, Нюра, – от тюрьмы да от сумы... Хе-хе! Но надобно соседку выручать... От тут к месту фараоны и подвернулись! – зло закончил Цупко.

– Ты чего опять удумал-то? – охнула Анна. – Милицанеров в заклад?..

– Какой заклад, дура! – Филипп больно зажал ей рот, с остервенением вдавил затылком в подушку. – Сдурела, лярва! Наоборот, слышь ты, наоборот! Надоть с милицией захорово-

дить, полезность им высказать! Поняла, темнота? – Отнял руку и согнутым указательным пальцем стукнул ей пару раз в лоб.

– А проку-то с них, э-ва! – переведя дух, протянула разочарованно Анна, вытерла губы после кисло пахнувшей Филипповой ладони. – Када бы начальники какие милицанерские, а то тю, мелка рыбешка...

– Я те чево наказываю? Сказано, поласковее да послужливее! Остальное, слышь, не твою бабьего ума дело! Уразумела? Помалкивай, знай делай, чево велю...

Дело с милицейской засадой кончилось несколько дней спустя. Глубокой ночью сидевшие в засаде милиционеры, вместе с подъехавшей по темноте подмогой в несколько конных, начальнику которых Филипп Цупко чего-то долго шептал в ухо, накрыли на тракте подводу с контрабандным товаром. Удача явно была немаленькая, потому как вскоре Цупко, торжественно пьяный, громогласно объявил Анне, что теперь он в милиции человек свой, а, стало быть, постоянный двор – не замай никакая холера!

На трезвую голову Цупко про свои отношения с милицией помалкивал, лишь хитренько лыбился. Анна же считала, что его кадрили с «милицанерами» никакого толку не имеет: старикан Бизин как сидел в тюрьме, так и сидит. А что касается заезжего заведения, так его и так никто не трогает, посему с милицейской «защитой» один разор – повадились на постоялом дворе засады на дармовщинку устраивать, пить-гужевать!

Цупко думал иначе. Или своей звериной уголовной интуицией, или еще каким бесовским чувством, но выбрал линию своего поведения с властями точную – двуличие, скользкая дорожка «и нашим и вашим».

Ох, как мечталось под стакан самогону Филиппу! Как хотелось достичь такого положения, когда бы он, где хитростью, где обманом, а где и прямой сдачей мелкой уголовной сошки или кого покрупнее из конкурентов, получил веру у милиции. Загодя бы знал, что она затевает. Знал и – мог вовремя затаиться, спокойненько уйти, отсидеться. А самое главное – наверняка знал бы, где у милиционеров прореха, куда навалиться с верными корешами, без ущерба, с наваром «сорвать банк», как любит говаривать старикан Бизин, и благополучно уйти, не ожидая в липкую от страха спину горячей тяжелой пули.

Это тоже подсказал Филиппу «старикан Бизин». Напрасным было снисходительно-насмешливое отношение к Бизину, чем грешили и Филипп, и Анна, и другие знакомцы экс-купца.

Умело и расчетливо подогревая жажду Цупко к обогащению, отлично изучив все его жизненные принципы и зная дурное самолюбие, Бизин исподволь прививал своему подручному убежденность в собственной преступной опытности и смекалке. Он не приказывал, он советовал, незаметно для Цупко и иже с ним, облачив себя в некую ипостась мозга любой преступной задумки.

Цупко и образовавшийся подле него круг подручных постепенно уверовали в мудрость и незаменимость советов хитрого старичка Ляксея Андреича. После удачно проведенных ограблений и краж почитали за обязанность чем-то старика отблагодарить за подсказку дельных мыслишек. Но когда Бизину надо было уйти в сторону, он умел убедить хитрого, но все-таки недалекого умом Цупко, что это именно ему, самому Филе, только и могла прийти в голову эдакая «умность» насчет очередного темного дельца. И Цупко верил без остатка: да, это он сам, конечно, сам, до всего додумался и сумел ловко дело провернуть!

2

Всю эту психологическую изворотливость Бизин демонстрировал не скуки ради. У него тоже была мечта, тайная и заветная. Последняя в жизни – он это понимал и чувствовал. Только без всей этой темной, мерзко пахнувшей козлом и кислой капустой с чесночным

угаром, уголовной шатии-братии, мечта престарелого Алексея Андреевича Бизина могла и не осуществиться. Тогда впору в петлю! Но Бизин хотел жить, и жить хотел хорошо. Как раньше. То, бывшее, приходило каждую ночь в зыбкий старческий сон, еще более хрупкий на тюремных нарах.

Да уж! Сподобился на старость лет! И погорел, Матерь Божья, на такой ерунде! Пригрел змееныша, позарился на быстрые деньги!

Спалился и загремел в камеру Бизин действительно по себе самому необъяснимой глупости.

27 августа 1921 года начальник 2-го участка Читинской городской милиции М. Абрамов вынес постановление под № 669:

«Рассмотрев дознание, произведенное надзирателем Авдюковым о краже 4-х лошадей из склада „Нобель“, находящегося между Читой I-й и Читой II-й, у зав. складом Дмитрия Матвеевича Фадеева, нашел, что из свидетельских показаний и следов, приведенных к дому Барановского, где проживает Бизин Алексей, видно, что кража учинена Бизиным Алексеем совместно с Павловым Виктором и другими лицами, коих задержать не удалось.

Принимая во внимание, что означенное преступление, предусмотрено 654 ст. Уст. о наложении наказаний и руководствуясь 253 и 257 ст. ст. Угол. судопроизводства, постановил гражданина Бизина А. и Павлова В. заключить под стражу при Читинской областной тюрьме впредь до окончания дознания».

И много времени спустя Бизин не мог себе объяснить, какого хрена он принял тогда придурковатого Витьку с четверкой нобелевских лошадей. Деньги не ахти какие, да еще на троих делить. Но главного конокрада в этом деле – Филю-кабана – не выдал. Дал унести ноги. И еще придурку Витьке пригрозил: если хоть словечко ляпнет – удавят в каталажке, как кутенка.

С другой стороны, – куда ж было деваться: грязи копытами намесили к воротам и во двор. Но Филипп с Гохой-депутатом якшается, чего-нибудь придумают, а ему, Бизину, как главному пострадавшему во всей этой истории, некоторое время на нарах перекантоваться и нелишне: ореол страдальца возвышает, авторитету среди уголовного сброда прибавляет заметно.

...Когда крепко собранная из лиственничных плах, схваченных толстыми полосами железа, дверь ухнула за спиной и лязгнули запоры, Бизин у порога не промедлил.

Степенно произнес здравицу «чесной компании» и столь же степенно прошествовал в дальний, по левую руку, угол под «решкой» – толстой решеткой, которой было забрано высоко расположенное, но довольно обширное окно камеры. С ходу сумел Алексей Андреевич, которому шел уже шестидесятый год, произвести на арестантов впечатление бывалого тюремного сидельца.

Слева, на крайних к окну нарах, сидел, скрестив руки-ноги, крепкий угрюмый мужик. Как и все обитатели камеры, он с интересом глядел на нового постояльца Читинской тюрьмы.

– Эхе-хе, – пробормотал Бизин, опускаясь на нары рядом с бородатым крепышом. Повернул лицо к окну, – эхе-хе, знакомая картинка в клеточку...

Хозяин «шконки» выжидающе смотрел на шустрого старичка, прищулив один глаз – бельмастый. Бизин же небрежно отодвинул лежавшую на нарах ватную тужурку мужика, огляделся. Сузив глаза, поманил к себе нескладного паренька с ближнего к двери конца нар. Тот подошел с довольно удивленным видом.

– Чегой-то припарился я с дороги. – Порывшись в тощей котомке, Бизин протянул пареньку потемневшую оловянную кружку. – Нацеди-ка, малый, старику водицы испить.

А после наконец-то удостоил хозяина «шконки» вниманием.

– Как звать-величать тебя, мил человек? Откуда будешь?

– Ну, Баталов я. Коськой кличут... Читинский, с Кузнечных рядов...

Бельмастый с удивительной готовностью отвечал объявившемуся в камере старичку.

– Константин, значит... – Бизин обеими руками принял из рук вернувшегося от дверей паренька полную кружку, неторопливо отпил пару глотков. – Говоришь, с Кузнечных? Стало быть, про Филю-Кабана слыхивал? Аль ни разу спиртишком не баловался?..

– Ха! Покуда можем, скопцы ли чо ли! – расплылся в кривом оскале мужичок. – Это дело мы завсегда, едрить ты, уважим... Филя, говоришь? Не с Новых мест?

– Он самый, – кротко кивнул Бизин. – Навроде племянничка у меня...

– Завсегда рады, – протянул грязную пятерню Баталов, уважительно глядя на старичка.

– Ты это, Константин, – словно не замечая протянутой руки, деловито распорядился Бизин. – Уважь старого человека, переберись, будь добр, наверх, а то устал я чего-то от суеты всей этой... Андреичем меня кличут, так и остальному народу можешь передать...

Баталов степенно кивнул, тут же перекинул свой немудреный скарб на верхние нары, с чувством явного превосходства оглядел затихших в ожидании дальнейшего развития остальных обитателей камеры, коих общим числом набиралось шестнадцать душ, хотя размеры их тюремного обиталища позволяли безболезненно разместиться здесь еще дюжине-другой заключенных. Так что, сидельцам воздуха хватало вполне.

Располагались арестанты на двух ярусах дощатых нар вдоль обеих стен. Середину камеры занимал длинный стол с двумя лавками, у входа на стене громоздилась грубо сколоченная, некрашенная полка с жестяными и оловянными кружками и мисками, рядом – полотораведерный медный, с прозеленью на боках, бачок с водой. В левом от входа углу распространяла свои «ароматы» деревянная параша.

Устроившись под «решкой», Бизин не только занял самое лучшее место в камере, но и продемонстрировал тем самым ее обитателям знание тонкостей векового опыта тюремного быта.

В вонючем, сыром, а еще, как правило, переполненном каземате расположение у окна позволяло в полной степени наслаждаться потоком свежего воздуха. Это благо было и остается самым весомым для арестантов, определяет их уголовный статус. Естественно, отсюда «пляшет» и размещение в камере. Кто в уголовной иерархии повыше, тот и к «решке» поближе.

Бизин медленно оглядел камерный сброд.

По-другому собранную здесь «публику» он не оценивал.

Чуть ли ни физически исходившее от Бизина презрение остальные сидельцы воспринимали с понятием – как знак его принадлежности к уголовной верхушке – повидавшим виды уркаганам, для которых «туза поймать» – то есть заработать каторгу за тяжкое преступление – обычное дело.

Вот взорвала бы камеру – откройся – правда: что старикан – чистый фрайер, комедь ломает!

Не мотало появившегося в камере «блотьяка» по этапам и пересыльным тюрьмам, не стачивались до кости увесистыми кандалами руки и ноги, не метался он, Бизин, на серых тюфяках тюремных лазаретов в тифозном бреде и не кайлил на каторге. Стопроцентный фрайерок! Не нюхал параша и тюремные «паркетты» не топтал!

Да, и в сам-деле не было ничего этого у Бизина. Но много лет назад, по молодости, дражайший Алексей Андреевич тюремного быта повидал предостаточно, правда, со стороны. Благополучным наблюдателем.

3

Юные годы Бизин провел на Карийских золотых промыслах.

На всю огромную Российскую империю гремела каторга на забайкальской речке Каре. Здесь отец Лешеньки Бизина, Андрей Фомич, человеком слыл уважаемым – в горных мастерах заправлял. Золото на карийских приисках добывали для государевой казны каторжане. Так что нагладелся сын горного мастера. Довелось побывать невольным свидетелем множества жестоких сцен издевательств над серыми, изможденными узниками, вблизи познакомиться с бытом и нравами царской каторги.

По должности Бизин-старший принадлежал к старшим чинам администрации каторги, входил в круг местного «благонравного общества» наряду с горной интеллигенцией – инженерами, маркшейдерами, а также офицерскими чинами тюремной стражи.

Правда, нравы каторжного края были таковы, что понятие «интеллигенция» больше относилось к ругательным и пугающим. В детских воспоминаниях Бизина-младшего крепко засела фамилия горного инженера Разгильдеева, настоящего тирана Карийских промыслов. Рассказывали, что однажды его даже приняли при дворе Его Императорского Величества, и Разгильдеев самолично обещал царю добывать ежегодно по сто пудов золота, ежели дадут ему побольше дармовой рабочей силы – казенных преступников.

Желаемое получал исправно – этапы регулярно доползали до приисков. Исправно и Разгильдеев отсылал в Северную Пальмиру золотишко. Обещанное царю-батюшке исполнял ревностно, днем и ночью, попустившись какой-либо личной жизнью. Это и была его жизнь – расхаживать среди каторжан, заявившись на тот или иной карийский прииск, с плетью-трехвосткой, в кожаные концы которой был вшит свинец. Бил и уродовал каждого подвернувшегося ему на беду рабочего-каторжанина, в коем видел нерадивость или, хуже того, злой умысел. Большинство фамилий забитых им до смерти несчастных время стерло, но осталось на приисках кладбище в сотни безымянных могил, прозванное в народе Разгильдеевским.

Как и немногие сверстники – дети чиновников Нерчинского горного округа, Лешенька Бизин дома жил мало. После окончания начальной Карийской школы, по твердому решению отца, был отдан в Читинское коммерческое училище. «Учись, Лешка, на купца! – смеялся отец. – Авось и откроешь гильдию купцов Бизиных...» Конечно, Бизин-старший просто зубоскалил, скуки ради. Учили-то Лешку больше на бухгалтерского конторского служку, учебу свою он ненавидел, и если бы не страх перед отцом...

Отдушиной были каникулы, особенно летние. Их Алексей обычно проводил в кругу семьи, на приисках. На лоне чудесной забайкальской природы. Рыбачил, собирал ягоды и грибы. Стал постарше – отец подарил легкую тульскую одностволку-берданку. Но азартом охотника Бизин-младший так и не проникся, поэтому на охотничьих выездах чаще у табора ошивался, слушал под треск костра нескончаемые рассказы подручного люда.

Главным рассказчиком здесь слыл разбитной, с плутоватым выражением рябого, похожего на ноздрястый гречишный блин лица, конюх Степан. Собственно, на конном дворе управления приисками его никто по имени-то и не кликал. Чаще по прозвищу – Босяком, на которое конюх откликался привычно и охотнее, чем на законное имя. Был он из ссыльно-поселенцев. Срок свой уже отбыл, да так и прижился на промыслах.

Уверившись в добром и веселом нраве поселенца, Алеша со своими мальчишескими просьбами обращался именно к Степану-Босяку: смастерить или починить что-то – поначалу из игрушек, а потом и из охотничьей амуниции. Когда появлялась надобность куда-либо съездить, конюх давал Алексею шустрого и умного Гнедка, послушного стременам и поводьям.

У костра же Босяк просвещал паренька по части нравов и законов преступного мира.

Жестокого и бесчеловечного нутра уголовщины в рассказах Босяка словно и не существовало. Залихватские истории были полны романтикой уркаганского братства, чести и отваги. Отчаянные похождения разных благородных Валетов и Королей, Сонек и Манек – Золотых ручек, прочей «чесной компании» следовали железным, непреложным законам благородной «дербанки» – строгой справедливости при дележе добычи; неписаным правилам грабить богатых и раздавать все нищим; гордым понятиям высокой воровской чести, оскорбление которой смывается только кровью; повседневной, доходящей до аскетизма, скромности «рыцарей ночи». И конечно же обязательности шикарной гулянки «чесного люда» по благополучному завершению крупного «дела», – дескать, знай нашу щедрость, удаль и размах!

Алешу истории Босяка покоряли и завораживали. Невольно он сам уже втянулся во все эти рассказы, пересказывал их друзьям, вкручивая вычитанные в авантюрных романах детали «благородного разбоя» в услышанное от Степана. Иногда даже выдавал придуманное за случившееся при его участии. Кстати, именно Лешенька и придумал это столь гордо звучащее – «рыцари ночи».

Увлечение Босяком и его «учением» дома не афишировал, ибо рука у горного мастера Бизина была тяжелой. Папаша об уголовниках мнение имел одно: чем больше их сдохнет, тем лучше. В глубине души с отцом трудно было не согласиться: среди невольных обитателей карийской каторги почему-то совершенно не встречались одухотворенные уголовной романтикой типажи. Каторжники по-звериному дрались между собою за пайку хлеба и другие кандалные «блага», а дабы избежать палочной расправы за совершенную провинность, терпели любые унижения, жалобно голося и ползая червяками в пыли, доносили друг на друга по малейшему поводу. Героями блатного романтического мира на карийской золотодобыче и не пахло.

Но убеждения Бизина-младшего тем не менее крепили: такие герои есть! Авантюрные романы, давно ставшие основным чтивом паренька, захлеб рассказывали о бесстрашном и неуловимом Робин Гуде, остроумном и вертком Рокамболе, аристократичном и наполненном мистикой Казанове. Пиратское благородство вообще не шло ни в какие сравнения! Из хрестоматийного стивенсоновского «Острова сокровищ» ближе и понятней для Лешеньки оказалась логика поступков и жизненные понятия Джона Сильвера и легендарного Флинта с сундуками пиастров, а не нищее благородство сверстника Джима, разных капитанов смолеттов и докторов ливси.

В правдивость всех этих авантюрных описаний Алеша искренне верил, потому как описываемый в них дух благородства совпадал с атмосферой, наполняющей рассказы Босяка. А это совпадение, по мнению Алеши, просто не могло быть случайным. Об одном и том же повествовали далекие, высокообразованные, знаменитые на весь мир авторы книжных приключений и бывший малограмотный каторжник. И самым удивительным было то, что и авантюрные романы, и рассказы Босяка объединяла одна и та же жизненная формула: любить – так королеву, а красть – так миллион!

В темной спальне Алеша строил планы грандиозных ограблений, рисовал захватывающие воображение картины потрясающего до слез собственного благородства при раздаче обездоленным награбленного. Утром криминальные мечтания улетучивались, дабы вечером возрождаться в новых красках и подробностях.

Обязательно среди этих воровских феерий присутствовала и королева. И если поначалу это тоже был созданный воображением образ, то с некоторых пор эту роль Алеша отвел юной и гибкой Акулине, из семьи карийских поселенцев Витошкиных.

Он встретил ее в один из последних своих летних приездов домой на каникулы.

И Акулине приглянулся молодой барчук, невысокий, но статный, с пробивающимися темными усиками на довольно смазливом лице.

Но наивно-возвышенные мечтания Алеши о Прекрасной даме и прочей любовной романтике вскоре были разбиты в пух и прах.

Однажды он, с ужасной таинственностью, наконец-то сумел вручить предмету своих обожаний пространное романтическое послание, в котором помимо объяснений в страстной любви и приглашения к будущим приключениям в духе Теофиля Готье содержалось и нечто более конкретное: день, час и место свидания с дамой сердца, если, конечно, она снизойдет до его чувств. При этом Алешу несколько задела та обыденность, с которой избранница приняла письмо. И еще то, что без ожидаемого волнительного трепета согласилась на назначенное свидание. Алеша отнес это на счет незаурядной застенчивости Акулины. Но произошло ужасное!

– Ежели вы, барин, хотите, чтобы я вас полюбила, – скромно сообщила пришедшая в сумерках к березкам на околице Акуля, – то я согласна взять всего пять рублей, потому как вы мне тоже симпатичны...

Лешенька остолбенело смотрел на шевелящиеся губы «королевы», которая еще что-то ему объясняла с почтительной улыбочкой. Когда слух вернулся к нему вместе с даром речи, Алексей прошептал, охрипло и растянуто:

– Бог мой, да что же вы такое говорите?!

– Но папенька не велел с вами ложиться, ежели меньше дадите! – сокрушенно, тоже переживая, всплеснула руками Акуля...

Случившее стало молодому Бизину уроком на всю жизнь. А из полученного урока вытек и закономерный для подростковой категоричности вывод, который впоследствии подтверждался не раз, а посему стал для Алексея непреложным законом: все и вся можно купить, все имеет свою цену. То, чего нельзя купить за деньги, можно купить за большие или очень большие деньги. А что не продается за деньги, – успешно выменивается за другие ценности. Например, за свободу, жизнь, славу, власть. Впрочем, слава и власть – это те же самые деньги. Без оных мир виделся Бизину темным, никчемным и бессмысленно пустым.

Акулине тогда денег он не дал. Убежал трусливо. Но после не одной ночи душевных терзаний и мучительных раздумий у Алексея Бизина родилось его главное и незыблемое правило: если хочешь любить королеву – укради сначала миллион.

4

...Увы, шли годы, а ограбления века не предвиделось. Зато осталось позади коммерческое училище, и жизнь пошла по заведомо определенному кругу: служба в финконторе, деловые поездки, гулянки, случайные встречи и связи, лечение от ветреных болезней.

Вскоре умер отец, не оставив ничего, кроме шитого златом парадного маркшейдерского мундира. Маленькое имение – село Бизино Карасинской волости Тобольской губернии, где Алексей и родился, давно было заложено. Мать отца пережила ненамного.

Вскоре после ее смерти поднаторевший в мутных знакомствах Алексей женился на овдовевшей купчихе, которая была его старше на полтора десятка лет. Получается, хотя бы косвенно, но исполнил стародавнее шутовское пожелание отца. Насчет купеческой карьеры.

И, надо сказать, дела у новоиспеченного коммерсанта пошли. Чему в немалой степени способствовали два обстоятельства. Во-первых, все-таки кое-какая коммерческая грамотешка у Бизина присутствовала. Во-вторых, он оброс потихоньку многочисленными связями с ушлыми людишками, промышлявшими мануфактурой, шелком, спиртом и прочей галантереей, естественно, без уплаты акцизных и таможенных сборов. Контрабандные делишки

были неплохим подспорьем в торговом предпринимательстве Бизина. А все вместе – давало капитал!

В 1896 году помимо торгового ряда в Чите, магазинов и лавок в Нерчинске, Петровском Заводе, Благовещенске и Верхнеудинске Алексей Андреевич Бизин, основательно подмазав русского консула в Маньчжурии и его клерков, ублажив материально местные китайские власти, открыл свою торговую контору с магазином в Харбине.

Здесь, на благодатной для торговли китайской земле, богатеющий не по дням, а по часам купчина встретил начало нового, двадцатого века.

Правда, встретил вынужденно, на некоторое время не по своей воле расставшись с родимым краем, – из-за учиненного с подачи таможенной службы следствия.

Несколько зацапанных таможей и казачьей пограничной стражей спиртоносов продали со страха кое-кого из барыг. А среди тех нашлись «кивнувшие» на Бизина. Поначалу ничто не предвещало беды, но потом на две читинские лавки купца власти наложили арест. Свой человек из областных столоначальников просигнализировал: могут и остальное имущество заарестовать, прошение следствия по этом поводу военному губернатору препровождено.

Искушать судьбу не хотелось, и Бизин отбыл в Харбин.

Снял просторную квартиру в богатом русском квартале на углу улиц Участковой и Полевой, у домовладельца Зимина. Терпеливо занялся расширением дела на китайском рынке. За три года удалось стать признанным авторитетом в купеческой среде русского Харбина. Охотно торговали с ним многие китайские коммерсанты.

Постепенно развеялись без следа невнятные отголоски слухов о темных делишках Бизина. Вот он, весь на виду, человек слова и дела, скромн, но не скуп, умен, расчетлив, умеет рисковать и выигрывать.

Кстати, и с потерей торговых заведений в Забайкалье обошлось. Но Бизин все магазины и лавки в Чите продал, деньги пустил в харбинский оборот. И закрутилось, закрутилось! По делам своим торговым объездил Алексей Андреевич весь Китай, побывал в английском Макао, увидел Сингапур и Бангкок, Окинаву и Токио. Неизгладимое впечатление оставил огромный, бурлящий Шанхай, особенно известные его кварталы, увешанные гирляндами красных фонариков.

Но не только козлобородым сатиром порезвился там. Уразумел механизм по выкачиванию денег из плотских утех! По возвращении в Харбин, арендовав уютный зеленый уголок неподалеку от центральных улиц, открыл собственную ресторацию с «нумерами» – фешенебельный дом терпимости, чего главный город Маньчжурии до сих пор еще иметь не сподобился.

Амурное заведение Бизин устроил с завидной фантазией. Ресторация изысканной кухни «а ля рюс», с осторожным допуском деликатесов восточной кулинарии, дополнялась кафешантаном, куда приглашались заезжие опереточные труппы и гастролирующие знаменитости. С ресторацией соседствовал игорный зал, где крутилась сверкающая никелем рулетка, зеленели сукном ломберные столы. Отдельно, через уютный и аккуратный японский сад, мощенные камнем тропинки вели в те самые «нумера» – со своей прислугой и кухней, улыбчивыми покорными и умелыми в любви китайками, японками, корейками, были и белокожие барышни, и даже две мулатки.

Золотой ручеек превратился в реку. Посему и российский позор – сокрушительное поражение в войне с японским «микадой» – Бизин пережил без потрясений, незаметно как-то. Мукден и Даолян, естественно, не Харбин.

Тем паче, в это время судьба дала Алексею Бизину ту единственную любовь, в которую он поверил.

Глава шестая

1

Это было каким-то наваждением, внезапным, но приятным до неимоверности, — знакомство уже разменявшего пятый десяток лет торгового воротилы с двадцативосьмилетней шансонеткой Сашенькой Островской. Афиши, извещающие о «единственной гастроли» несравненной исполнительницы цыганского романса, появились в Харбине осенью 1904 года.

Сашенька сразила владельца лавок, магазинов и «веселых нумеров» наповал. В один миг это случилось.

Дух перехватило у Алексея Андреевича, когда задрипанный, с воровато бегающими глазками, маленький и потный еврейчик неопределенного возраста и жуликоватой наружности, невнятным бормотанием представившийся «импресарием» актрисы, подвел Бизина к ослепительной, искрящейся красотой и молодостью Островской, с деланой усталостью расположившейся в бархатном креслице перед зеркалами маленькой и обшарпанной уборной за кулисами кафешантанной эстрады.

Водопад черных локонов обрушивался на расшитое блестками черное муаровое платье, перчаткой облегающей соблазнительное гибкое тело. Живые масляные страстного взора окатили купца шалым огнем... Ухнул, как в омут! Что и говорить, в госпоже Островской играло чувство! Оно пронзило Бизина неведомым током, и ему стоило большого труда смятения своего не выдать, привычно склониться к ручке, привычные комплименты произнести...

Поздно ночью, в постели, Бизин вдруг поймал себя на мысли, что его впечатления от знакомства с актрисой не наполняются привычным чувством безразличного самодовольства, к которому он уже привык в обращении с женщинами. Смех! Какие там чувства! Которую хочу, ту и покупаю! Каждый раз, предварительно привычно заигрывая, а то и без «реверансов» укладывая в постель очередную пассию, Бизин знал: наступит утро, после одной бурной ночи или нескольких, и хруст ассигнаций поставит точку в очередной любовной истории.

Сашенька почему-то выбивалась из этого расклада. Почему? Бизин не мог себе на этот вопрос ответить. Может, потому, что не было пока ни торга, ни ухаживаний?

С этим он и заснул под утро. На столе уже неделю лежало нераспечатанным письмо от жены из Германии. Что с ней происходит на баден-баденских водах, его не интересовало. Влечение к супруге он изображал месяца полтора после венчания.

И Сашенька задавала себе вопросы. Новый знакомец, хозяин великолепного зала для выступлений и потрясающего ресторана ей понравился. Красивый, чувственный! И богат! Как богат!

Но самое главное — она чувствовала его искренность. Это было новым и необычным. Как актрису, ее всюду сопровождало лицедейство. На сцене ли, за кулисами... Все эти галантные, самодовольные фанфароны, снисходящие, восторженные, похотливо-голодные, искатели авантюрных походов или очередной любовной жертвы... А она так устала от игры! На сцене ли, в жизни...

Возникший же в примерке Алексей Андреевич источал надежность. В нем не было сиюминутного животного стремления получить желаемое по праву самца.

Галантное знакомство продолжилось. После концерта хозяин заведения степенно приглашал за столик, скабрзности не сыпал, больше просто в глаза смотрел, слушал ее глу-

пости. После ужина в экипаже провожал до гостиницы. В номер минутой раньше всегда корзину со свежими чайными розами доставляли, бисквиты и легкое мозельское. Но почти-тельно целовал пальчики и раскланивался. И Сашенька чувствовала себя с ним женщиной. Нужной, как собеседник, как поверенный в сокровенном. Наконец – просто женщиной, перед которой преклоняются с уважением, а может быть и...

Концерты Островской в Харбине затянулись. Афишки об «единственной гастроли» Бизин приказал снять, не привлекая внимания публики. Устроил шикарный званый ужин, на котором, не сразу, а когда гости основательно разогрелись, громогласно объявил о «величайшей милости, которой удостоился его маленький кафешантан, где продолжит свои незабвенные выступления госпожа Островская, о чем с ней посчастливилось заключить контракт». Пересудов, конечно, хватило, но они быстро иссякли: Бизин не давал повода объявить его разбитным старым ловеласом, получившим дорогую игрушку.

Иногда Сашеньке казалось, что Алексей Андреевич намеревается сделать ей предложение. О, нет, о замужестве – Сашенька понимала, – речи идти не могло – при живой-то жене, Господи прости! Но она открыла в себе, что ждет любого предложения Бизина.

И решилась! Вечером, в прихожей гостиничного «люкса», она умоляюще перехватила его руку...

Роман с Островской поглотил Бизина полностью. Дела были передоверены приказчикам и помощникам. Еврейчика-импресарио наконец-то с треском выгнали, а влюбленная парочка укатила в вояж по европам!

На водах в Биаррице переждали потрясения 1905 года, лишь потом нагрянули в Петербург, где между вояжами на природу, балами и посещениями Мариинки в дни премьер и особенно модных балетов, Бизин через адвокатов дал жене развод и отступного.

Его снедало желание жениться на Сашеньке, но она тянула с ответом, хотя ничего в их отношениях не менялось.

А потом из Самары Сашеньке пришло известие о разбившем ее матушку параличе. Бизин щедро снабдил подругу деньгами, проводил вечером к поезду. Договорились телеграфировать друг другу.

Однако первой пришла телеграмма из Харбина. Управляющий с тревогой сообщал о плачевном состоянии дел. Ситуацию резко ухудшили китайские власти. Сменилось маньчжурское начальство, помела новая метла. Как оказалось впоследствии, не обошлось без происков бывшей женушки, надавившей на свои рычаги, – знакомств и у престарелой купчихи хватало.

Паника приказного люда возрастала. И телеграфировав Сашеньке, Бизин из Петербурга железным Сибирским путем выехал домой. На месте закрутили дела. Но телеграммы и даже письма, наполненные несвойственной возрасту лирикой, в Самару слал. Однако от Сашеньки вестей не было.

А потом отступило как-то все это на второй план. Безболезненно и незаметно. Пришло какое-то извиняющееся невнятное письмо от Сашеньки, что-то там про больную мать и необходимость быть с ней. Алексей Андреевич перевел пассива две тысячи рублей без сопроводительного текста. Чего уж там писать, о чем?..

За полгода до колокольных перезвонов по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых Бизин широко, с купеческим размахом и помпой, отметил в благовещенском «Балчуге» свой полувековой юбилей. Застолье отходно-прощальным было: свернув торговлю в Приамурье и Верхнеудинске, Бизин окончательно, как он сам был уверен, перебрался в Маньчжурию.

Там, на китайской земле, встретил известие о войне с Германией. Сие по торговле ощутимо ударило: не снарядами и патронами торговал, не амуницией воинской и не фуражом. Бакалейные или, как чаще говорили, колониальные, товары стало доставать архитрудно.

Только тут Бизин понял, что, покинув рынок в России, он потерял большие деньги, которые нынче огребали на военных поставках конкуренты, те же читинские предприниматели-миллионщики Самсонович, Второв. Торговое же дело Бизина явно шло к разору.

В Харбине пришлось пару лавок закрыть, вся надежда была на ресторацию и игорный зал с «нумерами», да еще на связи контрабандные.

Однако китайские власти не дремали. И весомость Бизина уже была не та, и желтолицые очень чутко реагировали на вести с полей сражений. А России-матушке там везения не было. Посему нахальство местной полиции стало переходить всяческие границы. Как раньше, свертком бумажных ассигнаций, отделяваться уже не удавалось.

Крах пришелся на недоброй памяти девятьсот шестнадцатый!

В октябрьскую ночь полиция с двумя взводами солдат, выставивших вперед ножевые штыки и черные зрачки стволов, нагрянули в бизинский публичный дом.

Крушили мебель, обрывали гардины, прикладами сбивали люстры-фонарики, расталкивали полуодетых жриц любви и перепуганных клиентов. Звенели осколками зеркала, лопался фаянс и фарфор в ресторации, запахло паленой материей.

По истеричному телефонному звонку из заведения Бизин вскорости подкатил к парадному входу.

И тут же его грубо выдернули из пролетки четверо солдат. Оглушительно матерящегося, подтащили, заламывая руки, к лоценому полицейскому чину, ставя, как мальчишку-новобранца, во фрунт.

– Какого черта, мать вашу!..

Улыбаясь по-змеиному, шуря и без того узкие глаза на блестящем лице, полицейский начальник в богатом сером костюме долго молча смотрел на сопящего от злости Бизина, потом нехотя шевельнул губами:

– Мы долго терпели вас, господин неблагодарный содержатель. Но нашим терпением вы злоупотребили. Вынужден напомнить, что в отношении лиц, замеченных в контрабанде, действует одна санкция. Мы ничего не будем доказывать. Даю три дня, чтобы вы убрались из Маньчжурии. Иначе...

Он выразительно провел затянутой в лайковую кожу ладонью по горлу.

– Ты ж с моей руки кормился, образина...

– Заткнись, русская собака! – прошипел полицейский туз, брезгливо приблизив лицо к потному и взъерошенному Бизину, и добавил, криво усмехаясь: – Благодарю свою паршивую судьбу, что я не люблю скандалов. Три дня!

С императорской величавостью хозяин положения прошагал мимо Бизина к черному приземистому автомобилю. Хлопнула дверца, взревел мотор. Солдаты оттолкнули, издевательски гогоча, Бизина в сторону и, больше не обращая на него внимания, шмыгнули в японский сад, откуда вперемежку с женским визгом доносились звуки продолжающегося в «нумерах» погрома.

Бизин быстрыми шагами миновал вдрызг разбитые стеклянные двери ресторана, нашел у стойки зареванную распорядительницу мадам Мисайлову.

Размазывая по щекам тушь и румяна, она сообщила хозяину, что в игорном зале и комнатах свиданий полицейские нашли изрядное количество опия и кокаина, а еще была стрельба. Из револьвера яростно отстреливался коридорный Мишка, тихий и незаметный блондинистый хлопчик, с вечным кокаиновым насморком. Не зря Бизин и раньше подозревал засранца в связях с торговцами опиумом и кокаином.

Наутро харбинские газеты обрушили на обывателя страшные подробности ночного шума: в веселом заведении купца Бизина свила гнездо шайка мошенников и проходимцев, торговавших белым дурманом! Коридорный Мишка, благополучно скрывшийся, выставился зловещим торговцем опиумом и организатором сети морфинилок.

Газетные писаки делано возмущались попустительством властей: дескать, лишь ребенок поверит, что от всего этого безобразия хозяин заведения Бизин был в стороне. И на лапу, заключали газеты, ему конечно же изрядно перепадало, небось львиную долю навару греб, пригрев распространителей дурмана.

«Нашли» борзописцы и «жертв» рулетки, с газетных полос обвинивших Бизина в организованном шулерстве, заведомо обманном устройстве игровых столов и специально обученном персонале жуликов-крупье. Да уж... Вот так, значит, не захотели власти скандала!

Еще сутки спустя пресса известила харбинцев, в том числе и самого Бизина, что его заведение властями конфискуется.

Вечером увесистый булыжник вдребезги разнес витражное стекло над входными дверями в бизинскую квартиру. Ни наутро, ни после в правительственной канцелярии Бизина так и не приняли, посему ждать было нечего.

За сумасшедшие деньги погоревшему коммерсанту удалось нанять подводу и экипаж. Забрав самое необходимое, имевшуюся на руках наличность и золотые побрякушки, Бизин подался из Харбина прочь. Забрал с собой и кроткую, простого происхождения горничную Варвару, с которой фактически последние полтора года сожительствовал. Были намерения податься в Шанхай, но лощеный полицейский фрукт открыто дал понять: дорога у купчины только одна – в Рассею. На китайской территории его персоне нежелательна.

Китаезы на пограничном переходе вытрясли последнее. Что у Варварушки на теле было припрятано, то и осталось. И кое-какое шмутье носильное. В общем, до Читы добрались нищими. Попытался Алексей Андреевич отсюда дотянуться до своего банковского счета в харбинском коммерческом банке Ляояна – куда там! Аукнули денежки!..

Вот так и оказался Бизин приживальцем во флигеле у домовладельца Барановского на читинских Новых местах – в недавно отвоеванном от соснового бора на восточных склонах сопки районе города, чуть повыше и в сторонке от старинного городского кладбища. Часто туда приходил Алексей Андреевич – душу послушать, поразмышлять о скорбных поворотах своей судьбы, на каменные плиты над местами успокоения бывших своих компаньонов и соперников по торговому делу посмотреть, ощущая брэнность мира и свою тоже. Позднее, с темными людишками самого мелкого пошиба знакомство сведя, тоже зачастую тут, на кладбище, им встречи назначал, дела обговаривал.

Так и надо было продолжать. Ан нет! – отступил от правила разок, наповадил шатию-братию на дом заявляться! Вот и погорел на чертовых лошадях!

2

...Кряхтя, переворачивается бывший купец на жестких досках тюремного пристанища. Эх, и не жил эти годы последние, существовал червем. Подумаешь, лавчонку, еще Варварушка – царствие ей небесное! – жива была, открыл, бумазеей и рипсом приторговывал помаленьку, товар через старые связи контрабандные выкручивая. Доход – тьфу! Деньги кромчил – на мечту свою последнюю... А заместо оной – на цугундере! Тьфу ты, мать ети!..

Последняя мечта Бизина оригинальностью не отличалась. Хотелось остаток жизни прожить где-нибудь на заграничном курорте, погреть напоследок косточки при заботливом уходе. В комфорте и былой роскоши перед смертушкой понежиться...

При нынешнем положении дел мечта выглядела неосуществимой. Особенно приход Советов в восемнадцатом напугал. Все это равноправие, о котором краснюки на каждом углу кричали, означало одну гольную реквизицию – у него, Бизина, последние крохи отнять и раздать голытьбе. Те на радостях просядят «манну небесную» по кабакам и – ура, значит, Советам казачьих, рабочих и прочих депутатов? Хрены моржовые, а не депутаты! О-

о, Содом и Гоморра в стране образовались! И жизни никакой тут не будет! Даже если назад все переменится.

В решении окончательно расплестись с Отечеством Бизин был тверд. Только с капиталом неувязочка получалась. Средств или, как стало модно говорить, «золотого запаса», на предполагаемую комфортную старость у Бизина фактически не было. И пока не прибывало. Наоборот, помаленьку проедались старые крохи.

При выгнавшем краснюков атамане Семенове иллюзий старый Бизин тоже не строил. Приятственно, конечно, глазу, что в горсаду заблестели золотые погоны. Пахнуло забытым.

Был за это атаману благодарен. Он показался поначалу деятелем решительным. И Советы попер, дай Бог каждому! Своим тоже баловаться вроде не давал. Бизин сам читал в «Восточной окраине»: подгулявшего поручика, устроившего пальбу из нагана в ресторане «Бельгия» на Амурской улице, Семенов наутро разжаловал в рядовые и «направил на фронт борьбы с большевиками», как писала газета. А наградные реликвии, занимавшие в официальных изданиях целые полосы, где перечислялись фронтовые герои, удостоенные, пусть и по-своему Семеновым изготовленных, Георгиевских крестов?

Все это приятно щекотало амбиции, но уверенности, увы, не добавляло. Уверенности могли прибавить деньги, а они при Семенове обесценились донельзя, потом он и вовсе заменил привычные царские ассигнации на собственные «голубки», которые вскоре оказались дешевле бумаги, на которой их печатали.

Временно поколебала пессимизм Бизина старая любовь. Чуть было не кинулся во все тяжкие! Летом 1919 года это случилось – неожиданная встреча с милой Сашенькой.

Оказалось, что через год после смерти матери она вернулась на сцену, долго выступала в харьковской оперетте, потом вновь обратилась к цыганскому романсу. Последние два года жила в Омске, куда сейчас и возвращалась после ангажемента во Владивостоке.

В Чите задержалась по двум причинам: и оказавшаяся здесь волей судеб двоюродная сестра погостить уговорила, и хотелось что-нибудь узнать о Алексее Андреевиче, перед которым Островская все-таки чувствовала себя виноватой.

Остановившись в номерах Окуловского коммерческого подворья – довольно приличной читинской гостиницы с ресторацией, – навела справки о Бизине. А выяснив его нынешнее местожительство, взяла и запросто приехала к дому Барановского на извозчике. Так и встретились.

От убогости своей разорившийся купец готов был сквозь землю провалиться, но Сашенька ничего не замечала, лишь смотрела во все глаза на «незабвенного Алешеньку».

С былым сравнивала. Бизин злился и испытывал жесточайшее унижение. Идиоту понятно: чего сравнивать тогдашнего лощеного богатея и его, Бизина, нынешнего, старого и плешивого! Только виду разочарованная Сашенька не показывает, благородство разводит.

Но Островская продолжала навещать «незабвенного» чуть ли не ежедневно, а перед отъездом, заставив Бизина принять приличную костюмную пару, полдюжины сорочек и черные штилеты, закатали шикарный обед в дорогом ресторане «Даурское подворье».

Приличествующий ситуации тет-а-тет прима цыганского романса отставила: на прощальное застолье прикатила в сверкающем огромном черном автомобиле со своей кузиной. Вот где получился самый что ни на есть сюрприз!

Родней бывшей пассии Бизина оказалась эффектная брюнетка Мария Глебова, она же Маша-Цыганка, больше известная читинскому обывателю как любовница грозного атамана и главнокомандующего! Позже, правда, ненадолго, Маша-Цыганка даже станет законной супругой атамана, всесильной Марией Михайловной Семеновой, вертевшей грозным забайкальским воителем, как ей заблагорассудится, превратившей зловещую семеновскую контрразведку в свою подручную конторку по сведению кровавых счетов с дамами читинского

«света», коих Марья Михайловна в приступах дикой ревности удосуживалась заподозрить в притязаниях на ее генерал-атамана.

Даже циничное и много чего повидавшее семеновское окружение, не говоря уж о читинских обывателях, потрясет нашумевшая история о страшной смерти генеральши Нацваловой, которую Маша-Цыганка считала своей главной соперницей. По приказу томной и экзальтированной поэтессы и актрисы, как заявляла себя Марья Михайловна, ставшая хозяйкой модного в Чите салона для «бомонда» и творческой богемы, Нацвалову, имевшую несчастье тоже организовать «вечера в гостиной», где «Гришке и Машке» перемывались косточки, похитили.

Труп генеральши не скоро найдут. И обнаружат далеко от Читы, в Сретенске, в деревянном ящике на берегу Шилки. Соперницу вначале зверски изнасиловали, а после... отпилили ей голову. Поговаривали, что по приказу Машки-Цыганки жуткое убийство организовал адъютант атамана есаул Торчинов – «мальчик на побегушках» у новоиспеченной мадам Семеновой.

А вскоре расправились и с супругом убиенной – генералом Нацваловым, которого по наущению Машки из Читы во Владивосток – якобы с повышением в должности и звании – отправил атаман.

Там, по официальной версии, с горя, узнав о гибели жены, бывший начальник штаба Семенова, а ныне только что назначенный командиром Пятого Приамурского корпуса генерал Нацвалов застрелился.

И снова среди читинского народа поговаривали, что генералу «помог» покинуть бранный свет жандармский ротмистр Понтович, временно состоявший в свите Нацвалова, прибывшего во Владивосток принимать корпус. Ну а уж о Понтовиче в Чите слава ходила еще та! Ближайший подручный начальника дознавательного отдела семеновской контрразведки полковника Тирбаха!

Это самое зловещее карательное подразделение охраны атамана располагалась в уже известном читателю селе Маккавеево и представляло собой конвейер по вынесению смертных приговоров врагам семеновского режима: арестованных красных партизан и подпольщиков, заподозренных в крамоле и прочем обывателей, а также спекулянтов и контрабандистов – сотни и сотни людей! – семеновцы держали, как скот, в составах теплушек, забивших запасные пути на станции.

Военно-полевой суд штамповал свинцовые приговоры, гремели залпы по приведению оных в исполнение. Летом, избавляясь от зловония, трупы спешно закапывали воинские команды и еще живые жертвы, а зимой казненных штабелями складывали в те же самые теплушки на запасных путях.

Маккавеевская трагедия Забайкалья – основная причина, по которой никак не получается у современных просителей за атамана отмыть его от крови забайкальцев и зачислить в ряды «великомучеников» Белого движения. Это впоследствии хорошо понимали и сам атаман, и руководители белоэмигрантских кругов, еще в 1923–1924 годах исключивших использование Семенова как знамени и вожака белоповстанческих телодвижений в Забайкалье и Приамурье. Но это так – для информирования некоторых читателей, а мы вернемся в ресторацию «Даурского подворья».

...За ломящимся от деликатесов столом разрумянившаяся Сашенька шептала быстро охмелевшему Алексею Андреевичу, цепко поддевавшему мельхиоровой вилочкой нежнейшую семгу, что может представить его атаману. Уж ей-то, де, хорошо известен его коммерческий талант, который в нынешней ситуации мог бы необычайно развиваться. Не будет проблем оформить беспроцентную ссуду под торговое дело, только надобно Алеше определиться, под какие поставки для армии просить деньги. Понимающе кивала и Глебова, вокруг кото-

рой суетились официанты, метрдотель и два адъютанта Семенова, доставившие ее в ресторан.

Но, при всей жадной устремленности к последней своей мечте, Бизин, изучивший семеновские порядки, давно понял: если бал правит какая-то полубовница, то правитель и не правитель вовсе, а временщик. А если вчитаться в сводки военных действий...

Посему он перевел разговор на концертную деятельность Сашеньки, стал расспрашивать ее о пережитом за минувшие годы, вспоминать их приключения. Вскоре увидел: этот разговор бывшей любушке в тягость.

Что ж, ныне они являли собой разительную картину: подряхлевший, выглядевший куда как старше своих лет, лысый и беззубый Бизин, наряженный в дареные обновки. И – совсем не изменившаяся, молодая, красивая, со вкусом и по последней моде одетая Сашенька! На нее с кузиной пялилась вся мужская ресторанный публика, включая семеновских адъютантов, прямо-таки сочащихся презрением по отношению к нему, старому и облезлому.

Бизин замолчал, почаше стал прикладываться к сладкой наливочке, смотрел на расфранченных дам за столиками, слушал вполуха Сашеньку и тихо грезил о безвозвратно ушедшем. Некогда ярко вспыхнувшая в его сердце любовь окончательно подернулась сизым пеплом.

И застолье вскоре угасло. Дамы благородно довели старика до его обители, напоследок сунув вощеный сверток с остатками гастрономических деликатесов, которые Бизин безропотно принял, в хмелю даже внутренне не оскорбившись подачкой.

На следующий день, в полдень, Сашенька уехала. Как вспыхнувшая искорка среди мертвых углей, уколола надежда, что попросит проводить, но, уезжая вечером с Машей-Цыганкой на рычащем лакированном монстре, Островская только взмахнула ручкой на прощание.

Бизин таки пришел на вокзал.

Издали наблюдал, как у пульман-вагона толпились штабные офицеры, звенел хрусталь «на посошок», тренькали веселыми колокольчиками смешки Сашеньки и Марьи, вкативших прямо на перрон в атаманском автомобиле, нещадно дымящем газелиновым перегаром. Бизин помнил, что в лучшие времена таких перронных вольностей даже их превосходительства господин военный губернатор и господин градоначальник себе не позволяли. М-да-с! О, temperas, о, mores!

Потом поезд ушел, а в душе и не захохотало. Пепел...

3

...Незаметно занялось утро.

Гремя запорами и ключами, надзиратели отпирали «кормушки» – маленькие оконца на дверях камер, прорезанные так низко, что, только изрядно согнувшись, можно было поравняться лицом с отверстием, а вот на коленки встать – высокогато. Видно, специально так задумано, для унижения человеческого.

В кормушку следовало просунуть миску. Заключение из тюремной службы опрокидывал в нее черпак баланды или каши – и забирай обратно.

Бизин принял, не из кормушки, а через нескладного, костлявого парня, откликавшегося на имя Пронька, миску с жидкой перловой кашей и осьмушку ржаного, липкого, вперемешку с отрубями, хлеба. Стал неторопливо прихлебывать кашу захваченной из дома деревянной ложкой. Поев, ложку оближал и протер чистой тряпицей, которую носил в кармане рубахи, неспешным взглядом обвел лица чавкающих обитателей камеры.

За проведенные в читинской тюрьме несколько дней Бизин уже про каждого в камере чего-то помаленьку знал.

Из Кузнечных рядов, слывших у читинских обывателей районом обитания всех местных конокрадов и укрывателей краденного – Пронька и сосед Бизина по нарам сверху Коська Баталов. Оба припухли на краже коз.

К двери ближе примостился на верхних нарах Киргинцев Мишка, тоже из Кузнечных. Увел и забил корову, а продать не успел.

Яшка Верхоленцев, смуглый и верткий, – чистый цыган! – с нагловатым взглядом и не сходящей с тонких губ нехорошей ухмылкой, как и его подельник Витька по фамилии Корвель, пойманы угрозой за кражу лошадей с пастбища, а Долгарь, или Долгарев Мишка, с Абрамом Емельяновым и щуплым китайцем Чин-Хуп-Ляном оказались в камере за кражу мануфактуры с товарного двора станции Чита-I. Сами – с Дальнего вокзала, западной читинской окраины, где таких ухарей хватало. Мануфактуру уперли у китайского коммерсанта, да попались на продаже.

Вечно голодный Пронька, прозванный в камере Кишкой, жадно смотрел на недоеденный Бизиним кусок пахнущего прелью и мышами хлеба. Бизин разрешающе кивнул, отвернулся к окну. Там виднелся кусок неба, затянутого рваными облаками.

Кто он, за что его в камеру втюрили, Бизин собравшейся здесь шпане не рассказывал. По арестантским понятиям, это было делом вполне допустимым: не лезь в чужую душу – не полезут и в твою. Надо – человеку сам себя обнажит.

Но после того, как Бизин уверенно занял лучшее место, его старшинство признали. Повлияло, наверное, и то, что разговору, свойственного уголовной братии, Бизин набрался за свою жизнь достаточно, умел, где надо, вернуть жаргонное уркаганское словцо. Потом, опять же, возраст, спокойствие и немигающий тяжелый взгляд тоже свое играют.

Лязгнул засов, гулко ухнув, приоткрылась обитая железными полосами дверь.

– Встать! Построиться! Доложить!

После громкой команды в камеру вошел высокий человек в старом, но аккуратно вычищенном черном кителе, какие носили еще государевы тюремные служаки. За спиной вошедшего теснились настороженные надзиратели.

– Я – начальник тюрьмы Григорьев. Есть ли ко мне вопросы, жалобы?

Арестанты молчали. Яшка Верхоленцев дернулся было что-то выкрикнуть, но под пристальным взглядом Бизина пригнул голову за долговязого Проньку.

– Добре, – выждав, сказал Григорьев. – Но впредь требую доклада старшего по камере или ежедневного дежурного. Кто у вас за старшего? Ну, чего же молчите?

– Баталов Константин за старшего будет, – негромко проговорил Алексей Андреевич.

– Ну вот, а то я уж подумал, что у вас здесь порядка нет, – усмехнулся Григорьев, пристально поглядел на Бизина.

Начальник Читинской тюрьмы Григорьев был человеком очень интересной судьбы. Коренной забайкалец, всего в жизни добивавшийся только своим упорным трудом, Леонтий Андреевич нашел свое призвание в деле, никогда не считавшимся почетным, – с 1890-х годов служил в Читинской тюрьме. Довольно быстро достиг высоты – в 1906 году его назначили начальником этого заведения. С 10 марта 1918 года возглавлял тюрьму на выборах началах. И оставался в этой роли бессменно уже при пятой власти!

Как царского тюремщика, его рассматривала на предмет политической благонадежности специальная комиссия комитета общественной безопасности, созданного в Чите органа Временного правительства, потом то же самое последовательно проделали аналогичные проверочные органы при установлении советской власти в 1918 году, затем, после ее падения, когда в Чите сел править атаман Семенов, ну а потом – при установлении Дэвээрии. И все эти комиссии признали Григорьева соответствующим занимаемой должности!

Хотя последняя проверка нервы помотала в самый неподходящий момент. Это даже не проверка была, а целое следствие, учиненное по анонимному доносу следователем Народно-политического суда Забайкальской области Дедиковым в октябре 1921 года.

Григорьева и все его семейство обвинили в том, что они-де хотели эвакуироваться, а попросту говоря, сбежать с семеновской бандой в Китай.

А история была таковой. В июне 1920 года Григорьев отправил свою жену Елизавету Афанасьевну, страдающую желчно-каменной болезнью, и троих детей на лечение в Харбин. Старшая дочь Григорьева – шестнадцатилетняя Серафима перенесла два приступа аппендицита, поэтому речь шла и о возможной ее операции. Болезненным был и тринадцатилетний сын – Сережа. Почему в семье и приняли такое решение: супруга с детьми, включая пятилетнюю Леночку, поживет в Харбине три-четыре месяца, пройдя полный курс лечения.

После отъезда семьи не прошло и месяца, как начальник тюрьмы получил приказ готовить к эвакуации имущество и арестованных. Отступать вместе с семеновцами Леонтий Андреевич не собирался. Более того, воспользовавшись суматохой и неразберихой, сумел отвести от беды партию в 170 заключенных, которых семеновцы собирались пустить «в расход». Под всяческими предлогами затягивал и выполнение приказа об эвакуации.

Не было счастья, так несчастье помогло. В начале августа Григорьев получил сообщение из Харбина, что из-за болезни жены и старшей дочери семья оказалась в тяжелом материальном положении. Сдав тюрьму своему помощнику Жигалину, он выехал в Харбин, пробыл там две недели, устроив все, что мог, с больной дочерью. И вернулся в Читу, забрав с собой сына, которому надо было продолжать учебу.

К тому времени семеновским властям было уже не до эвакуации тюрьмы. Но беда поджидала с другой стороны – старшего сына Леонтия Андреевича, двадцатидвухлетнего Феодосия, еще в 1918 году мобилизованного семеновцами со скамьи политехнического училища в казачий полк, откомандировали помимо желания юноши в юнкерское училище. Скоропостижный срок обучения в августе у Феодосия закончился, его произвели в подпоручики и отдали приказ выехать в Даурию. Сын служить у Семенова не хотел и, когда начался отъезд, ушел из училищной казармы домой, но за ним послали вооруженный наряд с офицером...

Только в начале 1921 года Григорьев узнал, что сын жив, но болен воспалением почек, от службы освобожден и находится тоже в Харбине.

Семья вернулась в Читу в сентябре 1921 года: Григорьевым помог знакомый, выехавший в ДВР из Харбина и сопроводивший жену и детей начальника тюрьмы в дороге.

Трудно сказать, в чем была вина Григорьева, исстрадавшегося от всех перипетий с семьей, но весь октябрь его вызывал следователь, подробно опрашивающий и сотрудников тюрьмы. А они поголовно свидетельствовали в пользу своего начальника, не допуская и мысли, что Григорьев хотя бы отчасти пропитан семеновским духом. Конторщик тюрьмы Михаил Крутиков рассказал следователю, что сам при семеновцах арестовывался четыре раза и каждый раз бывал освобожден только благодаря Григорьеву, хотя тот знал, что у него, Крутикова, пять месяцев скрывался свояк – комиссар Лопатин. Григорьев даже не раз предупреждал обоих о слежке за ними семеновских ищек.

Из всего своего следствия особый следователь Дедиков вынес одно: Леонтий Андреевич Григорьев имеет огромный авторитет, как среди тюремного персонала, так и среди заключенных самого разного толка. Дедиков так и заключил: начальник тюрьмы – выходец из простого народа и многое повидавший за свою жизнь профессионал тюремного дела.

Особенно уважали Григорьева за то, что он четко различал уголовников и политических арестантов. Умело пользовался своей властью: люди, попавшие в острог за «политику», чувствовали определенные послабления, при малейшей возможности Григорьевым освобождались. Прodelывал он это настолько умно и тонко, что и хваленая семеновская контрразведка подкопаться под начальника тюрьмы не сумела.

И уголовников начальник тюрьмы «разводил по мастям», четко различая попавшего в острог по дурости и закоренелого уркагана.

Своей интуицией, возвращенной на многолетнем опыте тюремной службы, Леонтий Андреевич и сейчас почувствовал: ох, и непрост этот дедок Бизин. В камере недавно, а уже верховодит. Ненавязчиво, осторожно, но арестантская братия его авторитет приняла.

Григорьев обвел взглядом притихших «камерных» жителей и бросил за спину:

– Заводи новенького!

В камеру неловко, боком протиснулся невысокий паренек годков шестнадцати, настороженно, со злым беспокойством оглядывая новые лица, – тугие желваки на широкоскулом лице так и играют. От непривычного стойкого запаха вони и пота непроизвольно сморщился, чем сразу вызвал у наблюдавших за ним арестантов ухмылки.

Начальник тюрьмы еще раз цепким взглядом обвел камеру и вышел, напоследок громко сказав: «До свиданья!», на что камера ответила нестройным хором. Дверь захлопнулась, снова лязгнув засов, загремел ключ в замке.

Одетый в застиранные солдатские обноски новичок, набычившись, стоял у двери. Бизин сразу понял, что оголец только начинает свой тюремный опыт.

– Иди-ка, паря, сюда, – поманил Бизин новичка пальцем. Тот подошел. Камера выжидательно наблюдала за происходящим.

– Сначала, мил друг, представиться надо чесной компании...

– Бориска я, Багров.

– И за что же ты, Бориска, на кичу загремел?

– Чаво?

Камера оглушительно заржала.

– Че ржете, мерины! – Парнишка сжал кулаки, попятившись к дверям.

– Тихо! – взмахнул рукой Бизин. Прищурившись, еще раз оглядел новичка с головы до ног, поощрительно усмехнулся:

– Горячий ты мужик, Бориска! На кичу, мил друг, значит в тюрьму. Это ты еще освоишь... Ну, так, за что в камеру засунули?

– За что! Да ни за что, гады фараонские! – еще больше распалясь, выкрикнул Бориска. – Нашли, курошупы, крайнего!

– Га-га-га! – снова оглушительно заржали обитатели камеры. – Эва как! Цап-царап птичку и в клетку! Жертва безвинная объявилась! Гы-гы-гы!

Багров затравленно крутнул головой, коренастую фигуру внезапно забило мелкой, усиливающейся дрожью.

– А-а-а! – Новичок рванул от ворота вниз ветхую и грязную рубаху.

Кто поближе к нему на нарах развалился, увидели розовые страшные рубцы на животе, еле успевшие поджечь корявые, рваные шрамы.

– А-а-а!!! Сволочи! На чужом жировали, а теперь забаву нашли, суки! А-а!..

Бизин понял, что парень явно не в себе, шальной и непредсказуемый в припадке, а может, еще и падучей всерьез страдает.

– Эй, ты, Бориска, не ори! – крикнул Бизин, схватил вымытую Пронькой миску, постучал по шконке. – Не ори, твою мать, оглушил совсем! Побереги нервы, тут они тебе еще пригодятся... Пронька! – повернулся к испуганному дылде. – Чеши-ка на крайние нары, а на твоё место паренька раненого устроим...

Пронька сгреб тощий матрас и свои шмотки, уныло поплелся на шконку у параши. А Бориска замолчал, тяжело дыша, согнувшись, привалился к столу.

– Садись-ка, мил человек, охолонись, – ласково промолвил Бизин, внимательно наблюдая за реакцией сокамерников, похлопал ладонью по своей постели. – Сюда, Бориска, иди, сюда...

Парень медленно оторвался от стола, подошел, присел на краешек.

– Ну вот, – степенно проговорил Бизин, довольный, что не увидел ропота на свои действия со стороны камерных обитателей. – Где это, солдатик, так тебя искромсало-то?

– С польского фронта еду. С врагами революции бился за свободу трудового народа... А это рвала меня шрапнель белополяцкая! Думал,дохну, ан нет, на, пся крев, выкуси! Мы им тоже дали просрать! Эх! – встрепенулся Бориска от нахлынувших воспоминаний.

– Ну-ну, понятное дело, – внутренне усмехаясь знакомству с «революционным героем», поддакнул Бизин. – А как же сюда-то угораздило, молодой человек?

4

История Бориски Багрова была незатейлива и проста.

Взрываясь матами и проклятиями, поднимаясь до высокой патетики, услышанной на фронте от комиссаров, а потом ныряя в деревенский примитивизм и дремучесть, Бориска рассказал, что до осени 1919 года он жил с матерью в деревушке Дровяной, занимался физическим трудом – возил лес для казны на одном из арендных участков Татауровской лесной дачи – солидного, простирающегося на десятки верст массива, в основном хвойного леса, подступающего к Чите с запада.

На это они с матерью и существовали. Но в конце года управляющий Лебедев уволил Бориску и прогнал с дачи за агитацию против семеновской власти, даже пообещал арестовать.

С согласия матери Бориска бежал на станцию Байкал, где целых два месяца проработал санитаром в железнодорожной больнице. Затем – от Семенова подальше! – перебрался в Иркутск, вступил там пятнадцатилетним в особый боевой рабочий Мальтинский отряд. Участвовал в боях с семеновцами, когда они с броневиками и дикой дивизией наступали на Глазковское предместье.

Во всем Бориска брал пример с командира отряда – бывшего штабс-капитана Калашникова, организатора рабочих дружин в Иркутске. Когда семеновцев отогнали на станцию Байкал, по предложению Калашникова отряд рабочей гвардии под видом чехов с эшелоном одной из частей белочешского корпуса нагрянул на эту станцию, где обезоружил и взял в плен семеновцев, захватил броневики.

Показал в боях себя и Багров. После победы на станции Байкал его откомандировали в Первый коммунистический полк товарища Филимонова, назначили командиром эскадрона.

А потом Бориска бил каппелевцев на Александровском фронте, затем направили его эскадрон против Семенова на Прибайкальский фронт, после дрался вместе с партизанами на Ингодинском фронте под деревней Салией, начальником пулеметной команды. Потом по приказанию комиссара Амосова откомандировали Багрова в междуакшинский пограничный район – принять пулеметную команду в отряде товарища Лебедева.

В это время разгорелась война Советской России с Польшей, и Бориска добровольцем отправился на Польский фронт, где воевал сначала пулеметчиком, потом помначальника пулеметной команды в 237-м Минском полку 27-й дивизии.

После тяжелого осколочного ранения в живот долго лечили юного пулеметчика по лазаретам и госпиталям, а потом вчистую списали и, как несовершеннолетнего, домой отправили.

Поехал Бориска к матери, в Дровяную. Было это в феврале 1921 года, когда семеновцев и их ставленника, управляющего Татауровской лесной дачей, изгнавшего год с лишним назад Бориску из родных краев, – и духу не осталось.

Но прежним дровяным извозом желания заниматься у Бориски не было, по совету знакомых отправился в Читу, где, как говорили, устроиться с работой и заработать можно. Но кому был нужен шестнадцатилетний парень с едва зажившими шрамами на животе, мучающийся болями от спаек, когда среди безработных хватало здоровых и сильных мужиков?

Гордость не позволяла вернуться к матери. Перебиваясь случайными заработками, как-то Бориска познакомился в китайской пампушечной с телеграфным служащим Яковлевым, компанейским и веселым чернявым парнем. Вскоре он зазвал Бориску к себе в гости. Выпили, закусили, снова выпили.

Новоприобретенный приятель, после кувшина бражки, спохватился, дескать, об одном дельце забыл. И попросил Бориску, за компанию с ним, заглянуть на короткое время в контору телеграфного агентства «ДальТА».

Черным ходом, от которого у Яковлева оказался ключ, зашли в агентство, где не было ни души, поднялись на второй этаж. Там новый дружок с другой просьбой обратился, мол, выйди, Боря, на балкон, оглядись, а как из расположенного напротив костела повалят после молитв местные католики, свистнешь.

Поручение было странным, посему Бориска заподозрил Яковлева в нехороших намерениях, но тот вскоре сам высунулся из комнаты на балкон, махнул рукой, мол, все, пошли, не надо уже ни католиков, ни костела...

Они снова подались к Яковлеву на квартиру, там еще выпили – бутылку водки, выставленную на стол хозяином, и свалились спать.

А утром их разбудила громким стуком милиция. Оказалось, что вчера контору телеграфного агентства ограбили. Подозрение пало на Васильева, его практически изобличили показаниями свидетелей, которые видели, как из окна во двор он спускал каким-то двум типам полосатый мешок.

Но Васильев тут же сослался на Багрова. Дескать, в здании они были вместе, зашли по пьянке и вскорости вышли, так что гражданин Багров подтвердит его невиновность.

Бориска, будучи допрошенным самим начальником Читинского отделения уголовного розыска Гадаскиным, кипя от возмущения, что в такую историю влип, рассказал последнему о своих вчерашних подозрениях.

Это привело к тому, что телеграфиста Яковлева арестовали. А следователь 4-го участка, которому поручили дело об ограблении, арестовал и Багрова. Как личность в Чите без места жительства. Борискины уверения, что он от греха уедет домой в Дровяную и никуда оттуда не денется, будет жить у матери – во внимание приняты не были. Ну а гневное негодование Бориски о совершающейся над ним несправедливости, причем чисто буржуйским способом, только усугубили дело.

Так Багров оказался в камере Читинской тюрьмы.

– Развели Дэвээрию! – возмущался Бориска. – Поглядел я в Чите... Буржуев недобитых развелось, как собак нерезаных! Буржуи – контра прямая! – меня сюда и затолкали!

Тоскливым взглядом парень обвел мрачные камерные стены.

– А ты чо, паря, по Советам заскучал? – засмеялся Мишка-Долгарь, поудобнее устраиваясь на шконке. – Тю-тю! У нас, паря, Советами и не пахнет! Буфер!

– Буфер? Какой такой буфер? – недоуменно спросил Бориска.

– Почище, чем у баб буфера! – съязвил Мишка, чем опять вызвал гогот всей камеры.

– Эй, оглоеды, хавалки захлопнули! – прикрикнул на веселящихся сокамерников Бизин, приобнял Багрова за плечи.

– Буфером, Бориска, кличут ту самую Дэвээрию, которой ты только что возмущался. Такая тут у нас республика устроилась, когда семеновскую братию и японцев выперли боевые партизанские отряды. Увы, Боря, все героические партизанские победы и твоя борьба на

фронтах здесь – псу под хвост! Отвоевали, значит, не жалевшие крови народные бойцы, вернулись по домам для передыху, а ихней победой воспользовался, Бориска, кто?

Бизин многозначительно задал вопрос и сам же на него ответил:

– Правильно ты заметил, недобитые буржуи и их холуи... С портфелями ходят, в правительство играют, а на самом деле простому люду дышалку перекрыли, зато куркулю что? Точно, полный простор!..

Неторопливо разясняя парню «текущий момент», Бизин наблюдал за реакцией Бориски. А у того все на лице написано: удивление, негодование, разочарование. Бизин смотрел на него и думал, что паренек этот сродни хорошей, податливой глине. Таковую в руки мастеру – чего хочешь вылепит. В голове у Бориски – окрошка, полутонув не признает, со всей своей мальчишеской горячностью разделил для себя мир на белых и красных.

– Вот так, стало быть, сложилось положение, мил друг, – неспешно продолжал просвещать Бизин парня. – Ноне здесь у нас есть кому из народа жилы тянуть. Вот ты погляди, поспрошай народ, – старикан повел рукой в сторону притихших обитателей камеры, – кто и за что сюда попал, а точнее и правильней сказать – насильно тут закупорен. Так же, как и ты. Как кур в ошип! А почему, а? Один ради куска хлеба в отчаянии на кражу пошел, другой и не ходил, да пришили дело. Вот она какая судьба и доля, Бориска!

– Так это чо же, дядя, всей революции швах?! – звенящим от напряжения голосом осведомился, играя желваками на скулах, Багров.

– Конешно, может быть, и швах, ежели только руками разводить. – Бизин незаметно для Бориски подмигнул окружающим. – Но запомни: завсегда смелые и непокорные люди находились. Они, мил человек, никогда не переводятся среди народа. И с кабалой ни в чем и никогда не смиряются!

Бизин торжествующе глянул на парня, который от его, Бизина, речей обалдело хлопал глазами.

– Так-то, Боря, голова человеку дадена для размышлений. Вот и покумекай, на чью вину относить беду всех этих хлопцев, за решеткой ноне томящихся. А может, Боря, и нет их вины? А есть люди, с нонешней несправедливой властью несогласные и своими действиями этой власти наперекор шагнувшие, а? Революционеры, мил друг, они всегда с тюрьмы начинались! Тумкаешь башкой своей? То-то...

Далее урока политграмоты у старого купца, а ныне жулика, вора и мошенника, не получилось. Снова лязгнули запоры, хриплый голос надзирателя подкинул его с нар:

– Бизин! С вещами на выход! Пошевеливайся, старый пердун!

– Кумекай, Бориска, сам видишь, какова она, власть нонешняя, – только и сказал старый прохиндей, раскланиваясь с остающимися в камере. – Свидимся еще, хлопцы, мир-то, сами знаете, тесен...

– Бизин, мать твою! Долго еще там валандаться будешь! Выпуливай из камеры махом! – снова рывкнул надзиратель.

В закутке у дежурной части Бизину вернули его замызганный паспорт и выдали справку, что он, Бизин А. А., находился под стражей в Читинской тюрьме с 27 августа по 7 сентября 1921 года по обвинению в краже чужого имущества и освобожден по распоряжению нарследователя 5-го участка гормилиции за недоказанностью содеянного.

– Идите, Бизин, на свободу, домой, но помните, теперь вы на заметке, – проговорил напоследок молоденький помначальника тюрьмы и укорил: – Нехорошо так пожилому человеку по жизни катиться, о внуках подумайте...

«Ишь ты, сопляк, о внуках мне тут развел! Гаденыш фараонский!» – зло подумал в ответ старый аферист. Но мыслишка про сказанное все равно украдкой кольнула. Ведь и действительно, прожил он свою жизнь, не имея к шестидесяти годам ни детей, ни тем паче

внуков. Но с мыслишкой этой Бизин тут же поступил, что куряка с окурком – вдавил каблучком в песок. В песок беспамятства...

С уходом Бизина из камеры положение Бориски Багрова не пошатнулось. Шепнул старый хрыч напоследок Коське Баталову приглядеть за пареньком. Коська понимающе кивнул, осклабясь, и снова занял самую «блатную» часть нар – под «решкой». Произошло еще два переселения по интересам, в результате чего от параша отселился и Пронька-Кишка.

Ночью Бориска не спал. После ранения на любом новом месте он вообще стал засыпать плохо, а тут столько в башку всякого лезло!

Особенно многозначительные слова старика Бизина. И то ведь дедок истину глаголил! За что, к примеру, он, Бориска, сидит нынче в камере? И сокамерники что, звери какие? Власть – явно куркульная, иначе бы с ним, Бориской, разобрались по справедливости, с учетом его боевых заслуг... А получается, и впрямь, кому теперь это ценно!.. И чо они, молодые, свою молодость сейчас заживо в казематах хоронят? Нет справедливости! Была бы – за что тогда его, красного израненного бойца, за решетку бросать? Нет справедливости и правды нет на этой земле!..

С этим и уснул под утро Бориска. Во сне ему снова виделись летящая тачанка, перекошенное яростным криком лицо второго номера, размахивающего пустыми пулеметными коробками, в клубах пыли налетающая на тачанку кавалерийская лава беляков...

Перед пробуждением приснился и старик Бизин, беззвучно шевелящий губами, но Бориска и без слов знал, что это советует старик что-то дельное и полезное ему, жаль слов не разобрать... Потому проснулся Бориска без злобы, добрым словом помянул про себя покинувшего вчера камеру дедка.

Глава седьмая

1

За воротами тюрьмы, по упершейся в них окраинной Ингодинской улице, обретший свободу Алексей Андреевич Бизин и двух шагов не сделал. Путь перегораживала справная телега с запряженным в постромки буланым коньком.

– Со свиданьем, Ляксе́й Андреич! – тяжело сковырнулся с телеги медведеподобный Филя Цупко, с некоторой опаской поглядывая за спину старого приятеля, на серую стену «централа».

У Бизина внезапно засвербило в носу, в глазах защипало. Растрогал, рожа разбойничья, удружил Фильку, удружил! Но никак вида не подал. Слабинку показывать нельзя, а то, известное дело, возомнит, морда уголовная, невесть что, на шею враз полезет.

– Откуда пронюхал? – лениво, как само собой разумеющееся, спросил Бизин.

– Дык, земля слухом полнитца! Имеем в «центrale» уши, – самодовольно изрек Филька.

– Ну-ну...

Взгромоздились на телегу.

Буланый, фыркнув, неспешно поплелся от тюремных ворот прочь, всхрапывая и кивая головой. Вверх-вниз, вверх-вниз.

– Как здоровьице, Ляксе́й Андреич? От ароматов кутузки да ихней кормежки сплошная болезнь, язвы ее, образуется...

– Это, Филя, какое здоровье и какие годы... По тебе, вон, и не видать...

– Чаво не видать?

– Как тебя червонец с гаком каторги ухайдокал!

– Хэ-хэ-хэ, – полуобернувшись и наигрывая вожжами, затрясся в негромком смехе Цупко. – На свежем же воздухе всю дорогу, да собачьего жира натопишь – никакой холере не причепиться! А еще, Ляксе́й Андреич, вот с такого обушка пайка лишняя завсегда при мне ночевала!

Цупко поднес к носу Бизина кулачище с детскую головенку, комок грязных толстых пальцев, поросших седеющим волосом.

– А? Чем пахнет? Хо-хо-хо!..

– Говнецом наносит! – брезгливо отдернул голову Бизин. – Ты мне не тычь, понял! Чтоб я больше не видел! Сказывай, давай, что новенького, как на постоялом, есть ли промысел? А как там ребятишки, Анюта?

– Э, да никак ноне тюремны казематы сердобольством заразили! – съерничал уязвленный брезгливой реакцией старика Филипп, заворачивая буланого вверх по Баргузинской, отчего вся подвода заскрипела и дернулась.

– Фу, собачья кровь! Не балуй, мясо! – прикрикнул он на конька, снова повернулся к Бизину.

– Какие у нас могут быть дела, Андреич! Эх-ма, делишки! Слезы бабьи... Тока, вот, что Нюрка. Вошла во вкус с заежкой-то, вообще, распорядятца, как енерал, тока сиськи трепыхаются!

Филя заржал, уже не сдерживаясь и не оглядываясь на еще близко видные тюремные стены и корпуса.

Старик скривился, хотя про себя тоже представил обширный бюст Анюты Спешиловой, ее пышущие жаром потаенные места. Тут же, ни к месту, Сашеньку вспомнил, но не

ту, расфранченную особу семеновского времени, а харбинскую, пахнущую солнцем и фиалками, с шелковой, золотистой от итальянского и французского солнца кожей... В далекой богатой жизни, которой будто и не было у него... А по большому счету, что? Так оно и есть. Остался только вот этот тюремный смрад, пропитавший одежду. Стариком сгорбленным на чужой телеге тащится по жизни...

Чтоб эти невеселые мысли перебить, стал дальше расспрашивать Филю:

– Ну, еще что интересного расскажешь? Лавка-то моя стоит?

– Не сумлевайся, Андреич, догляд был полный. Ваську второго дни нарочно посылал флигель твой провести – все на месте. И Фроська в лавке торгует, чо ей сделатца! А ты, чо, никак к себе в конуру нацелился? Ни к чаму, это, Андреич! Я Нюрке наказал, чтоб баню справила. Так што, мы чичас туды, в Песчанку, двигаем. Попаришься, штоб кандальный душок из тебя вышел, посидим, белого вина хлебного по паре стопочек примем, а? Чую, подтянуло на тюремном харче? Хе-хе-хе...

– Зубоскалить, Филя, ты мастер...

– Хы, я и на многое другое мастак!

Цупко довольно оскалился.

– Мастак, мастак... Но что-то больно веселый нынче.

– Но... так, поди, не каждый день дорогого приятеля с цугундера встречаешь!

– Хм... Дорогого, говоришь?.. Больно ты, Филя, мягко стелешь... И веселость твою насквозь вижу: опять что-нибудь спер и радуешься – фарт привалил! Небось еще добычу на постоялом и затырил?

– Тьфу ты, бл... Ты чо, Андреич, сквозь стены и версты зыришь, ли чо ли? Ну, ты даешь! – Цупко от удивления, смешанного с испугом, чуть с телеги не навернулся.

– Та-ак... – протянул Бизин, с отвращением глядя на ошарашенного Филю. – Значит, опять... На какую же хрень ты нынче позарился?!

– Ты чо, Андреич! Не сумлевайся! Куш вышел неплохой! Буренку завалили и две подводы с овсом прихватили на тракте! Одну телегу я уже цыганам продал, а вторая, вот!

Цупко любовно хлопнул рукой по облучку, рядом с собою.

– Пришлось, конешна, малость ее подмарафетить, штобы в глаза не бросалась прежним видом... Как красочка-то? Ишь, на солнышке-то блестит, язви ее...

– Ты, Филя, в сторону не уводи, не уводи! Овес, лошади и мясо, стало быть, до сих пор на постоялом дворе?

– Так, а куды? Это ж тока позавчерашним вечерком... И то, вона, как с телегами шустро...

– Я тебе одно, Филька, скажу. Ежели ты не перестанешь ховать добычу у Анюты на постоялом – спалишься! Напрочь спалишься, идиот! И про заежку по всей округе такую славу сотворишь, что аренду Анюте прикроют! Лафа и закончится – это я о той пользе, что имеем от заведения. Дурень! Болван китайский!

– Кончай ты, Андреич! Заобзывался вконец! – насупился Филя, затряс вожжами, сворачивая направо, с Баргузинской на Бульварную.

Оба замолчали, пропала охота собачиться-перепираться, каждый свое думал.

Вскоре под горку покатали к лесу. Потом буланый без натуги потащил телегу в подъем. Трактовая дорога взбиралась на увал промеж высоких сопок. Бизин и не заметил, как задремал.

В полудреме, когда то проваливаешься в черную яму, то очумело выныриваешь оттуда, Бизину дорога показалась долгой. Наконец, свернули на отворот к постоялому двору.

– Слышь, Андреич, ты того, не серчай, – нарушил долгое тягостное молчание Филипп. – Гнев твой справедливый, по делу. Вот те, зуб даю, заежку больше палить не буду.

Слышь... Я тут, пока ехали, покумекал кой об чем. Слышь, а? Есть, Андреич, сурьезные мужики, отчаянные!.. Мне один знакомый тренькал про удачливую ватагу...

– Ватага, говоришь? – встрепенулся Бизин.

Последняя дрема прошла.

– А кто там верховодит, в ватаге?

– Дык, это разузнать – раз плюнуть!

– Вот и разузнай, что за ватага, что за атаман? А пока чего воду в ступе толочь, к тому же вон – Анюта у ворот. Так что хватит языком про это бряцать, – строго, с незнакомой для Цупко повелительной ноткой в голосе, приказал Алексей Андреевич.

И тут же широко, радостно улыбнулся навстречу Анне.

– Доброго здравия, Аннушка! Погляжу – хорошеешь день ото дня, бабонька! Хлеб-соль дому твоему! А ребятишки-то, Анюта, как, здоровы?

Скороговоркой высыпал. На что Анна – ни словечка. Руки под фартуком сложены, брови сведены. Без фанфар, короче, благодетеля своего встретила.

С тем и въехали в раскрытые ворота.

Словно не замечая угрюмого взгляда сожительницы, Филипп с прибаутками и веселой суетливостью помог Алексею Андреевичу слезть с телеги, появившейся на крыльце Катерине хозяйски крикнул:

– Чо баня-то?

– Готова, дожидаячи...

– А? Как девка? Ягодка!.. – довольно протянул Филипп. – Давай, каторжанин, с нар, из кутузки – да на полкок, где жар русский! Катерина! А ну-ка, потряси там бельишко, было где-то на Ляксея Андреича подходящего фасону! Давай, шустрой!

Оборотился на Анну, затворившую ворота.

– Шевелись, Нюра! Спроворь на стол, чем бог послал, попотчует Ляксея Андреича, натерпелся в казематах, однако!..

2

Намылся, разомлел Бизин. Почесывая грудь, в чистой рубахе и портках, жмурился на ярком, пригревающем не по-осеннему солнышке, присев на высокобленную дожелта приступку крыльца.

Анна, гремя посудой, устраивала в светлых сенцах закуску, глухой Мишка колдовал над начищенным пузатым самоваром, пыхающим дымком. Из горницы в сени вывалился Цупко, водрузил посреде стола бутылку хлебной водки с головкой красного сургуча.

– Ляксея Андреич, заходи сюда, хорош нежиться! – прогудел, высунув лохматую башку в дверь. – Пожалте, ваше благородие, к столу, опрокинем по лафитничку за возвращенье!

Бизин нехотя поднялся, ощущая себя совсем по-стариковски, кряхтя, зашаркал в сенцы. Мимо, обдав его свежим запахом молока и хлеба, шагнула Анна, с крыльца закричала на гонявшихся с визгом по двору за курами Кешку и Вальку:

– Чо затеяли, негодники! Чур на вас!

В дверях появился Мишка, неся на вытянутых руках фырчащий самовар. Поставил у стенки на табуретку, вопрошающе глянул на Филиппа. Тот кивнул парню, делая приглашительный жест к столу. Мишка заулыбался, обнажив изрядно попорченные зубы, загремел табуреткой, усаживаясь. Катерину видно не было, в бане убиралась.

– Нюра, чево ты там? Давай, заждалися! – позвал Цупко, сворачивая в кулаке сургуч с бутылочного горлышка. Ловко выбил пробку и наклонил бутылку над стопками. Анна села напротив Мишки, по правую руку от Филиппа.

– Но... Со свиданьем! – Поднял он граненую рюмку, больше смахивающую на стакан, но все равно потерявшуюся в его лапе. – Эх-ма, душа, отступись!

Ткнул рюмкой в рюмку, отчего у Алексея Андреевича немного сплеснулось на столешницу, хекнул и, задрав голову со спутанной седой и неопрятной бородой, вылил водку в черный распяленный рот.

– Ух-ха, пошла, родимая! Чо задержался-то, Андреич! Сплески – богу бурятскому, самбайну, язви его!

Бизин выпил. Водка огненно разлилась в груди, запекло в горле. Поперхнувшись, потянулся за малосольным огурчиком с желтеющей спинкой, захрустел, выдыхая сивушный смрад.

– Энто, Андреич, первая колом, – усмехаясь, снова наполнил рюмки Филипп, – зато втора точно соколом проскочит! Давай! Пока живы – не помрем, выпьем – и еще нальем!

Больше чокаться не стал, сразу потащил рюмку ко рту. Но выпить не успел, вздрогнул, как и все за столом, от взрыва остервенелого собачьего лая.

– Тьфу ты, аспиды чертовы! – Поднялся, вышел на крыльцо. И тут же выругался:

– Мать твою за ногу! Принесла нелегкая, кость им в горло!

Анна выскочила следом. Через мгновение вновь показалась в дверном проеме, прислонилась к косяку с побелевшим лицом. Встревоженному, выбирающемуся из-за стола Алексею Андреевичу одними губами прошипела:

– Ну что, дождалися, ироды...

Бизин осторожно выглянул во двор и увидел, как в ворота, придерживаемые Филиппом, въезжают четверо конных в милицейских фуражках. Один, плотный, с кирпичным широкоскулым лицом, перегнувшись, врезал нагайкой подскочившую ощерившуюся дворнягу. Взвизгнув, она еще пуще залилась злобным лаем, но от всадника метнулась подальше.

– Цыть, холера!

У крыльца милиционеры спешили. Не обращая внимания на опасно лающую издали дворнягу и рвущего цепь у сарая волкодава, намотали поводья на перильца.

– Хозяин! – громко позвал Филиппа, все еще вцепившегося в створку ворот, высокий, горбоносый, с начальственной повадкой. – Чего ты там прилип, ну-ка, топай сюда!

Цупко медленно поплелся к крыльцу, следом, вначале прячась за его спиной, прошмыгнули к матери притихшие ребятишки.

– Веселей ногами перебигай, когда тебя Гадаскин кличет! – рывкнул на Цупко горбоносый. Широко расставив ноги и покачиваясь с пятки на носок, поигрывал зажатой в скрещенных за спиной руках нагайкой. Голос с гнусавинкой, картавый, с представительным обликом горбоносого совсем не вяжется.

«Гадаскин!» – встрепенулся Бизин, успевший в тюрьме многого наслушаться о начальнике Читинского городского уголовного розыска. Шустро вернулся за стол, смиренно присел, насторожив уши.

Рассказывали, что раньше Гадаскин слыл край каким отчаянным и лихим партизанским командиром, а когда назначили в угро, весь свой боевой запал перенес на преступный элемент. Да так, мол, что все у него в чем угодно готовы признаться, потому как допрос любит снимать сам, а кулак имеет увесистый. И чрезвычайно взрывной характер. Враз вспыскивает, как порох, а дальше себя не помнит.

– Так... Значит, ты и есть Цупко Филипп?

Гадаскин, сузив черные глаза, потер согнутым указательным пальцем тщательно подбрившие усы, кивнул в сторону Анны, обхватившей руками вцепившихся в материнский подол Вальку и Кешку.

– А это, стало быть, сожительница твоя?

– Точно так, гражданин начальник! – подобострастно, вытянув руки по швам, быстро ответил Филя. – Вот, чаевничаем, прошу к столу, не побрезговайте...

– Это от нас не уйдет, хлебосольный ты наш! – ехидно усмехнулся начугро. – Мозги мне не пудги, ядгена вошь. Огдег у нас, гьяжданин Цупко, имеется. Обыск вчиним!

– Осподи, Святый Боже! – запричитал, хлопая себя руками по бедрам и приседая, Филя. – За что? Опять одне наговоры!..

– Но! Чево раскудахтался! Вагнак хитгожопый! – голос у Гадаскина налился злобой. – Колись лучше сгазу, где овес, гнида?

– Гражданин начальник! Полная клевета! Оговорили! – прижал клешни к выпуклой груди Филя. – Нащет овса – полная клевета!..

– А вот мы и пговегим!

Молодой совсем паренек, опоясанный ремнем с желтой кобурой, шумно шагнул в сенцы, на Бизина за столом поглядел внимательно.

– Что-то, дядя, физиономия мне твоя знакома!

– Мир, молодой человек, тесен...

– Иосиф Исакович! – крикнул милиционер, обернувшись к дверям. – Поглядите-ка, тут у хозяина гость дюже интересный сидит!

Гадаскин шумно протопал в сени, уставился, словно прицеливаясь на притихшего за столом старикана.

– Это, товарищ начальник, некто Бизин, с Новых мест, которого по краже лошадей арестовывали, – пояснил молодой.

– Чем же этот стагый смогчок нам интересен, Баташев?

Миша Баташев, месяца полтора назад назначенный помощником к Гадаскину, после откомандирования в Читу из Прибайкальской областной милиции, живо пояснил:

– Свежее мое впечатление! Я его тогда еще, при разбирательствах, запомнил. Шустрый, видать, дедок – сегодня только из каталажки выпустили, и уже здесь, напаренный, чай распивает!

– Цупко! – крикнул Гадаскин. – А ну-ка, иди сюда! Это кто тебе, а? Годня, сват-бгат?

– Дык, на Новых местах соседи мы, давно приятельствуем, по-соседски помогаем...

– Дык-пегдык! – передразнил Гадаскин, недобро поглядев на Цупко. – Ох, смотри, гожа! А ты, стагый хгыч, что притих? – Уже к Бизину адресовался. – Когешите с Цупко? Твое счастье, пегдун дгяхлый, что в тюгьме до сего дня обитался, но гляди, ежели еще где всплывешь!..

Дернув головой, чтобы Цупко следовал за ним, начугро вышел во двор.

– Ашихмин! Попов! Пгиступаем! Да, вон с того сагая и начинайте, с сагая и погьеба!

Бизин быстренько выбрался из-за стола, тоже поспешил на крыльцо, выглянул из-за плеча застывшей Анны.

– Слышь, Анюта, куды все подевали-то? – зашелестел женщине в ухо.

Анна ненавидяще глянула на старикана, зло дернула плечом, ничего не ответив.

Бизин понял, что Цупко ничего не прятал, все лежит в открытую. «Тьфу ты, идиот каторжный!» – выругался про себя.

Филя же тем временем продолжал божиться Гадаскину.

– Начальник, к маменьке не ходи, зазря на меня навели! Да разве...

– Заткни пасть и маменьку мою не тгожь, говнюк! – рассердился Гадаскин. – Не то попляшешь у меня!

– Хозяин! Чьи лошади? – ткнул нагайкой в сторону двух гладких коньков под навесом плотный и широкоскулый Попов – тот, что псину по приезде огрел.

Цупко замялся, шумно перевел дух.

– Ага! Так, так, так! – оживился Гадаскин, пристально глядя на бледного Филю. – Кажись, соггел, обгазина!

– Иосиф Исакович! Глянь сюда! Скотским мясом хозяева дюже богаты! Свежатиная! И коровья шкура еще сыра! – крикнул, высовываясь из низкой дверцы погреба, покрасневший Ашихмин.

– Оп-па-па! – засмеялся Гадаскин, сдвигая мятую фуражку на затылок. – Ну теперь и до овса недалече!

Повернулся к Баташеву, который с явным удовольствием рассматривал вышедшую из бани Катерину, недоуменно наблюдавшую за событиями во дворе.

– Михаил! Не отвлекайся от дела! Иди-ка лучше в избе пошагь, да про подполье не забудь, а то глаза у тебя тут лопнут! Давай, давай! Да, и скажи хозяйскому пагню, чтоб телегу закладывал, нам вскогости, чую, тганспогт для пегевозки понадобится! Так, хозяин, или не так?

Презрительно глянул на Цупко, который смотрел на него с такой ненавистью, что, казалось, готов был загрызть.

– Чо вылупился? Зенки не выпадут, паскуда!

– Посторонись, дядя! – с деланым весельем выкрикнул Баташев, дабы перебороть смущение от насмешки Гадаскина, и мимо отшатнувшегося Бизина нырнул в избу. Загребели сапоги по половицам. Следом с крыльца поспешила и Анна, волоча за руки маленького Кешку и Вальку, громко заплакавшую ни с того ни с сего. Катерина снова скрылась в бане, но ее лицо тут же забелело в мутной стеклке окошечка.

Насупленный Мишка Спешилов нехотя направился к телеге, на которой приехали Цупко и Бизин. Буланого, пока Бизин намывался в баньке, выпрягли, теперь предстояла обратная процедура.

Еще через полчаса Ашихмин и Попов амбары, сарай-конюшню, баньку, погреб и большую избу для приезжих обшмонали, выставив во двор понятым единственного постояльца Спешиловой – старого охотника Митрича из Акши, караулившего артельное добро. Остальная артельная братва уже четвертый день толклась в Чите, выправляя бумаги-договоры на предстоящий сезон охоты: белку-соболя бить, потом менять на съестные и охотничьи припасы.

Агенты уголовного розыска выволокли коровье мясо, свежую шкуру несчастной буренки, сложили все на телегу, привязав к ней и двух коньков, про которых Цупко так и не нашелся чего пояснить.

Овса не нашли, чему внимательно следящий за обыском Бизин, тихо устроившийся на приступочке под крыльцом, немало удивился.

Он попытался незаметно привлечь внимание Цупко, чтобы подучить туповатого приятеля, как выкручиваться на допросе, но Филипп ничего не видел и не слышал, юля подле Гадаскина.

3

– Иосиф Исакович! Гляньте! Вот так улов!

Из избы на крыльцо выбежал Баташев, взмокший от шурования в подполье. Он держал в руках полузамотанную в рогожную мешковину, сально лоснящуюся смазкой винтовку.

Следом показалась из сенок помертвевшая Анна.

– Ого! Винтогез! Тгехлинейка! – воскликнул, картавя больше обычного от возбуждения, Гадаскин. – Вот так да! Ну, Цупко, полные кганты выходят, а? А ну, дай гляну! – Протянул руку к винтовке, которую Баташев уже окончательно выпростал из рогожи. – Хм, вполне.

Ну что, гожа уголовная, полный наговог, говоришь, на тебя? Что молчишь, паскуда?! Твоя винтовка?!

Цупко со всего маха рухнул на колени:

– Начальник! Не губи! Истинный крест, не мое это, не мое! Да чтоб мне! Партизан один побережеч велел, для охоты! Не мое, ей-богу, к маменьке не ходи, нача-а-альник!..

– Не скули, сволочь жигная! Партизан один... Вгешь, гад!

Гадаскин занес над Цупко винтовочный приклад.

– Колись, сука!

– Не вру, господин хороший, не вру! Григорием звать, а фамилия... Запоматовал!

– Вспомнишь, сучье отгодье! Вспомнишь! Попов, ну-ка, вгешь ему пару горячих казачьей подружкой!

– Бурдинский, Бурдинский евонная фамилия, Егорша Бурдинский!

– Ха, сразу память прорезалась! Так Егорша или Григорий? А? – поиграл нагаечкой Попов.

– Егорий...

– Смотри, чтоб с тобой медвежьей болезни не приключилось, орелик! И откуда же это у тебя, гниды, вдруг партизан, как ты говоришь, знакомый оказался? – спросил Попов.

– Дык, попросил по-приятельски, партизанили вместе...

– Охо-хо-ха-ха! Эко, бляха муха, как завегнул! – Гадаскин заржал и согнулся от смеха почти вдвое. – Цупко! Блядь стагая! С тебя пагтизан...

– Помогал я! Продуктишками, вещички опять же...

– Ты, сука, к пагтизанскому гегойству не пгимазывайся! – вздернул с земли за грудки Филю Гадаскин, бешено вращая белками. – Мгазь уголовная! Помогал он! У-у! Зашибу, паскуду!

Он оттолкнул Цупко и повернулся к Ашихмину с Поповым.

– А кто мне говогил, что своего человека на заежке заимели? Вот это говно? Это?!

– Так... это... – откашлялся Ашихмин. – В прошлый раз он нас на контрабанду навел...

– Увел, а не навел! – Гадаскин зло сплюнул в сторону Цупко. – Фуфелей подставил! Небось тех, что самому ему мешали, а главную добычу, гад, стогоной пгопустил! Не так, а, вошь тифозная? Так небось!

– Век воли не видать, начальник! – истерично застучал кулачищем в гулкую грудь Филы. – Землю ем – без фуфла сдал! Как на духу! Эх-ма, к маменьке не ходить, справедливости не дождесси, заформачили, как последнего фрайера!..

– Слыхал, Михаил, рулады? – засмеялся Ашихмин, подмигивая Баташеву, удивленно уставившемуся на рыдающего Цупко. – Циркач, каких поищи! А по блатной музыке, ишь, собаку съел, да не одну! Ладно, хорош тут представление разводить!

– И то, – кивнул Гадаскин. – Давайте-ка тгогаться будем. Значится, так! Этого агтиста, – ткнул пальцем в Цупко, – связать и на телегу! Стагичка, котогый вон на пгиступке затаился... Эй, ты, стагый пень! – крикнул он Бизину. – Понял меня давече? То-то...

Снова обратился к своей команде.

– Стагичка, хег с ним, пока отставим, толку с него... Да, пусть наша уголовная гожа сразу сухаги захватит и бельишко. За один только винтогез ему на нагах до-олго обитать! Слышь, пес, живо дуй в хату, но без глупостей! Собирай майдан, пагаша по тебе скучает! Баташев! Пригляди за агестованным!

Гадаскин снова покрутил обнаруженную винтовку, клацнул затвором, провел пальцем по вырезанным ножом на прикладе буквам: «Г. Б.». Что-то заставило его нахмуриться и пристально посмотреть в спину Цупко, обреченно направившемуся в избу.

Но тут и Филипп вдруг остановился и, чуть не сбив своей тушей Баташева с ног, – к Гадаскину, с шепотком:

– Гражданин начальник, на два слова, разговор секретный имеется... Переговорить ба, без постороннего уха...

Жалкий лепет медведеподобного Филиппа производил комичное впечатление. Милиционеры засмеялись, но Гадаскин оборвал:

– Тихо! Пущай уж до жопы колется!

– Мне надо с вами тока...

– Ну?

– Пройдемте в избу, сподручнее вопрос обговорить...

– Ага, пегеговогы у нас под белым флагом!

– Не сумлевайтесь, гражданин начальник, без обману! – Цупко заложил такой крест, что милиционеры снова грохнули. Настойчивость Цупко Гадаскина несколько озадачила.

– Ладно, пошли в хату! Бгатцы, – обратился он к подчиненным, – погодьте малость, пегетолкую с субчиком, коли ему невтегпеж. Во дворе не зевать, поняли!

Гадаскин и Цупко прошли в горницу.

Сидевший у крыльца Бизин, делая вид, что прикемарил по-стариковски, прикидывал в уме, кого же Филя решил продать и для чего. Одновременно, через полуприкрытые веки, как в прицел, оглядывал и запоминал накрепко лица агентов угро.

Анна с домочадцами подалась, поникнув, в большой дом, откуда слышался скрипучий голос старого охотника Митрича, о чем-то перепиравшегося с дедом Терентием. Тот там и жил, в выгороженном дощатой перегородкой углу, – следил за порядком, грел для приезжих чайник или самовар, чинил упряжь.

Из крайнего окна дома для постояльцев через щель в занавесках, скрадываясь, зырил за милиционерами Мишка Спешилов.

4

В «барской» избе тем временем разговор разворачивался интересный.

– Ну, чего ты мне тут секгетного нашепчешь? – брезгливо глядел на Цупко начальник угрозыска.

– Не сумлевайтесь, дорогой гражданин-товарищ...

– Волчага чикойский тебе товагищ! Выкладывай, чего зазывал?

– Гражданин начальник, вот те! – воровским жестом изнизу поддел передние зубы Филя. – Я ж от чистого сердца прошлый раз контрабанду сдал! И сами же убедились, што нащет овса – полный навет!..

– Ты мне, что, политгьямоту тут читать собрался о собственной пользе?! Аблокотом заделался?!

– Упаси меня Боже! – Цупко прижал к груди обе ручки. – Я про то, что пользы могу принести донельзя! Завсегда подсобить конторе вашей, нешто не понимаю...

Гадаскин изучающе посмотрел на прохиндея, растягивая слова, переспросил:

– Завсегда подсобить, говоришь?

– К маменьке не ходить! От те крест, век воли...

– Слышал! – отмахнулся Гадаскин и внезапно хлестнул вопросом. – А лошади чьи?

– Приблудные! Можя, и хозяева обыскались, так мне ноне на то не с руки было. Старика вона из централа встречал, тожа, ведь, по-людски надо, один как перст... Так и думал, что поспрошаю нащет лошадок завтреву дни...

– Вгешь ты все, как сивый мегин!

– Да, никоим разом! А еще подозреваю, что коников увели, но, вас испугавшись, бросили, вот они и приблудились. Пошто же добро от себя отталкивать!

– Конечно-о... – насмешливо протянул Гадаскин, разваливаясь на стуле. – Новый рассказ, паря, у тебя еще интереснее! Ну а коровенку у кого стибрил?

– От тут-та, гражданин начальник, чистая правда! К нашим пристала еще недели две назад. Мы уж обкликались в округе...

– Ага, ты обкликаешься! – засмеялся Гадаскин, но тут же посуровел. – Хегня все это! Мозги пуджить ты мастег, но у нас, на Уссугийской, в подвале, это быстро пойдет. Угу, Цупко? Так что, давай-ка, дуг ситный, этот наш сектетный газговог кончать. Баки мне забить собгался? Заболтаю гьяжданина начальника, пго полезность свою напою песню сладкую... Да ты, хагя уголовная, хоть ужом вейся! Я вас, субчиков, насквозь вижу!..

– Погодь, начальник, – уже без прежней плаксивости в голосе и заклинаний угрюмо пробасил Филипп. – Про секрет еще не говорили...

– Ну? – Гадаскин удивленно посмотрел на Цупко.

– Я твоего подвала не боюсь, – с неожиданной для начугро твердостью проговорил Филя. – На каторге не такие калачи отламывались. Но не про то речь. Ты, я вижу, начальник, до быстрого результата охоч.

– Чево? – Гадаскин угрожающе переменял позу на стуле.

– Ты дослушай, не гонорись. Тебе, гражданин начальник, чево надобно во первую голову, штобы начальству угодить и себя показать? Успех тебе в борьбе с шатией-братией нужен, да штоб каждый божий день. Пушай и по маленькому успеху, но почаще. Так?

– Чего ты мне тут антимонии газводишь!

– Какие-такие антимонии – не ведаю, но в твоём сыскном успехе помощь тебе могу оказать наипервейшую...

– Это ты пго то, чтоб я тебя к себе в осведомители записал?

– Догадливый. А чо? Меня все знают, я всех знаю, где слушок, а где и истинная правда...

– А-а... – махнул рукой Гадаскин. – Гогбатого могила испгавит! Больше нагадишь, чем поможешь...

– Мне гадить не резон, начальник, – Филипп тяжело вздохнул, потер грудь. – Годы уже не те, опять же на каторге тюремным счастьем обожрался! Сам, што ли не зыришь, – бабу завел, двоих уж от меня нарожала, растить надобно, а не на нарах париться. Эх-ма!

Цупко чуть слезу не пустил.

– По-человечьи, начальник, пожить охота! А ты нагрязнул – колись, манатки собирай! А нешто не бывает такова, штоб совпало – и нащет лошадей, и нащет коровенки? Нешто я детей родимых не пожалею! И винтовка опять же! А ты бы, начальник, поподробнее про Егоршу-то Бурдинского расспросил, евонной винтовки владельца!

– Ну? – насторожился Гадаскин.

Цупко заговорщецки оглянулся на дверь:

– Не в рядовых партизанах Егорша ходил... Вожаком! А ноне-то... Ноне во власти большой – депутат! О как! Цельного Народного собрания вашей, то есть нашей Дэвээрии! Чуешь?!

– Бугдинского Ггигогия винтогез? – выпучил глаза Гадаскин.

– А то! Трехлинеечка евонная! Героический красный партизан и большой нонешний государственный человек, – Цупко многозначительно закатил к потолку глаза, – оставил как память о героической борьбе за власть народну, но и, понятное дело, для баловства охотничьего. Чай, все мы люди-человеки не без слабости... Уразумел, начальник?

– Ево ствол али нет, это мне провегить запгосто, – задумчиво произнес Гадаскин, пристально уставившись на Филиппа. – Но мужичок ты забавный, с хитгецей-гнильцой...

– А ты из хитрецы зернышко-то и добудь! Для общей, стало быть, пользительности... Но и опять же, начальник, вот сам рассуди. Ежели ба мне Григорий не верил, разве ж тако доверье оказал?

– Ну-ну... – рассеянно кивнул начугро, напряженно размышляя.

Потом с издевкой глянул на Цупко.

– Для общей пользительности, говогишь? Это че значит? Чтоб и тебе чегой-то перепало?

– А иначе-то как? – всплеснул руками Филя. – Соопча жа для дела постараимси...

– Но ты, кот масленый!.. – Гадаскин покачал головой. – Пгищучили мы тебя в лучшем виде, хоть щас в каталажку тащи! А он уже себе пгибыток выкгучивает! Ох, и хитгожопый же ты, Цупко!

«Да уж, – одновременно подумалось Гадаскину, – делу бы лишние глаза и уши не помешали бы! Вон, Колесниченко, на каждом совещании, в каждой почти бумаге давит – раскрываемость преступлений подавай ему! Да все выше, выше! А у иного ограбленного, ить, слова не выдавишь, боится! Вот те и найди, раскрой, отчитайся! Только и живем, ежели на месте поймали, да настучал нам человек на доверии... А тут, кстати, на тракте... К тому же навряд ли этот хмырь крестьян грабанул. Не мог же он две подводы овса так быстро сбегрить! Наводка, видимо, ошибочная. И навряд ли врет про Бурдинского. Но тихо проверю, а то еще налетишь, как на белый пулемет!..»

Опытный, битый жизнью Филипп почувствовал перелом, подыграл.

– Слышь-ка, начальник, не сумлевайся. Вот посуди, чего я в жизни видал? Зло и несправедливость одну. На царской каторге гнил, при семеновской власти в кутузку заперли, били – страшное дело, можешь у песчанских пораспрошать, они ишшо за меня бумагу писали, одно и спасло. Опять же партизанам помогал. Тут уж Гоха Бурдинский не даст соврать! Так што, начальник, доброго мало повидал. Но! – Цупко многозначительно поднял палец. – Ежели ко мне с добром, то уж и я – завсегда!..

– Ага, сплошной благодетель! Будя! – обрезал Гадаскин, уже решив. – Когоче, так! Все, что нашли, забираем и опгиходуем. На лошадей хозяев поищем.

Усмехнулся, посмотрев в маленькие хитрые глазки Филиппа.

– Поищем, поищем!

– А лошадям, ежели по совести, все равно, какие у них хозяева, старые или новые...

Цупко вложил во фразу максимум безразличия.

– Будя, сказал! Насчет винтовки – выясню досконально. А тебя, гожа, пока забигать не стану. Тащи-ка бумагу и пего!..

Под диктовку Гадаскина Филипп Цупко написал обязательство тайно помогать уголовному розыску. Старательно вывел кривые строчки каракулей, незамысловато подписался. Подул на бумагу и протянул ее Гадаскину:

– Завсегда рады и готовы послужить! За доверие премного благодарен! А можа чайку на дорогу, а? С ватрухами и калачами, маслицем топленным, сметанкой! Как, гражданин начальник? Не побрезговайте! Щас Мишане скомандую подкочегарить самоварчик!..

– Погодь! – Гадаскин схватил за рукав кинувшегося было распорядиться Филиппа. – Ты, что, сдугел от усегдия? Ты, смотги, языком не тгепли! Я и ты знаем! Сам буду отчет принимать! Понял, дугья башка?

– Ага! Как не понять, начальник! Полная секретность!

– Именно! Посему чай у тебя гонять мы не будем, сообгажай! А своим домочадцам – ни словечка! И – никому! Ежели хто – хучь, вон, знакомец твой, дед плешивый, поинтересуется, то скажешь, мол, обошлись геквизицией чужого добга, а к себе, де, сыскаги, еще затаскают. Угазумел, Филиппок?

– О, начальник, – голова! – сыграл восхищенность Цупко.

– То-то! – подобрел Гадаскин. – Ладноть, хогош базагы газводить.

Вышел в сенцы, оглядел неприбранный стол.

– Эй, Цупко!

– Здеся я, здеся, – в ухо откликнулся Филипп, следуя за Гадаскиным по пятам.

– Ты, это... для чая нам с собой собеги, а то в Читу затемно добегемся...

– Об чем разговор, начальник, – тут же засуетился Филипп, обратно в горницу нырнул, зазвенел там стеклянным.

Гадаскин пригнулся, чтоб не снести притолоку, и вышел на крыльцо.

– Ашихмин, Баташев! – позвал зычным голосом. – Отпгавляемся! Лошадей отгоним поутгу во втогой участок к Егмилову, пущай газбираются насчет хозяев. По-моему, от них сообщение было по конным кгажам... Попов, мясо напгямую к нам, сами газберемся. И телегу тоже изымаем для выяснения хозяина.

Чуть помедлив, окинул взглядом стоявших у большого заезжего дома Спешилowych в полном составе и охотника Митрича, бестолково перебиравшего кисточки крученого опояска. Громко, чтобы слышали все, объявил подчиненным:

– Гьяжданина Цупко забигать пока не будем... Куда, на хген, он денется!

Повернулся к выскочившему как раз на этих словах из дома Филя, который тут же застыл с прижатым к животу объемистым узлом и вперил преданный взор на Гадаскина.

– ...Гассказал все, как на духу. Конешно, еще пговерим, но, думаю, от семьи отгывать гезона нет. Пусть пока ребятишек нянчит, никуда не денется! – повторил Гадаскин и показал Цупко кулак. – Понял, гожа! Смотри! Я тебе сказал! В следующий газ цегемониться не буду! На чем попадешься – то тебе и аукнется! С зачетом всего пгедыдущего. С пгисыпочкой, так сказать!

Закончив речь, начальник угрозыска с достоинством пересек двор, не обращая внимания на косолапящего сзади Филиппа с узлом, подошел к своей лошади, хрумкающей вместе с другими сенцо под навесом, куда заходя, между делом, увел их от крыльца хитрован Попов.

Разобрав поводья, Гадаскин легко и привычно взлетел в седло, напоследок еле слышно бросив Филиппу:

– Не вздумай дугить меня – не слезами умоешься...

Спустя несколько минут четверка милиционеров и тарахтящая телега с изытым мясом и двумя плетущимися за ней на привязи коньками потянулись от ворот к тракту.

На телеге правил Попов, кося взгляд то на ехавшего впереди Гадаскина, то на белый узел с харчами, приткнутый на телегу с левого боку оставшимся у ворот хозяином...

И глаза Цупко мазнули напоследок по белой холстине, в которую завязал он пару бутылок неплохого самогону, отварную свиную ножку, шаньги и калачи.

Когда милицейская кавалькада скрылась за отворотом на тракт, Филя наконец вытер пятерней потный лоб – уф, пронесло!

– Катерина! – рывкнул во все горло, но, увидев, что девушка выскочила на крыльцо испуганная, тон смягчил.

– Там, Катя, в горнице, на загнетке, папироски лежали, притарань сюды, будь ласка. Курнем с Ляксей Андреечем душистого табачку апосля такого шухеру!

Филипп долго смолил табак, доставая из картонной коробочки папиросу за папиросой. Бизин не курил.

Молчали.

Наконец Алексей Андреевич полуутвердительно спросил:

– Так понимаю, плату известную заплатил, Филя?

– Дык, а чо жа... Думаешь, сыскарь бы иначе отвязался? – Цупко глубоко затынулся, оторвав папиросу от губ, ногтем большого пальца стряхнул пепел, кривя яростно сжатые губы, еле различимые в бороде. Повернулся всем телом к Бизину.

– А чо, на полати царские в острог перекочевывать? Хрен им в котомку! Ничево... Ужо поглядим, чья улица запразднует! Или можа, – зверем глянул он на Бизина, – надоть было тебя, Андреич, на нарах сменить? Уж, прости Христа ради, Андреич, при всем огромном моем уваженьи к тебе и почитанье, но давеча опростоволосился ты... В кутузку-то уж тогда надоть итьти, кады не итьтить никакой возможности нету. Так што... Нате выкусите! – Филя ткнул огромным кукишем в сторону ворот.

– А ты, оказывается, философ прямо-таки, Филя! – засмеялся Бизин.

– Хвилософ не хвилософ, но и не таких на кривой козе объезжали! Вон, вишь, черта с два они овес-то вынюхали!

– Так он все-таки у тебя здесь захован?! – изумился Бизин.

– Но дак! – самодовольно ухмыльнулся Филя. – Знашь, куды затырил? Да вона, чуть ли не посреде двора, под сеном ляжит! От которого ихние задохлые лошади пайку себе рвали!

– Варит котелок, варит! – поощрительно протянул Бизин. – Хвалю!

– Завсегда рады стараться, ваше высокородье! – сюродствовал, изобразив солдатскую стойку, Филя.

– Артист, артист, – кивнул Бизин.

Помолчал немного, поглядывая на вновь присевшего рядом и запалившего новую папироску Цупко.

– Так ты, Филя, отмазку от цугундера-то на чем выхлопотал у ихнего главного сыскаря, а?

– Херня! – беззаботно махнул Филя. – Подписку ему подмахнул, мол, цинковать про темных людишек, через заежку шастающих обязуюсь, как на духу... Херня!

– А как с винтовочкой-то обошлось? – прищурился Бизин.

– С энтим делом – воопче красота! – заржал Филя. – Пушай большого депутата спрашивает энтот черт картавый! Я ему так и резанул напрямки – мол, сам большой человек хранит у меня оружие для охоты, а законно энто, али нет – не мово ума дело. Я человек маленький, темный...

– Да, да... – кивнул Бизин. – Темный... А котелок-то варит. Варит! Смотри, не перевари...

– Но-о... Да че ж мы, совсем ли чо ли!.. – довольно хмыкнул Цупко.

– А чей ствол-то? Какого такого большого человека?

– Дык, Грихи Бурдинского...

– Ни хрена у тебя котелок не варит! – плюнул Бизин. – Оба вы с Гохой уроды тупые! Зачем он у тебя винтовку затырил? Вот дурак! При его положении ее на стену повесить можно, а вы тут... И заежку палите, и к себе излишнее внимание привлекаете! Начнут у Гохи в прошлом и нонешнем копать – и депутатство не поможет вместе с героическим партизанством, ежели оно у него и в сам деле было, в чем глубоко сомневаюсь!

– Но! Понесло тебя! – недовольно пробасил Цупко. – Охлонись, Андреич. Фарт нам покедова прет.

Хлопнув себя по коленям, поднялся, прошел в избу, прогудел там чего-то, потом вновь появился в дверях.

– Слышь, Андреич, пойдём-ка, выпьем по маленькой, а то энти гости милицанерские все застолье порушили. Пойдем, девки по новой самовар справили...

За стол сели общей кучей, кликнув и Митрича. Ребятчи ручонки жадно тянулись за калачами.

Филя разлил по стопкам остатки водки. Анна тоже выпила – чтоб отлегло малость после всего происшедшего. Мишке с Катериной налили наливки.

Ужинали молча, потом сразу засобирались спать. Подались в большой дом Митрич и дед Терентий, полез в свое логово на чердак Мишка.

Глава восьмая

1

Уже тонко посвистывал в отведенной ему маленькой светелке Бизин. Спала успокоившаяся во сне Анна. Перестал из комнатенки напротив слышаться ласковый шепот Катерины, что-то мурлыкавшей Валюшке с Кешкой.

Но Филиппу не спалось. Похлопал в темноте глазами, бесшумно поднялся с кровати и вышел во двор, захватив по дороге кисет с ядреным самосадом и накинув в сених на исподнее драный полушубок.

Над крыльцом стояло высокое небо в больших перемигивающихся звездах, в углу, у амбара, завозился, брякнув цепью, лохматый волкодав.

Филипп, усевшись на ступеньку крыльца, долго сворачивал толстенную самокрутку, потом, чтобы попадая не тратить драгоценные спички, высекал огонь, раздувая трут.

Внезапно забурлило-зарезало в животе, подступило до крайности, еле успел от крыльца до стайки добежать. Нескоро оттуда вышел, пучком сена руки вытирая. Ополоснул в бочке, под водостоком. И в лицо плеснул водицы. Во рту такая сухость, что язык небо обдирает – не до курева.

Подался в сенки, нашарил в темноте на столе бутылку с наливкой, жадно задвигал кадыком. От спешки пролил на бороду.

Вернулся на крыльцо, утираясь подолом пропотевшей рубахи, потянулся было к брошенному кресалу и самокрутке, но вдруг ощутил, почувствовал кого-то рядом!

– Кто тут? Кто?! – хрипло бросил в темноту, невольно приседая.

– Дед Пихто!

Перед Цупко выросла темная фигура.

– Тьфу ты! Коська, ты, што ли?

– Обоссался, поди, со страху, Филя?

– Не бухти! Ишо неизвестно, чо бы с тобой приключилася, кады бы тут тебя милицанеры трясли, из самово угро!

– Так я, Филька, в рубашке родился! Меня и японцы на расстрел водили, да без толку! А на тебя, вижу, милиция жути нагнала! Что, в стайке-то небось с самого их отъезда гадишь? Га-га-га!

– Тише ты, оглашенный! Всех подымешь!

– Не ссы... А че тебя сыскари-то трясли?

– Сука кака-то навела!

– Ну и чо?

– Пронесло.

– Ага, вижу, до сих пор несет! Гы-гы-гы!..

– Хорош ржать, Коська! Чо приперся? Договаривались же, – сюды глаз не казать. Откель тебя надуло?

– А-а!.. – скривясь, махнул рукой гость. – Прокатился с хлопцами на «ученике» с Дальнего вокзала, думали торговки в вагонах малость пощипать. Каво там!.. Фараоны чево-то седни по вагонам шастают, продыху нет. Ну и прокатился до твоей станции, покалякал кое с кем, да к тебе, вот, подался. Филя, покупателя я приглядел для лошадок...

– Ага! Спыхватился! Тю-тю, коники!..

– Да ладно!

– Чо ладно? Чо ладно? – озлился Филя. – Говорю тебе, налетели вороны! Навел кто-то. Сразу-те про овес спросили да коньков приметили, ну а потом и до мясца в погребе добрались! Я же шкуру-то там оставил, еще не сбегрил...

– Во подарочек приподнес фараонам! Мать твою! – ругнулся гость. – Говорил же тебе – не храни. Чево кромчить? Сразу надо сбывать! У тебя ж ранешних договоренностей полным-полно!

– И на старуху бывает проруха... – угрюмо буркнул Цупко.

– Да и хер с ним! – мотнул головой ночной гость. – А чо, Филя, тебя-то не загребли, а, старый?

– Подписку дал сыскарям служить.

– Ох, ни хера себе! Ссучился, потрох!

– Но-но! – грозно прогудел Цупко. – Ты, Коська, эндак словечки не раскидывай! Филипп Цупко никады фараонам не служил!

– Ой, им-боюсь, им-боюсь! – засмеялся гость.

И тут же сунул Филе под нос вороненный револьверный ствол, тускло блестнувший в свете полной луны.

– Щас зубы вышибу с мозгами разом! Ты меня знашь! У меня с тем, кто фараонам стучит, разговор короткий! Давай-ка, хрыч толстый, пропой-ка про отмаз-то с подробностями. Каво ты им сдал со всеми причиндалами?

Коська прищурился и постучал согнутым пальцем по револьверному барабану.

– Цыть! И револьвером своим не пужай! Повидал я энтого барахла! Аль до того боишься, что спишь на ем заместо бабы? Хе-хе-хе! – мелко засмеялся Филя в лицо гостю.

А тот желваками заиграл.

– Говорливый ты, Филя, веселый... Да больно что-то подозрительно тарахтишь. Видно, и вправду не зазря тебя фараоны пожалели... Чо, а Филя? Давай, закрути еще петельку!

– Ты, тово, говори да не заговаривайся! Молод ишшо!

– Каво?! Да я тебя...

– Не пугай, пужаный ужо! – Филипп толстым пальцем отвел ствол от лица. – Я бы имя и сто подписок подмахнул, штобы в кутузке не париться. А че им соопчать – это ишшо поглядим... По мелочи в доносчики чево ж не поиграть... Зато, Коська, в доверье можна втереться. А там – ушки на макушке! – много чего от фараонов можно проведать! Соображаешь?

– Сладко ты, Филя, поешь. Задницу свою толстую спасал, а теперича соловьем заливаешься...

– Вахламон ты! Кады бы задницу берег, так тут бы в самый раз тебя, Коська, сыскарям в руки-то и спроворить...

– Каво?!

– А таво!

– Ладно... – Гость спрятал револьвер, зябко повел плечами. – Филя, спроворь-ка ты мне лучше пожрать, а то кишка на кишку уже войной пошла... День нынче колготной какой-то!

– Но... – согласился Цупко. – Как Андреича с централа доставил, так и завертелось...

– Че за Андреич? – обеспокоенно спросил ночной визитер.

– Пойдем, похаваешь, – не отвечая на вопрос, поднялся Филипп. – А после и обговорим.

Прошли в сенки.

Филипп запалил огонек, сходил до погреба, принес отварного мяса, из избы вынес чугунок с остатками вареной картошки, бутылку постного масла. Положил на стол краюху подового хлеба, два белых калача и длинные стебли лука с ядреными головками.

Коська с усмешкой повертел в руках пустую водочную бутылку.

– Богато, Филя, живешь! Казенную водку лакаешь! С фараонами чокался?

– Типун ты на язык, вахламон! С достойным человеком выпивали за здоровье...

– Кто такой? Ну-ка, ну-ка! Ох, и длинный язык у тебя, Филя! – Гость демонстративно вынул из-за пазухи наган, положил рядом.

– Ухо-хо! – хрюкнул коротким смешком Цупко. – Грозен, грозен! Чо ты револьвертом своим размахался? Наиграться не можешь?

– Филя, ты свои смешочки брось... – зловеще, поглядывая на притворенную в избу дверь, проговорил Коська. – У меня не заржавит кусок свинца промеж глаз запечатать... Не зли...

– Кушай, Костя, кушай, – примиряюще сказал Цупко. С горячим нравом ночного гостя он был знаком не понаслышке. – А я тебе пока про Андреича скажу. Помнишь, Коська, года два назад мы спирт одному хитрому мужику таскали, на сбыт?

– А-а, на Новые места! Буржуй недобитый, рожа еще такая, с холеностью, да?

– Нащет холености ноне старикан поистрепался... Но в голове у него, Коська, есть кака-то бо-ольшая задумка... Спрашивал меня про компанию надежную, для богатого дела. Чуешь?

Филипп поскреб бороду. Коська на мгновение вскинул на него взгляд, яростно уминая ломти холодного мяса вприкуску с картофелинами. С полным ртом проговорил:

– Ты сказывай, сказывай, Филя,

– Так энто, Костя, Ляксея Андреич и есть. Я ему намекнул... Мол, имеется верный человек, а за ним ватага... Тебя имел в виду. Ты ж говорил, что с отчаянными ребятами сошелся... Я, Коська, через Андреича богатый навар нутром чую...

– А больше твое нутро ничего не чувствует? – негромко засмеялся Коська и постучал пальцем по пустой водочной бутылке.

Цупко шустро нырнул в избу, вернулся с неполной бутылкой самогона, заткнутой туго свернутой бумажкой. Набулькал в граненые стаканчики-стопки – сначала энергично работающему челюстями Коське, потом себе.

Хлопнули.

Филя, шумно сопя, закопошился с самокруткой, а гость снова наполнил свою посудину и опрокинул в рот.

– Нащет меня, Филя, ты поторопился. К твоему дедку-буржую приглядется надобно. Чево он, ежели такой оборотистый был, нонче сдох совсем и подмоги спрашивают? Помню, как за спиртешку-то копейку жмотничал! Свою не упустит, хитрован ишшо тот!

– А ты как хотел? – прищурился Цупко. – Мовет, перед тобой яму кадрили отплясать?

– Надо будет и отпляшет! – бухнул кулаком по столу Коська. Чуть подпрыгнув, пустой стакан ударился о револьверный ствол и тонко-тонко, но звонко зазвенел.

– Да убери ты свою пукалку! – рыкнул в ответ Филипп. – Разложил арсенал!

– С кем это ты тут, Филя?

На пороге из избы показался Бизин, позевывающий в кулак и почесывающий бока.

– От те! Явление Христа народу! – развел руки Коська. – Какая подмога подкатила! С этим, што ли, Филя, хлебну водку жрали? Иль это у деда Терентия кореш завелся!

– Вы, молодой человек, угомонитесь! Ваши вопли в избе слышны, а там дети малые! – строго сказал Бизин, неожиданно для Коськи и Филиппа «выкая», чего тот же Коська в свой адрес сроду не слыхивал, а посему посчитал за оскорбление. Поднялся с лавки:

– Да я тебя, старого...

– Хорош ты! – обхватил его сзади Филя. – Бля, че тока самогон с людья не делает! Угомонись! Ты чо?!

Коська и сам понял, что развыступался ни к месту. Тяжело дыша в стальных филькиных объятиях, проговорил:

– Все, амбец! Дайте пожрать спокойно.

Бизин глазами Филиппу – отпусти.

Коська зло оттолкнул раскрывшиеся лапы, плюхнулся на лавку, подхватил со столешницы наган и, сунув его за пазуху, снова забулькал самогонкой, зачавкал.

Филипп, ногой пододвинув табуретку, сел, раскурил, наконец-таки, самокрутку свою долгожданную, спички уже не жалея. Бизин, сложив руки на груди, стоял, прислонясь к косяку, и внимательно рассматривал жующего Коську.

Наконец тот не выдержал:

– Ну чо ты меня, старый, буравчиками своими сверлишь? Ежели разговор есть – давай!

– Дают только девки в борделе! – так ловко отвечивал старик, что Коська чуть не подавился.

– Эхма, дядя, ты даешь!

– Я же тебе сказал, где дают.

– Ладно, не чепляй!

Коська повернулся к Филе.

– Хер бы признал нашего спиртового купчину.

– Ты это... Надобно, Коська, все же поуважительнее... Чай не ровня, вдвое с гаком, почитай, Андреич тебя постарше будет...

– Щас соплями изойду! – Коська вновь воззрился на Бизина. – Про какое это большое дело ты Филе нашептывал, а, дядя?

– Так это и есть, Филипп, твой надежный и верный человек, с которым можно дела делать?! – удивлению Алексея Андреевича, казалось, не было предела.

– А чо? – беспокойно заерзал на табуретке Цупко. – Парень свой, не раз проверенный. Они ишшо с Гохой Бурдинским, до всех энтих передряг с революцией и Семеновым, спиртишком промышляли. Да и опосля... Кстати, ты же, Андреич, должен ево помнить! По спиртишку... Должен! Мы с ем как-то и с тобой встречались...

– Всех не упомнишь, – с досадой сказал Бизин, подумав, что Филя, при всей его хитроумности и разворотливости, все равно – дурень дурнем. Неужто не понимает, что никогда по одной половине он, Бизин, с этими уголовниками ступать не будет. Приберем еще хлопцев к рукам... Зевнул, прикрывая ладошкой рот:

– Утро вечера мудренее, поговорим еще.

– Мне тут на свету ни к чему крутиться! – отрезал Коська, сыто отрывивая. – А то, глядишь, опять набежит, Филя, полный двор твоих новых друзей в фуражечках да с наганами...

– Охо-хо! – дребезжаще рассмеялся Бизин. – Какой секретный молодой человек! Прямо, рыцарь ночи!

– Но-но!

– Не нокай, не запрягал! Если тебя, мил друг, разговор со мной интересуе, подождешь до утра. Заодно и над тем поразмышляй, как к старшим относиться, и на хрена твой гонор мне сдался, понял? Пословицу, парень, про бодливого теленка слышал? Думаю, слышал. А еще, молодой человек, иногда бывает не по Сеньке шапка, или кафтанчик попадает тесноватый. Руками разведешь, а он – по швам трещит! – Бизин последнее словечко нарочито так выговорил, с издевкой. – Ну, ладненько, други мои, до утра.

И, повернувшись, старый хитрец удалился в отведенную светелку.

Коська, удивленно завернув голову, посмотрел на затворившуюся дверь.

– Мне про гонор, а сам-то, а, Филя? От ведь фрукт?

– Коська, штоб ты знал: Андреич – голова! – уважительно промолвил Цупко. – Он в Чите, да и не тока, всех старых и нынешних денежных мешков знает. Сам тоже, было время, ел и пил на золоте! Понятно, вся энта круговерть сильно по нему ударила, но голова с мозгами у Андреича осталась – не чета нашим, Коська! Зазря надежную ватагу подыскивать не станет, факт! Брякалкой пустозвонной ты с ем не греми, Коська. В завтрашнем разговоре

не покажешься – пиши, пропало сурьезное дело, Ляксея Андреич со скоморохами хоровод не водит!

– Ишь, нахвалил! Поглядим, чо он ишо пропоет! Мало ли, какие у старичья заскоки...

– Воду, Костя, в ступе толчем! Не петушишь... Андреич прав – утро вечера мудрее. Вот и дождемся утрянки!

Филипп тяжело поднялся с табуретки.

– Пошли, оглашенный, соснем малость... Чо-та день седня затянулся...

Отвел Коську в приезжую избу, указал полати. Но парень отрицательно замотал головой:

– Здеся не засну, больно открыто все. Лучше на чердак, там мне спокойно. Мишка-то где, там? – ткнул рукой на чердачное оконце «барской» избы.

Цупко кивнул.

– Тады я сюда залягу, – взялся за лестницу Коська и полез на чердак большого дома.

Когда он скрылся в проеме, Цупко внимательно оглядел двор и тоже отправился спать. У крыльца к ногам прильнула дворняжка.

– Пшла! – отпнул ее Филипп. «Сука лядащая, – подумал зло и нервно, – хоть бы гавкнула, когда Коська подкрадывался! Чужой человек по двору шастает, а она и ухом не ведет, как и увалень этот на цепи. Сторожа, мать ети! На живодерню сдать, на мыло – больше проку! Хотя, опять же, – заулыбался в темноте злорадно, – милицию безудержу облаивали!»

2

Костя, устраиваясь на чердаке в пахучем сене, не мог отогнать от себя обиду. Вот же, старая сука, этот Андреич! Хи-итрый жук! Поддеват-то как ловко! И чует-то как, хрыч лысый, что не тот размах покедова.

Да уж! В самую сердцевину своенравности Костиной уколел, черт облезлый! И Костю такие мыслишки корежили.

С прошлого года, после расформирования партизанских отрядов, вернулся Костя к лихому делу, принялся было за конокрадство, кражи и разбой на дорогах, собрав пяток земляков-уголовников, с которыми знался еще в спиртовозах.

Шарили в основном по Ингодинской долине, но недолго. Милиция стала на хвост садиться. Хлопцы-подельнички – врассыпную. И Костя затаился на время в родной Куке.

Занялся извозом на собственной паре лошадей. Вozил пассажиров по Улетовскому тракту. Фартило доставлять народ и на прииски в Оленгуй. Хотя все равно – бедно жил.

И вот, этим летом, отвез в Оленгуйский поселок двух китайцев да обратно до станции Кука посадил парочку других... Верстах в восьми – десяти от станции, допетрив, что везут китаезы золотишко, убил обоих, забросал ветками в густом лесном кустарнике, врезавшемся островком в вековую чащобу сосновой тайги.

Но недели две спустя крестьяне-сенокосчики нашли раздувшиеся трупы, по традиционным косичкам опознали в них китайских старателей. В Куку приехали их компаньоны, которые прямо указали на Костю, как не раз возившего их на прииски.

Вызвали его в сельревком, а он вытаращил глаза под дурачка, мол, разве красный партизан на такое способен. Да я, де, своих китайцев до станции довез и сам видел, как они в поезд сели!

Председателю кому верить: своему в доску мужику, с партизанским прошлым, семейному, или узкоглазым «ходям», добытчикам забайкальских сокровищ?

А рано утром Костя из деревни скрылся, добрался до Читы... И пошло-поехало!

Костя, словно воочию, увидел смилившийся с неизбежным взгляд второго китайца-старателя, когда хватил топором первого, ударом раскроив ему череп и отбросив за телегу...

Растворившись в Чите и снова собрав вокруг себя кучку бывлых подельничков, Костя начал заявлять о себе нагло и громко – разбоями и налетами на магазинчики и лавочки, которых в столице Дэвээрии расплодилось, что грибов после дождя. Не боялся огласки, наоборот, поощрял распространение среди уголовной шатии-братии рассказней про свои «подвиги», нынешние и бывлые, контрабандные. А где чего и приукрашивали, придумывали базарные «летописцы», смачные подробности приписывая Костиным похождениям и восторгаясь его удали, – так это, по Костиному разумению, еще и лучше – веса прибавляет среди лихих людей. И разве не молва о фартовом и удачливом налетчике способствовала крутому повороту – интересу, который возник в отношении Кости у Кирьки Гутарева, главаря довольно крупной читинской шайки?

Кирилл Гутарев – та еще фигура. Незаурядная личность. Мускулистый и поджарый, наглый и азартный, лохотенный брюнет среднего роста с холеными пальцами, обращавшими на себя внимание нервной беспокойностью, из-за чего Гутарев постоянно чем-то занимал руки – платок комкал, мял каучуковое колечко, выстукивал по столешнице какие-то ритмы, выискивал соринки на пиджаке.

Ходил он в темной суконной паре, заправив брюки в лаковые сапожки с невысокой голяшкой, под пиджаком – просторная рубаша навыпуск с расшитым васильками воротом и перламутровыми пуговками. А под рубашой, за брючным ремнем, – браунинг. Плоский, маленький, дамский.

На дело же Гутарев брал маузер. Обращался умело, любого научит, какую систему ни дай. Поговаривали, что Гутарев – бывший золотопогонник, но у Семенова не служил, с запада прикатил, еще до Каппеля. Выправка чувствовалась, но из офицерского шмутья никогда ничего не надевал. Будто после белоофицерства зарок себе дал.

А Костя, наоборот, дюже военную форму любит. Гимнастерочку надеть, без морщинки под ремнем, папаху заломить, да еще при шашке и чтоб сапоги со шпорами и со скрипом! В партизанах было форсу нагонял!

3

Партизанской страницей своей жизни Костя гордился. Там-то он крылья развернул!

А попал в партизаны удивительно, вовсе не по идейному настрою. Из-за своей старой контрабандной привязанности.

С бачком за плечами в Маньчжурию Костя шастал недолго, потом куда как все основательно организовалось – бочками в помеченных товарных вагонах, по железной дороге, через подкупных людишек на таможне и на железке. Сеть, в общем, налажена была вполне! Старый черт Бизин к ней тоже в свое время руку приложил – одна из причин, за что в шестнадцатом погорел в Харбине. Но и вернувшись в Читу, раззор свой тоже через контрабандный спирт лечил, с другого конца цепочки зайдя. Смех! Раньше спиртовозы у него в Харбине разживались товаром, а опосля – к нему со сбытом.

Вот из-за спирта и приключился с Костей совершенно невероятный случай. Он любил его вспоминать, а еще больше нравилось, когда в застолье про то Цупко собутыльникам рассказывает в Костином присутствии.

Дело было в девятнадцатом году. В Антипихе Костя с помощничками разгружали с товарняка бочонки с контрабандным спиртом. Обычно так и делали, до Читы не везли, потому как на центральном вокзале, Чите-II, так и на Дальнем, на Чите-I, устраивались периодические проверки на предмет обнаружения контрабанды. Проще было выгрузить в пригороде, а оттуда доставить, куда надо в городе, гужевым транспортом, на подводах.

В этот раз при разгрузке фарт не прокатил – накрыл японский патруль, из гарнизона, что стоял в Антипихе.

Братва кинулась от вагона врассыпную, но Костя и еще трое прямиком в лапы к узкоглазым угодили! А у япошек инструкция одна: уголовную шантрапу семеновцам отдавать, самим от экзекуций воздерживаться. В общем, передали задержанных команде прапорщика Бянкина, а у того разговор короткий: троицу, что у Кости на подхвате была, – под розги, пороть нещадно, а старшого – под расстрел. Старшой – Костя, потому как Бянкин его прекрасно знал: до спиртишка дармового любитель был большой! И засунули бянкины казачки чуть живого Костю в каталажку до утра. Чуть живого потому, что «отделали» от всей души. В общем, умылся Костя кровавой юшкой от казачков, хорошо еще, что глаза-зубы не повывивали да ребра не переломали.

Чего уж там поутру меж Бянкиным и японским комендантом вышло, но командир узкоглазых своих для расстрельной процедуры отрядил. А Костя ночью – как чувствовал такой исход! – сумел развязаться. Когда же на рассвете замком на дверях загремели, намотал веревку на руки за спиной, для близиру.

Три низкорослых японца-конвоира в песочной форме с винтовками наперевес что-то пролопотали по-своему, но Костя и так понял: пустят его в распыл! К тому и склонилось – забрали и повели к леску, на овражек. Один, стало быть, впереди топает, а другие два – позади.

У Кости аж концы намотанной на руки веревки в кулаках взопрели. Момент бы улучшить!..

Тут задние конвоиры момент и дали – прикурить остановились, винтовки свои дулами вниз свесили. А передний, с Костей в трех шагах за спиной, под бугорок зашагал.

Обернулся Костя, глядь – полускрытые бугром конвоиры увлеклись, чиркают на ветру.

Тут и прыгнул Костя на переднего, хватил сзади кулаком-кувалдой по башке, только кургузая фуражка-бескозырка в пыль – шмяк! Подхватил винтовку, затвор чуток назад – есть патрон! – и вдарил по куракам! Один сковырнулся, а другой – наутек. Как заяц, запетлял «микада», чтоб пулю не схлопотать!

Шмальнул Костя разок в этого зайца: уж больно зло брало – сам, гаденыш, ишь, как жизнь догоняет, а его, Костю, только что собирался в расход пустить! Промазал по япошке, ну да хер с ним!

А хозяин винтовки так и лежал без шевелений – Костин кулак крепко успокоил. Сдернул с бессознательного «микады» ремень с двумя подсумками, огляделся, еще не веря в дикую удачу, и – в кусты, к Ингоде!

Реку перемахнул, как на едином дыхании, хотя одной рукой греб, держа во второй винтовку и клубок ремня с подсумками. Вылез, за кустами присел, раздеваясь, чтобы одежду отжать...

Так и повстречался с партизанами.

Наткнулся на мокрого и задохнувшегося парня конный разъезд отряда Богданова, действовавшего в основном в верховьях Ингоды. Дело счастливого случая, что часть отряда неспешно двигалась вдоль берега, возвращаясь с добычи продовольствия. Выдвинувшийся на выстрелы разъезд, наблюдал Костин побег и вернулся в распадок к основному отряду с новым бойцом.

Так и стал Константин Ленков красным партизаном. Отчаянным до неимоверности. В сам-деле, воевал храбро, приобрел, что в отряде Богданова, что в отряде Аносова, в котором позднее оказался, боевой авторитет. Аносов даже поручил Косте командовать малым разведотрядом. И надо сказать, выходило у Ленкова в разведке бесстрашно и толково. Вот только границы даже маломальской партизанской дисциплины Косте были тесноваты. По этому поводу от командира отряда Аносова не раз получал суровые разносы.

Когда же бои отгремели, Костя общему настроению народной победы не поддавался. В силу своих прошлых занятий и наклонностей сожалел лишь о том, что молодецкое время

винтовки и шашки закончилось. Скоро эйфория победы среди партизан, ждавших почестей и устройства в жизни от новых властей, сменилась разочарованием и недовольством, но Костя не переживал. Наград от правительства «Довольно Веселой Республики» он и не ожидал.

И охотно свернул в прежнюю колею, благо загодя, в одном, только ему известном месте, припрятал кое-что из трофеев: кавалерийский карабин с сотней патронов, несколько ручных гранат и пару револьверов, тоже с изрядным запасом патронов. При оружии даже бывлой спиртовой промысел куда как спокойнее и надежнее справлять!

Но времена контрабанды спиртом явно отходили. С одной стороны, в деревнях и в городах наводрились гнать самый разнообразный самогон, с другой же – прошли и времена «сухого закона», объявленного еще царским правительством в начале германской войны.

Да и проходить в Маньчжурию за спиртом, а потом пускаться с товаром в далекий путь от границы до Читы стало смертельно опасно из-за бесчисленного множества недобитых отрядов любой масти – от семеновцев до китайских хунхузов.

Последние в Маньчжурии имели самые тесные связи с торговцами спиртом, те и давали знать, когда и кто груз через кордон потянет. Вернее способа для добычи и придумать трудно! Зудящее ладони оружие не только бандитов, но в некоторых забайкальских станицах и казачков подбивало обшарить округу на предмет легкого промысла. В общем, себе дороже стало возить китайский спирт.

Тогда-то Костя с приятелями-уголовничками и вышел на тракт для разбоя. Ну а дальше – известно. Погулеванили малость, да и разбежались в разные стороны до поры до времени. Хотя в одном не удержался Костя: нашел-таки своих былых обидчиков-истязателей из команды Бянкина. Жаль, что не самого прапора. Не всех нашел, но троих самолично, с превеликим удовольствием прикончил, измордовав прежде в кровь. А после и затаился в родной Куке, возчиком прирабатывая. Да ненадолго хватило...

4

Состыкнувшись с Гутаревым, Костя (уж на что сам шику и форсу нагнать любил!) сразу узрел: у этого и шику, и форсу, и размаху в делах куда как поболее будет. Ежели по правде молвить, так Костя-то лишь разок форсанул, поразвесил в полупьяном кураже «политического флеру». А дело было так.

Однажды, распотрошив в читинском пригороде крестьянский обоз с мукою, не удержался, прикатил в родную Куку со всем составом захваченных подвод:

– Налетай, голытьба! – весело орал Костя, размахивая руками. – Принимай гостинец от моей партии анархистов партизанской закалки! Мой лозунг простой: бью белых, чтобы покраснели, и красных, чтобы поумнели! А главный поход веду на буржуев, пушай делятся! Забыла власть, как мы кровь за народную свободу проливали! Налетай, сельчане, подходи, земляки! Костя Ленков завсегда вам в помощь! Разбирай мучицу! Чо, Мотря, zenки вылупила? Бери, бери! Признала? Свой, кукинский! Подставляй, бабы, подолы, буржуи с вами крупчаткой поделились!

А потом еще и гулянку со щедрым столом закатил.

Супруженицу свою полузабытую усадил по правую руку, сына, десятимесячного пацаненка, давай на коленке подбрасывать. В пьяном гуле задарил благоверной золотое кольцо с камушком – напугал даже!

Шум, гам, благодарные слезы односельчан, круглые глаза предсельревкома...

Немного погода с гулянки незаметно испарился. До следующего разу. Которого не было. Очень вовремя тогда «ноги сделал»: предсельревкома гонца к начальнику 2-го участка милиции Блюмбергу спешно отправил, прикатил из Улет усиленный наряд милиционеров, да только пока с тем же кукинским предсельревкома рядились «слуги закона» насчет свежих

коньков, дабы погоню за Ленковым и его корешками устроить, Костя-то – тью-тью! И след простыл!

А молва – пошла гулять! О Коське Ленкове, справедливом атамане собственной партии анархистов. Тут и вспомнили местные, что давно забыли, а многие и не ведали: их Коська ведь еще в восемнадцатом году в шайке некоего Разгильдеева участвовал в отчаянном налете на Читинский арестный дом. Разгильдеевцам удалось освободить попавших за решетку дружков, причем всего тогда сбежало сорок человек!

Пройдет не один десяток лет, а уголовные похождения Кости-атамана так и будут оцениваться, – с политическим уклоном, в романтическом дыму.

В общем, интересен стал Константин Ленков заметному в читинском уголовном мире атаману Кириллу Гутареву. И назначил тот кукинскому варнаку встречу. В городе, на Старом базаре, в маленькой задней комнатенке булочной-столовой кривого Ибрагима – татарина Ибрагимова.

Гутарев пришел с двумя подручными, еще четверо со скучающим видом пасли вход в заведение.

Костя, как казалось, был один. Развалился на стуле за покрытым клеенчатой скатертью столом. Правая рука подперла щеку, а левая как бы в коленку уперлась. Уперлась, но не костяшками пальцев, а холодным барабаном нагана. Из-под клеенки и не видно. А в зале, за длинным столом, среди посетителей, супчик прихлебывали два верных Косте человека, с которыми он в столовку порознь пришел.

Долгим был разговор. Пили разведенный спирт, закусывали серыми солеными груздями, жареным мясом, жирной селедкой.

И Гутарев тогда Костю уломал. Наверное, потому, что хитрее был, опытнее, тоньше, больше в городе крутился. А еще золотыми цацками завлек.

Привалившись грудью на стол, шептал Косте, что вместе они горы свернут, грел самолюбие, притворно восхищаясь Костиной удалью и фартом. Многозначительно, как бы всего не раскрывая, нарисовал сложившуюся в читинских трущобах паутину укрывателей украденного, наводчиков на богатые квартиры и магазины – работодателей. Сбытчиков награбленного, держателей хаз и притонов. Портных, перешивающих для последующей продажи снятые с ночных жертв пальто и костюмы. Разбитных торговков и благообразных старичков-моховичков, которые под прибаутки и частушки сбавят все, даже самое завалящее барахло.

Гутарев дал понять, что вся эта сеть замыкается на него, а он, в свою очередь, предлагает Косте, уважая в нем равноправного кореша, влиться в его, гутаревские, ряды со своими верными людьми и быть в деле. И шишку вместе с ним над всем этим держать. Дескать, братве – ассигнации, жратва, тряпки, а им с Костей – навар, сливки. В смысле, золотишко-рыжье и камушки драгоценные.

На обрисованную Гутаревым картину читинского преступного мира и вытекающие из этого возможности Костя купился. Купился так крепко, что поначалу и мысли в голову не пришло: а на хрена столь могучему Гутареву его, Кости, малочисленные силы? Вроде и не дурак, но где тут сообразить, что ни о какой благотворительности в стае и речи быть не может!

Уже вскоре со злостью убедился, что многое наговоренное Кирькой – выдумка.

Ох, мягко тогда у Ибрагима стлал Гутарев!

На деле головка шайки была сбита плотно. Для Кости там зазора не было.

Сам главарь оказался подозрительным и нервным. Дерганым и припадочным. Боялся, что кто-нибудь часть добычи может оттырить, утаить, поэтому постоянно устраивал «проверки на вшивость», для чего насаждал среди подручных доносительство и недоверие, любил столкнуть лбами, подбросить слушок и проследить последствия.

Но сказать, что держал шайку в страхе, не скажешь. Орал, брызгая слюной, мог ответить зуботычину, поощрить приближенных на жестокое избиение провинившегося – не более. За такую линию Костя его презирал. Шуму и соплей много, а в итоге? Одна пуля в лоб гораздо бы лучше подтянула порядок в шайке, когда за дело эту пулю вцепить да еще и на виду у всех гавриков.

Короче, очень скоро Костя выяснил, что никакого особого веса Кирька Гутарев в преступном мире не имеет!

Были хазы, но там любому с добычей рады. Были наводчики, но для тех, кто больше заплатит за сведения. Были укрыватели, но как беспокойно с ними, ненадежные, мутные, суетливые!

И многочисленная, больше трех десятков рыл, шайка выглядела бестолково. Жила по принципу: когда пропьем награбленное, тогда и новое дело приглядим. А еще эти вахлаки старались действовать без шума и крови! Костины ребята оказались в деле куда решительнее. Свидетелей, если была необходимость кончать, – кончали без рассусоливаний!

После Костя выслушивал от Гутарева шипящие упреки, мол, зачем лишняя «мокруха», только милиция злее на хвост наступит...

Костя посылал его подальше и делал, как делал. Он знал: время – деньги и свобода, удача. А начнешь жевать сопли – амбец. Посему терять драгоценные минуты налета на связывание свидетелей не считал нужным. Либо тут же всех в погреб, чтоб не мешали по магазину или квартире шуровать, либо пушку в лоб – только дернись кто! – сразу в царствие небесное откочуешь, не заржавит дырку в голове проделать!

Посему у Кости срывов, когда на дело шли, не было. Что хотели – то и грабастали. А Гутарев осторожничал, мог и ни с чем вернуться после ночи. Что же касается «рыжья», то его брали по гутаревским наводкам негусто.

Ленков наполнялся подозрением, что Кирька занывает лучшую часть добычи. Либо урожай собирает не на тех полях. Одно другого не исключало. Посему Костя делишки себе подыскивать начал сам, свою паутинку в преступном мире плести. Меньше и меньше отстегивал он от награбленного в общий котел гутаревской шайки...

«Прав, старый хрыч, Алексей Андреич! – подумал Ленков, засыпая в душистом сене. – Прав... Маловат стал кафтан. Да и хрен его знает, чо у этого Кирьки на уме. Улучит момент и шарахнет из своего маузера от одной только зависти на мою удачливость... А старикан разговор неспроста начал, послушаем поутрянке, не облезем...»

Глава девятая

1

Опасливо оглянувшись с середины лестницы на дорогу, ведущую к постоялому двору, Цупко полез выше, к распахнутой чердачной дверце.

– Коська, Кось... – позвал он и тут же осекся. В лицо глянул зрачок револьверного ствола.

– Ты чо, Коська, совсем трекнулся со своим наганом?!

– Тихо! – Коська осторожно выглянул во двор, убрал револьвер под рубаху. – Чужой кто есть?

– Да нету, нету! Эвон только один Митрич, старик. Акшинский охотник, артель поджидает. Ево дело – сторона... Слазь с насесту-то, почаявничаем. Ерой! Я тебя разбудить, а ты наганом тычешь, твою мать! – озлобился Филипп, шумно начал спускаться.

Следом за ним спрыгнул с лестницы и Коська.

Потянулся, расправил сильные плечи. С завистью глянул Филипп на молодого – силушки в нем да стати! И девки по нему должны сохнуть – ишь, на щеку румян, темно-русый чуб вьется-завивается!

– Чо раскипятился, друг Филя! – Довольно зажмурился на утреннем ветерке Коська. – Сам виноват – человек спит, а ты медведем по лестнице к нему подбираешься!

– Седьмой час, Коська, мало ли кто нагрянет...

– Не ссы, Филя, наши в городе!

– Чаво?

– Поговорка такая! – рассмеялся Коська.

Шагнул к бочке, с размаху окунул голову в воду: – А-ух-ха!

Цупко снова беспокойно оглянулся вокруг, хотя забор никакой возможности обзору окружи не давал.

– Слышь, Коська, а ты чо теперь завсегда с револьвером таскаешься?

Утиравший лицо подолом рубахи Ленков с интересом посмотрел на Филиппа.

– Чего ты боишься, Филя? Иль вчерась разговор про фараонов, что тут крутились да беседы с тобой беседовали, – к месту-то и был, а, Филя?

– Дурак ты! Наган у тя под рубахой – што на ладони. А ишшо – у меня в этом деле свой интерес...

– Это ж какой?

– Простой, дурень! Насиделся я, Коська, в казематах. Больше не хочу! А посему ужом, ежели припрет, буду виться, штоб тока не в кутузку!

– Так ты, Филя, за свою шкуру любого фараонам на мясо пустишь!

– Во, говорю ж, дурак!..

– Слышь ты, Кабан, – посуровел Ленков. – Ты шелуху-то свою поганую в решете оставляй! Ишь, растренькался! «Дурень, дурак!»... Я ведь, Филя, и без револьвера так тебе навешаю, что вся твоя туша кровавой юшкой изойдет! У меня не заржавит! Усек, а?

Окинул набычившегося Филиппа презрительным взглядом и с деланой беззаботностью сплюнул ему под ноги.

– И вот что, Филя... Я тебе не Коська. Ты так собачек своих вшивольдных подзывай. Был до семнадцатого года Коська да вышел весь.

– Можя, мне тебя «вашим благородием» кликать? – со зловещей издевочкой проговорил Цупко, наливаясь злобой.

– Надо будет – енералом величать будешь! И не бычай, видали таких быковатых!..

– А наш бра-авый Кин-стан-тин – очень ва-ажный га-ас-па-а-дин!.. – пропел, ухмыляясь, Цупко.

– Во! Константином звать можешь. Или Костей, когда без посторонних, – как ни в чем не бывало кивнул Ленков. – А на чужих зови меня Никифором. Так я и среди гутаревцев прохожу. Конспирация!

– Чаво?

– Секретное имя... Для маскировки от сыскного ведомства.

– Ага, – Филя потряс головой. – Ну, бляха-муха, хитрец на хитреце и заговорщик на заговорщике! Ни-ки-фор!..

Произнес по слогам, словно сухарем хрумкнул.

– Вот я, Кось... Костя-Никифор! – махнул рукой со смешком. – Вот я и говорю, што вся хитрость-то – вне подозрения быть, а не корешей закладывать! Корешки – это святое. Но вот мелку рыбешку возьмем... Энти сязки позорные на што? Под ногами путаются, шум-гам поднимают... Вот имя под замес и пускать, кады приспичило. Уразумел? Тута, дарагой господин Константин-Никифор, своя линия должна быть! Об ерунде сыскарям сообщил, как верный человечик, а сам под шумок дельце покрупнее провернул...

– Ага... Мелюзгу фараонам отдал, и ты у них – в полном доверии!

– Соображашь! Сам посуди, Коська... Тьфу ты! Ладноть, не ерепенься. Буду стараться авторитет твой не ронять, Костя-Никифор... Ну, дак, я-то про што... Вот, значитца, устроила шелупень свой цыплячий скок, а што, к примеру, тот же самый угрозыск? Шум до небес! Под эту гребенку и тебя, паря, вычесать могут запросто! Набирайся, Константин, у стариков мудрости. Как гритца, захочешь жить – не так завертисси! Уразумел, «енерал»? Кабы не мои расклады, да ни энта дружба с милицией, ишшо бы неизвестно, чаво приключило бы по вчерашнему милицейскому приезду...

– Поешь-то ты браво, – задумчиво уперся глазами Костя в Филиппа, машинально скручивая в тугой свиток подобранный под лестницей кусок бересты. – Но сдается мне все-таки, что, ежели тебе приспичит, то и меня ты, сука, с потрохами фараонам приподнесешь...

Цупко хотел ответить Коське что-нибудь хлесткое, но краем глаза узрел появившуюся на крыльце Анну и осекся.

– Фили-ипп! Чего же ты гостя к чаю не кличешь? – жеманно и протяжно позвала Анна. – Здрастуйте вам!

Оглядев ее, по-утреннему свежую, с ярким румянцем на тугих щеках, сдобную несмотря на годы, Коська не удержался, хмыкнул. Одобрительно ткнул Филиппа под бок.

– Урвал, Филя!

– А чо, Костя, айда по чеплашке! – прогудел, расплываясь, Цупко.

2

Стол в сенцах полон. В миске с водой плавает желтое коровье масло, приземистая кринка предлагает плотную, хоть ножом режь, сметану, паром исходят гречишные оладьи, так и просятся – обмакни в золотистый прозрачный мед и – в рот!

Объемистый глечик с запотевшими боками полон густого молока, на тарелке – сваренные вкрутую яйца. Гора пшеничных калачей вкупе с зеленого стекла сахарницей, доверху насыпанной колотым синеватым рафинадом, завершает картину спешиловского изобилия.

Вокруг – большие фаянсовые чашки с толстыми блюдцами, а посередине стола – пузатый жаркий самовар. Словно корона, увенчал его китайский чайник-заварник, разрисованный золотисто-красными драконами – пускает из затейливо выгнутого носика тоненькой струйкой парок, заполняющий все застолье ароматом крепчайшей заварки.

Костя тут же почувствовал, как за щеками, у корня языка, рот наполняет слюна.

Малые и Мишка уже отчаевничали. За столом сидели Бизин и Катерина, смутившаяся при виде высокого, крепкого и ловкого молодого мужика с кудрявой шапкой густых русых волос, приятным лицом.

– Дай-ка, Нюра, нам чиво-нибудь покрепше! – тут же распорядился Цупко.

– Э, сдурел, ли чо ли! С утра пораньше! – укорила было Анна.

– Цыть, баба! Не жалей гостям!

– Гостям!.. Самому бы глотку смазать! – не удержалась Анна.

Но скрылась в доме, грохнула крышкой подпола, через минуту вынесла в сени стеклянную четверть с плескающей под горлышко самогонкой.

Филипп до краев наполнил граненые рюмки. Отставленную бутылку Анна тут же опять в дом прибрала.

– От баба! – хмыкнул Цупко, поднял рюмку и проскороговорил:

– Нуте-с, со свиданьем!

Мужики чокнулись, выпили. Костя с Филиппом – залпом, Алексей Андреевич – мелкими птичьими глоточками. Захрустели головками лука.

Блестящими глазами Костя уперся в Катерину.

На влажных губах у него вроде улыбка, но с какой-то похабей смотрится. Девушка не выдержала, не допив чашку, поспешила из-за стола подняться:

– Спасибочки всем, побегу, курям надо корму задать...

Ленков проводил ее взглядом, повернувшись на лавке всем телом. Не спускавшая с него настороженных глаз Анна ясно узрела у него под натянувшейся рубахой оружие, – куда и давешнее жеманство подевалось! – в момент озлилась:

– Не таращь зенки! Повылазиют!

– А и не убыло! – засмеялся Костя.

– Неча, знам вашего брата! Одно на уме! Есть да не про вашу честь!

– Ты чо, Нюрка, сдурела? Чо залаяла? – встрял окрысившийся на сожительницу за унесенный самогон Филя.

– А ничо! – В сердцах с грохотом отодвинув табуретку, Анна ушла в горницу.

– Ну, мать ее ети, дура! – бухнул озадаченный бабьим взрывом Цупко.

– Погодь, Филя... – Бизин все видел и понял. Перевернув пустую чашку на блюдце, смахнул с подола рубахи крошки, сыто зажмурился, потянувшись всем телом. Потом вперил глаза в Ленкова, сказал негромко:

– Запомни, парень, в своем огороде капусту не едят.

Костя на Бизина волком посмотрел, только крупные крылья носа зараздувались. Старый купец усмехнулся, кивнул Косте:

– Ну что, мил друг, пройдем до свежего воздуху, аль забыл насчет разговора?

– Щас, вишь, чай не догонял! – зло буркнул в ответ Ленков. Окончательно и Анна, и этот старик все настроение испортили.

– Филя, мы тут с Константином отлучимся, вон под теми соснами погуляем. Так что ты нас не теряй, у меня к тебе тоже пара словечек имеется опосля.

Цупко кивнул, глазами зыркнул на Коську, мол, хорош валандаться, не испытывай у Андреича терпение. Ленков звякнул чашкой:

– Ну, пошли, погуляем, дядя старый...

Бизин вряд ли это услышал, он уже на крыльцо подался. Филипп постучал костяшками пальцев по лбу:

– Те ж про гонор сказано, конча-ай, Коська! Покажись для дела Андреичу, дурень...

– Опять, Филя?!

– Да иди ж ты, иди, «енерал», твою мать!..

Вслед за Бизиним Костя вышел за ворота.

За кустами густого багула, отгородившими обоих от дороги и забора постоянного двора, Бизин присел на поваленный трухлявый березовый ствол. Сорвал с близкой ветки пожелтевший вялый листок, понюхал, глядя куда-то за Коську, в лесную чащобу.

– Значится, ты – Костя Ленков, кукинский. Так?

– Ты глянь! Ужо все справки навел! Силен!.. – Удивленный осведомленностью Бизина, Костя опустил на корточки, закусил в крепких желтоватых зубах круглую травинку с мохнатой шишечкой на конце.

– В Куке, родни-то много? Кто у тебя там?

– Чево это ты за допрос снимать взялся? Ну, мать осталась, да баба с ребятенком.

– Ишь ты... И окрутиться успел, и потомство завести.

– А я тебе чо, пацан несмышленный? Тридцать второй уж годок разменял!

– Моложе глянешься, Костя. – Бизин удивился, но вида не показал – не с руки, он же «все знает». Покровительственно спросил:

– Так это не беда, а, Константин?

– У тебя, дядя, какой разговор будет?

– Нетерпеливый ты, погляжу...

– Какой уж есть!

– Ну, хорошо, разговор так разговор, – прищурился Бизин. – Ты, Костя, так понимаю, в разбойнички записался, коли пушку за поясом носишь да осторожничаешь?

– Надо, вот и ношу!

– Не гонорись, парень, не люблю! – одернул Бизин. – Чем ноне промышляешь? Так соображаю, что за спиртом за кордон больше не ходок?

– Ишь ты!.. Все-то тебе, дядя, расскажи...

– Все не надо. Чужие тайны – гири на ногах... А для общего нашего интереса и обоюдной пользы спросить вот что хотел: в одиночку по делам ночным шастаешь или человечки есть на подмоге?

– Ну, имеется подмога... – с многозначительным самодовольством процедил Ленков.

– Хорошо... Есть у меня одно дело...

– Для дела, говоришь, народец требуется? Одно дельце? Не густо. Ну, может, и найдется людишек парочка, гусь да гагарочка...

– Не ты ли с этими гагарочками, Константин, дай бог памяти, где-то в двадцатых числах августа магазинчик еврея Кауцмана бомбанул? На Александровской улице, где раньше банк Труфановского был?.. Впрочем, что тебе этот Труфановский... И ведать не ведаешь, про таковского... Власть сей особнячок опосля людишкам разным под квартиры пораздали...

– О чем ты, дядя? Какой магазинчик, что за еврейчик?

– Оно – конечно... Да только, когда из магазина лихие хлопчики в пролетку заскочили и дернули к Кузнечным рядам, то, сдается мне, фигура там твоя мелькнула, а, парень? Мне как раз тогда случилось поблизости пребывать...

– А не больно ли ты, дядя, глазастый? – угрожающе глянул Костя на Бизина. – Иль еще чево видал? А я и не таюсь! – Горделиво заявил, с откровенной и наглой усмешкой. – Куркуля с мощной тряс и буду трясти. А тот еврейчик, он тебе кто, никак родня, али друг любезный, таракан облезлый? А, дядя?

– Во-первых, Константин, манеру эту, дядей меня кликать, брось. Я ж тебя – по имени. Вот и меня Алексеем Андреевичем называют. А второе вот что скажу: ты меня не пугай и ручонку с револьвера сыми. Я, Костя, свое уже пожил, умереть не боюсь. И пожил, кстати, дай Бог каждому! А ты, вижу, пока еще настоящей жизни и не нюхал, коли у Цупко на подпитке да по чердакам чужим ночуешь...

– Ты чо, нарошно, старый хрыч, меня заводишь? «Настоящей жизни!..» А кто мне ее преподнес гостинчиком? Ты?

Ленков вскочил, выплевывая измочаленную травинку. Бизин успокаивающе поднял руку.

– Охолони! Ну и горячая же, Константин, у тебя кровушка... Пряма – жеребцом брыкаешься. Охолони... Послушай старого человека. Ежели тебе в самом деле такой жизни надобно...

– И где ж ты такой рай прячешь, а?

– Чтобы жить в раю, Костя, – назидательно ответил Бизин, – надобно его самому и соорудить. А для этого одним днем жить нельзя. Запас надо организовывать, понял? Запас! Но чтобы, Костя, этого запаса набрать, надобно в деле быть первым и главным. Согласен? То-то. Иначе, Костя, тебе завсегда самые сливки только взглядом и провожать! Сейчас небось тоже под атаманом?

По угрюмому молчанию Кости Бизин понял, что угадал.

– И, так понимаю, что нескладушки у тебя образовались. А как эти нескладушки переделывать в колотушки? Хе-хе-хе! Не тумкал об этом? С твоей-то силушкой да отвагой, с твоей-то сноровкой! Самому пора верховодить!.. Ты присядь, присядь...

Для Бизина разговор важен. Норов Ленкова сразу уловил. Отчаянный уркаган, тертый в деле. И сам на пулю пойдет, не заробеет, и под свою пулю любого подведет. Цупко, видимо, не придумал, записав этого Коську в кровопийцы. У злыдня завсегда на такого же злыдня нух имеется... Но парень-то Фили гораздо умнее... Есть хватка верховодить и хочет верховодить...

Бизин подумал, что и Цупко не так прост, не так примитивен, как со стороны кажется. Интересного хлопчика подыскал! Такой ему, Бизину, и нужен. Не грамотей, но и не пентюх, со смекалкой в голове, самолюбивый и отчаянный. Отчаянный на все пойдет без страха, а самолюбие – это такой инструмент, что, умело играя на струночках оных, человеком, как японской куклой-марионеткой, можно управлять. Струны-ниточки – дерг-дерг! Шаг сюда, шаг туда, принеси то – не скажу, но знаю, что!..

Да уж, Алексей Андреевич знал, что ему нужно.

Идея Бизина была изумительно нагла и одновременно проста, как коровье мычание. С помощью Кости и Фили Цупко сколотить мощную шайку из «рыцарей ночи» – безжалостных и готовых на все бандитов, которые в кратчайшее время помогут Бизину обзавестись «золотым запасом». После чего он сможет дунуть за кордон.

В благородство и робингудство старый проходимец давно не верил и был убежден, что предполагаемые подручные тем паче не страдают романтической золотухой. Оставалось изобрести способ, как заставить Ленкова и его гавриков работать на себя. Желательно, с полной отдачей и гарантией стопроцентной безопасности со стороны ононого сброда.

Бизин видел такую схему реализации своего замысла.

Он – учитель и мозг, осторожно играет на Костином самолюбии, внушая ему ходы в пользу задуманного. Где – напрямую, где – через Цупко. Причем внушает так, чтобы Костя был убежден: эти советы ему необходимы, от них польза явная! Тогда будет делиться. Главное – не уверить, что он и сам с усам! Но и самолюбие не уколоть – не то вся конструкция насмарку!

Кое во что Костю, конечно, надо посвятить. Пообещать совместный уход за кордон. Это резонно: за границей Бизин для Ленкова необходим даже более, чем здесь. Что ведает Коська о заграничах! Его дело – грабить, дабы тек золотой ручеек, но пусть и помечтает. У Аргуни Костина дорога закончится, но зачем ему знать об этом раньше времени?

А вот потихоньку искать человечка, который в нужный момент и в нужном месте Костю «успокоит», – надо! Молодого, полного сил, преданного. «Успокоит» Костю да верой-правдою будет ему, Бизину, служить, оберегать-хранить его старость безбедную.

В уголовной среде такого не сыскать. Тут выюноша нужен. С «горящим взором». Самое идеальное – офицеришка молодой али юнкеришка, на царя-батюшку, как на икону молившийся, но окопной вошью не искусанный. Питали выюношу надежды на блистательную карьеру, а чернь-то все и порушила! От того и столь ослепительна белая идея... От того и полна задница еще нестрясенной романтики – за Бога, Царя и Отечество!.. Мда-с, такой молодой человек, при определенном духовном подогреве – а уж это-то Алексей Андреевич молодому компаньону полны ушки бы натолкал! – мда-с... был бы кстати...

Пока же главное – на сытую и сладкую старость капиталу набрать. Коськиными руками. А положить на все про все может он, Бизин, годок от силы. Пока в этой Дэвээрии еще в демократию играют. Только недолгая эта песня! Почитай, краснопузые уже везде насовали деникиным и семеновым в хвост и в гриву. Скоро голодранское войско и до Владивостока докатится, а это – «конец надеждам бедных дам»! Потом, естественно, новая власть свои штыки со внешних фронтов повернет на внутренний. И такие фартовые, как Коська, вмиг лазаря запоют!..

– А как ты, Константин, удачу свою оцениваешь? Надолго эта птица в небо взлетела?

Озадачил Костю неожиданный вопрос хитрого старика. Но ненадолго. Махнул рукой беззаботно:

– А шут его знает! Пока не припекает, а ежели припечет, то там и поглядим.

– И что? Думаешь, при таком нынешнем своем подходе долго погарцуешь? Удаль, Костя, тоже должна быть с умом!

– По тому, как ты мне тут нравоучения читать взялся, никак в компаньоны набиваешься? Уму-разуму учить! И на хера это мне?

– А если бы, Костя, я и подсказал, как ловчее дело повернуть, так разве плохо?

– Ага, понятно... – Ленков насмешливо принялся рассматривать плешивого деда. – Это ты мне, значит, советы свои, а я тебе – в клюве неси! Так, а?

– Не так, – невозмутимо отвечивал Бизин. – Задрипанное пальто, которое ты с ночного прохожего снимешь, мне ни к чему. Я, Костя, сегодня ночью, после твоего прихода, и заснуть-то толком не мог, эх-ма!

Бизин даже что-то наподобие слезы с глаза подтер.

– Я, парень, в тебе, молодом, сильном, красивом... сына своего нерожденного... увидел!..

Последнее заявление хитроумного старика вовсе Костю озадачило, даже немного смутило.

А Бизин продолжал:

– Мечтал о таком наследнике, да не вышло в жизни... А на тебя смотрю и представляю, как бы сыну советовал. Вот почему, Костя, немного глаза открыть тебе хочу на существо нашей жизни... Ну-ка, скажи, сколь раз ты шел уже на пули и смерть за свои молодые годы?

– Во! Хватило за одно партизанство! – резанул ребром ладони Ленков по горлу. – Но я...

– Погодь, погодь... Лучше скажи, ради чего, Костя? Или тебе власть высокую должность, богатство и достаток за это дала? Может, ты большим народоармейским командиром стал? Кукиш показали!

– А мне на все это плевать! Мне чо надо, так и сам вырву!

– И что, Костя, так и будешь всю жизнь вырывать себе на пропитание с наганом в руке? А как свинца в лоб залепят?

– Так, ить, – рассмеялся Костя, – теперь один ответ!

– Нет, Константин, есть и тут лазейка!

Бизину увиделось: мелькнула у хорохорящегося Ленкова в глазах заинтересованность, мелькнула! И продолжил с жаром:

– Есть, Костя, лазеечка, есть! Да и чего тебе – всю жизнь, что ли, в налетчиках? А спокойно, в сытости-роскоши пожить, без сопения ищеек милицейских за спиной, не хочется?

Как же, не хочется!

Костя уже не раз признавался себе, что его жизнь имеет непонятный, но довольно существенный изъян: он никак не может взять такую добычу, чтобы больше не лезть на рожон, ибо не надо большого ума, чтобы уразуметь – рано или поздно будет поставлена точка. И совсем не хотелось, чтобы эту точку, окончательную, свинцовую, сыскари на его судьбе поставили. Или «дружок» Кирька Гутарев... Тогда уже ни водка, ни бабы не понадобятся, что совершенно Костю не устраивало. Но что может предложить старикан?

А Бизин придвинулся, по плечу поглаживает.

– Чем больше с тобой беседую, Костя, тем больше вижу в тебе то, что в жизни моей не состоялось...

Алексей Андреевич по плечу поглаживает да в глаза заглядывает. И видит, видит посеянные сомнения. И начинает привирать все увереннее.

– С супружницей моей, царствие ей небесное, так насчет сынка, Костя, и не сподобились... Не дал Господь... А таким и видел его... Как ты!.. Эх, жизнь непутевая! Как сын, ей-богу, как сын, ты мне, сердцем чувствую!..

От сыгранной мастерски жалости к самому себе Бизин и вправду расстроился, заплакал, согнувшись на поваленном березовом стволе.

– Будя! Чо ты раскис, Андреич!

Костя даже невольно почувствовал вдруг себя обязанным, похлопал старика по спине.

– Будя, мы еще дадим копотю! Наши в городе!

– Спасибо, Костя, понял старика! – начал успокаиваться Бизин, с удивлением подумав, что вполне бы мог дать фору самому императору Нерону, еще помнящемуся с ученической скамьи, а уж на что, как писали древние латиняне, тот артистом был.

– Я пока, если начистоту, ни хрена не понял! – озадаченно проговорил Ленков. – Што ты потек – вижу. Размягчел сердчишком. А вот чево ты тут про лазейки гутарил, Андреич, – непонятно!

– Но это, Константин, такая моя секретная задумка, что ни одна душа знать не должна! – посуровел Бизин – куда вся квашня слезливая делась!

– Мне землю начать есть или как? – осведомился с издевкой Костя.

– Может, и землю... Как ты, Константин, смотришь на то, чтобы вскорости перебраться нам с тобой за кордон? Там я все ходы-выходы знаю, что в Маньчжурии, что дальше, хоть на восток, хоть на запад...

– За кордон? – Ошарашенный Костя снова вскочил с обомшелого ствола. – Ты меня с собой за кордон кличешь?! За какие это же такие красивые глаза? И чо я там забыл?

– Там, Костя, можно заняться приличной коммерцией. Развернемся – будь здоров! Я в торговых кругах человек известный, раньше вся китайская власть в Харбине на поклон ко мне ходила. Кормились, сволочи, из моих рук!

Бизин произнес это, невольно приосанившись, с таким презрением, что Ленков мгновенно поверил. Поверил в то, что Бизин действительно может раздобыть ему пропуск в нарисованный рай.

– Я тебе, Константин, без лукавства поведал... Приглянулся ты, парень, приглянулся... Молод, решительности тебе не занимать, ум имеется. И кличу с собой не за красивые глаза. Не сейчас пойдем, а когда капиталом обзаведемся...

– Ага, я, стало быть, в огонь ныряй, набирай капитал, а ты опосля на моем горбе за кордон решил въехать! – скривился Ленков.

– Вместе будем набирать, не сумлевайся. Без меня ты не капитал будешь набирать, а всякий мусор. Знать надобно, мил-друг, кого в Чите растрясти можно... Вы ж по мелкому щипаете... А «рыжавье», Костя, по другим уголкам ховается... Вот огляжусь пару деньков... Ты ко мне загляни после, Костя, на Новые места. Филя покажет, где квартирую. Там и обговорим все ладком.

Бизин говорил и искоса наблюдал за Костиным выражением лица. Замечал, что собеседник на его, бизинскую, многозначительную таинственность покупается, как малец на диковинную игрушку. И продолжал осторожно плести свою паутину:

– ...Ты мне про «сообщество» свое поведаешь, что там за расклад, а я тебе список напишу... с адресочками, где пожить можно по-настоящему. Для набора капитала! Но смотри, Костя, – Бизин предостерегающе поднял палец, – никому ни гу-гу! И среди людей своих помалкивай. К дисциплине их приучай, гаечки закручивай. Чтобы они тебе безоговорочно подчинялись и силу твою знали. Авторитету мы тебе наберем! Пойдет богатая добыча, будет и вес у тебя атаманский...

И тут же, проехав по самолюбию Ленкова, закричал, подымаясь.

– Но, ладно... После переговоров, а то Филя небось уже изнервничался, чего мы тут так долго секретничаем. С Филей, парень, тоже молчок! Ты его к себе приблизь, но впрямую на дело не бери. Филька для другого тебе нужен. Пусть тебе спину закрывает, с милицией дружит. Через эту «дружбу» много чего выведать можно, заранее оберечься, если они невод закинут. Сам тоже не зевай, приятелей там заводи. Нынче время голодное, на дармовой кусок многие польстятся, знай только подкармливай не жалеючи! Так что, Константин, думай. Парень ты еще молодой, отчего не пожить всласть, а? И насчет коммерции в будущем. Тут тебе дотумкивать ничего не требуется. Капитал соберем – компаньоны, значит. Будешь совладельцем – и гуляй! А уж я оборот организую и тебя в этом деле поднатаскаю. Чтоб, когда глаза мои закроются, удачливым был ты коммерсантом и меня вспоминал благодарным словом. Как сын родной! – подпустил слезы напоследок старый хитрец.

3

Они вернулись на постоянный двор, ласково щурящийся на солнце Бизин и озадаченный Костя. У калитки увидели Анну, которая молча посторонилась, но, как на дороге смотрела, так и осталась снаружи. А за забором, у сарая-конюшни, Цупко и Мишка Спешиллов закидывали на телегу мешки. Бизин понял, что Филя куда-то собрался увозить ворованный овес.

– Чо-та долгонько выгуливались, мужички! – сгорая от любопытства, бросил Филипп. – Ну, как, вволю насекретничались? Мишка, – толкнул глухого пасынка, – иди пока, иди!

– А он у тебя, чо, по губам разбират? – спросил Ленков.

– Кто его знат... Лучше пущай там потрется, эдак спокойней.

– Филя, куда с грузом наострился-то? – Бизин потрогал край мешка на телеге. Так и есть, овес!

– Иван Манзуров, тутошний, песчанский, приходил, сговорились, покупат всю партию. В смысле, на мену, продуктишками.

– Это хорошо. Потом через лавку в монету оборотим.

– Так это... – замялся Филя, но себя пересилил. – Ты, Андреич, вроде ба тут и никаким боком...

– Э-э, Филя, – укоризненно произнес Бизин и повернулся к Косте. – Вот как, Константин! А я тебе уж было отрекомендовал Филью...

– А чо, чо? – забеспокоился Цупко, перебегая глазами от старого к молодому, который, к удовольствию Алексея Андреевича, с ходу ему подыграл:

– Да... Для сурьезного дела, Филя, на тебя явно расчету лучше не ставить!

– Это почаму же?!

– К друзьям-товарищам отношение куркульское, на себя гребешь...

– Дык... Энто тока курица от себя! – неуверенно засмеялся Цупко. – Но с дружками я завсегда! Можя, ты, Андреич, и прав, через лавку ловчее выйдет...

– Так это тот овес, что третьего дни? – нахмурился Ленков. – А ты ж мне вечор пел, что у тебя фараоны все сгребли! Может, и лошадки так же?! В одиночку мошну набиваешь, за общий счет?

– Ты чо, Костя, не сумлевайся, я ж как на духу!

– Тут, Константин, он не врет, – вмешался Бизин. – Овес сыскари не нашли, при мне было.

– Но, а я чо говорю! – окрысился Цупко. – И не боись, твоя бы доля не ушла!

– А я и не боюсь! – громко засмеялся Костя, хлопнул себя по пояснице. – Мы с моим корешем-наганом насчет дербанки сильно справедливые, а кто оттырку устраивает, так тому и в лоб плюнем!

– Дербанка, как я понимаю, это дележка, а оттырка – утаить? Так, да? – уточнил, хитро прищурившись, Бизин.

– Ну, ты, Андреич, скоро почище каторжного уркагана блатную музыку разведешь! – польстил Филя. – Голова!

– О, это я понял! – продолжал смеяться Костя, подморгнув Бизину серьезным глазом.

– Ты, Филя, сведи на той неделе, лучше в пятницу, Костю ко мне, как мы с ним договорились, – сказал Бизин. – А сам ко мне завтра загляни, когда продукты в лавочку привезешь. Но, однако, пора и честь знать. Загостился я у тебя, Филя. Спасибочки за встречу и угощение!.. Не беспокойся, до тракта дойду, а там уеду. Хоть воздухом надышусь после темницы власть!

Но идти до тракта оказалось ни к чему. На постоянный двор к Спешиловой завернули соседи по Новым местам, возвращавшиеся в Читу из Атамановской станицы, где гуляли у родни на свадьбе.

С Бизиним пристроился и Ленков. Понятно, что прежний разговор в дороге они не вели, слушали рассказы погулявших на свадьбе попутчиков: раскрасневшейся от наливки толстой голосистой бабы и еле живого от самогона мужика, умудрявшегося тем не менее править лошадью.

На окраине города, у первых домов, Ленков многозначительно распрощался с Бизиным, крепко пожав руку. Из чего Алексей Андреевич сделал вывод, что его семена брошены в добрую почву.

Назавтра, уже после обеда, наконец-таки приперся угрюмый Цупко. Сообщил, что привез и отдал в лавку Фроське три добрых шмата сала, флягу со сметаной, два мешка картохи.

– Садись, Филя, чаю выпьем, – пригласил к столу Алексей Андреевич.

Неспешный откровенный разговор тек часа три.

Бизин так объяснил Филиппу свой замысел по расширению разбойного промысла через Костю и его ребят. Он, Бизин, обеспечивает наводку на стоящую добычу, обмозговывает наиболее удачный способ совершения дела. Филиппу же следует проторить хорошие пути для бесперебойного сбыта добычи, а также для получения точных сведений о намерениях милиции насчет облав, других операций.

Старый купец без труда убедил Цупко, что ставку на Костю он сделал в их, его и Филиппа, интересах, потому как и с него, старика, и с Фили в налетах и грабежах польза небольшая, непосредственно «гоп-стоп» прекрасно обделает и Костя, но, управляя им умело,

навар можно получать куда солиднее. Да и не спалишься, если голова работает. Вот и надо им быть для Кости этой головой, что поможет хорошо старость обеспечить Костиными руками.

Бизин умел убеждать. Даже в том, что черное – это белое. Цупко восхищенно взирал на старого хитреца и с полным доверием, безоговорочно принимал его старшинство и все доводы. И даже сам вызвался быть при Ленкове навроде охраны и тени. Для солидности и антуражу. Потому как любой атаман вызывает впечатление и свитой тоже. А уж для свиты Филя-Кабан был в самый раз – своей огромностью и сумрачной внешностью кандальника.

Перемену в отношениях с Филей почувствовал и Ленков. Когда в пятницу Цупко проводил Костю до флигеля Бизина, на обговоренную встречу, то у дома сказал, зорко оглядываясь по сторонам:

– Ежели что, Костя, я здесь, на атасе, сколько надо!

– Ну-ну, – хмыкнул довольный Ленков и шагнул в калитку.

Алексей Андреевич с улыбкой встретил гостя:

– Рад видеть в добром здравии!

– Здорово, Ляксе́й Андреич! – Костя прошел в комнату, огляделся. – Скромно живешь... И икон не держишь?

– А на кой ляд они мне, старому грешнику!

– И то верно.

– Стол, Костя, у меня немудреный, но откушай, не побрезгуй.

– А я парень не гордый, иной раз и пусты щи хлебал!

– Так это не достоинство, беда это.

– Ничо, пережили!

– Но больше охоты поститься нет? Так, Костя?

– Так-то оно так, но как угадаешь!

– А на что нам головы даны, смекалка да ум? – тоненько засмеялся Бизин. – Ну, обдумал мое предложение?

– Поглядим, как дело сладится, как фарт пойдет...

– Вот и ладненько, Костя! Давай-ка, выпьем за удачу! Чтоб крепко эту птицу в руках держать!

– Ну, давай, Андреич!

Они выпили по полной рюмке анисовой водки, которой Бизин себя баловал после бани или по какому-то знаменательному поводу. Костя громко и довольно крикнул: водочка не шла ни в какое сравнение с китайской «ханькой». Не обращая внимания на предусмотрительно положенные перед ним столовые приборы, рукой полез в чашку с капустой, захватил щепоть и бросил в рот.

– Хороша, зараза! – жуя, похвалил водку. – Так чо, Андреич, насчет списочка обещанного?

– Тут вот он, списочек, – легонько постучал себя по лбу старый купец.

– Никак забоялся, что бумажку заберу, а тебя, старого, прихлопну?! – засмеялся Ленков так, что капуста изо рта полетела. – Зря! У меня слово – кремень! И уговор завсегда был дороже денег! Зря, дядя!

– Да ни к чему тебе сейчас этот список, Костя. Осторожность потеряешь! Парочку адресов назову, расскажу, на что рассчитывать, но проверить надо прежде, мало ль что сменилось. Тут, Костя, как на фронте или в партизанах: поначалу разведка должна пройти, осмотреть, что да как, потом надо подход и отход продумать, а не на рожон переть. Вот, гляди, что, например, можно использовать. Возьмем, к примеру, китайцев. Ихние лавочки наиболее безопасно бомбить, а золотишко всегда водится. Почему безопаснее? Так их нынешняя власть особо не жалуется, вот и пользуйся! Или вот такой ход. Когда у нас народ ставни закрывает?..

На следующей неделе, во вторник 20 сентября, газета «Жизнь», никакой партии не принадлежащая и печатающая в основном новости бульварные, с ужасом сообщила: «ДЕРЗКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ!!! Гр-ка Виттенберг, проживающая по Зейской ул., в д. Шергова, заявила, что 18 сего сентября в 9 часов вечера, когда прислуга Наталия Снигова вышла во двор, ее, Снигову, захватили неизвестные вооруженные злоумышленники в числе 7, трое из них задержали Снигову во дворе, а четверо вооруженных револьверами, бомбами и кинжалами ворвались в квартиру Виттенберг, произвели обыск под угрозой оружия, забрали золотые, серебряные вещи, ношеное платье, отрез сукна, кусок ситца всего на сумму 520 рублей серебром, а также 370 рублей золотом».

И, как будто для того, чтобы обыватель прочувствовал величину ущерба до конца, рядом, несколько выше, повторно перепечатано объявление о денежном курсе, установленном постановлением Правительства ДВР на основании закона от 16 мая 1921 года: в Чите с 28 июля, а в остальных местах с 1 августа: «За один золотой рубль 3 рубля мелким разменным серебром... За 1000 рублей Буферных денежных знаков по-прежнему 05 копеек разменным серебром».

За газетой «Жизнь» Бизин с завидной пунктуальностью ходил к соседу из дома напротив. Сосед работал в типографии, приносил домой ворох ежедневных изданий, в очередной раз нудно разъяснял любопытному старикану тонкости типографского труда: набора и верстки газетных полос, манипулируя перед почтительным, как ему казалось, благоговейшим от его учености слушателем такими мудреными словами, как тангер, метранпаж, цицери, боргес, петит, гранки, гарт, нонпарель и тэ пэ. После очередного экскурса в мир печатных таинств милостиво, но на время, выдавал свежие газеты, пачкающие руки черной краской и резко пахнущие керосином. Бизин аккуратно сворачивал выданные газеты в трубочку и, рассыпаясь в благодарностях, отбывал домой для вечернего чтения. И поэтому был в курсе почти всех новостей Дэвээрии.

4

Любил почитывать бульварную прессу, ту же «Жизнь» или скандальный «Наш голос», и портной Тараев. Проживал он в Чите в стороне, противоположной Новым местам, – в районе Дальнего вокзала. Или на Чите-первой, как по-другому называли этот читинский район. Проживающие здесь читинцы по происхождению, занятиям и быту резко контрастировали друг с другом, какой-то людской винегрет, ей-богу. Позаносило на первочитинские улочки и в кривые тупички, вот уж впрямь, каждой твари по паре.

Вокруг внушительных, красного кирпича, потемневшего от времени и паровозной копоти, зданий локомотивного депо, в основном в жалких засыпных бараках и покосившихся от ветхости домишках, ютился самый революционный люд – железнодорожные рабочие.

А на кривых улочках, карабкавшихся вверх, на подступах к внушительной Титовской сопке, и в самой низине, разделявшей район депо и центральную часть города, между воинскими пакгаузами и паровой мельницей, теснились дворы подобротнее, где основную массу обитателей представлял самый разнообразный народ, от политических веяний далекий, особо никакую власть не привечавший.

Хватало среди этой публики и прямых пособников преступному элементу. Содержателей притонов, в которых вился тяжелый опийный дым, шелестели «стиры» – крапленые игральные карты, с помощью которых облапошивались фрайера из окрестных деревень, спускавшие – в надежде разом разбогатеть – вырученные от продажи на читинском базаре муки, картошки, овса, а то и мяса, деньги. Хватало здесь и укрывателей краденого, сбытчиков награбленного, представителей других криминальных профессий.

Среди прочего местного люда портной Тараев был примечателен двумя моментами. Во-первых, проучившись в юности два года в реальном училище, относил себя к интеллигенции, посему носил галстук и шляпу, а так же выписывал газету. А во-вторых, что резко диссонировало с первым обстоятельством, портновское свое ремесло давно обратил на служение уголовникам, специализируясь на перешивании краденых предметов гардероба, в основном брюк и мужских костюмов. Мог перелицевать и незамысловатое дамское пальто.

Последнее время в «заказчиках» ходили полупьяные субчики из шайки Гутарева. Но чаще – ее нового крыла, которым заправлял, как узнал Тараев, Костя Ленков из Новой Куки.

Ленковские ребята приносили вещи подобротнее, чем, к примеру, гутаревские – Пашка Ананьев, Ванька Мыльников, Кеша Маевский или дебильный Сухов Генка.

«Костя удачлив, – размышлял, вертя спичкой в зубах после ужина, Тараев, – среди его людишек, поговаривают, даже закон есть особый: в случае ареста никого из своих не выдавать, хотя бы резали на куски. А Пашка Ананьин – трус и пьянь, которая ради опохмелки и мать родную продаст. Не теми людьми обставился Кирька Гутарев! Не теми...»

В портном явно пропал философ. В наблюдательности ему отказать тоже было нельзя. Как и в логике суждений, на основании которой Тараев пришел к мысли, его крайне испугавшей: воровская удача в знакомой ему шайке явно упиралась в личность атамана-главаря. Шайку Гутарева все больше разъедали «разброд и шатания».

Портной Тараев тоже прочитал во вторник газетное сообщение об ограблении гражданки Виттенберг. И облился холодным потом.

Накануне, в понедельник, девятнадцатого числа, некий субчик Швалов, который больше был известен Тараеву по кличке Архипка, верный дружок и напарник Кости Ленкова (это портной знал точно), приволок бархатное платье и два отреза. Сукно и веселенький ситчик. Архипка предложил Тараеву купить платье и ткань. Они долго торговались, пока Архипка, в качестве последнего аргумента, не достал револьвер. После прочитанного в газете сообщения не надо быть слишком сообразительным, чтобы понять, чего Архипка так настырно сбавлял платье и отрезы.

Два дня портной Тараев прожил с ощущением засунутой ему в заднее место петарды. Благо, что сегодня петардный фитиль потух, и тучи рассеялись: удачно перепродал «паленое» шмутье и отрезы мадам Грищевой, которая в отличие от него, к счастью, газет не читала, но шила и перешивала модные дамские платья. Так что деньги имела. Тараев ее не особо разорил, зато получил неплохой навар, компенсирующий всю эту нервотрепку – от идиота Архипки с его револьвером и до нервного зуда под коленками в ожидании милицеской облавы. Пропало и ощущение петарды в деликатном месте.

Портной зевнул, шлепая тапочками, спустился с крыльца, пересек крохотный дворик, отпер щеколду деревянного ящика, прибитого на внутренней стороне ворот. В него, через прорезанную снаружи щель, мальчишка-курьер из редакции бросал выписываемую газетку.

Сегодняшний номер из ящика переключался к Тараеву в руки. И тут же глаза непроизвольно выпятились из текста знакомую фамилию. Елочки точеные!

Тараев впился глазами в заметку на первой полосе «Жизни»:

«ОБНАРУЖЕНИЕ КРАДЕНОГО. В ночь на 20 сентября по Коротковской улице в квартире А. Мыльникова в доме Лесковой обнаружены одежда и разные домашние вещи, похищенные в д. Щербаковой по Коротковской ул., всего на сумму 600 р. валютой. Преступники Ананьев, Сухов, Мыльников, Маевский, Яринский задержаны, и почти все в краже сознались. В ночь на 20 сентября на Малом острове, на Набережной улице в доме Шмелиной, в кв-ре Павла Ананьина обнаружены разные вещи, одежда и белье, украденные в гостинице „Европа“ у китайского подданного Ди-де-цай, всего на сумму 300 рублей, кроме того, там же найдена одна граната системы Монса».

– Легки, сукины черти, на помине! – в сердцах выругался Тараев и сломя голову бросился в дом, где принялся лихорадочно сдергивать с натянутой в комнате веревки вещи, которые ему принесли на переделку чертовы криминальные знакомые за последнюю неделю.

«Совсем ума нет, эти их! – матерился про себя портной. – Рядом жить и у соседки тащить! Вот уроды бестолковые! Сами – хрен с ними, но так ведь и меня могут за собой потянуть!»

Трясущимися руками он комкал ворованное в узел, безуспешно связывая концы полотняной скатерти, и судорожно соображал, куда все это получше затырить. Совсем «неинтеллигентно» в очередной раз клял гутаревцев, их атамана, прочих гавриков за то, что они отнимают у него спокойную жизнь.

Клял, чтобы несколько дней спустя, когда страхи отлягут, вновь взяться за тот же вид своего рукоделья.

Глава десятая

1

Младший Меркулов поднял красные от двухсуточной бессонницы глаза на старшего брата.

– Спиридон! Страшно...

– Чего ты расслюнявился, Николаша?! Погляди, какая за нами сила!

Новоиспеченный премьер-министр «нового русского правительства» резким движением руки отдернул тяжелую портьеру. За высоким окном, на свинцовой глади владивостокской бухты Золотой Рог чернели длинные силуэты японских миноносцев.

– И заметь, не только наши японские друзья! С нами Великобритания, Франция, Северо-Американские Соединенные Штаты!..

– Насчет последних я бы воздержался. Они и нашим, и вашим...

– О чем ты, Николаша? – Спиридон Дионисьевич, все еще пребывая в благолепии трехчасового молебна и последовавшего за ним картинного спектакля по формированию правительства – «раздачи министерских портфелей», – с легкой гримасой посмотрел на брата.

– Да о том, дорогой мой, что эту так называемую Дэвээрию, с которой нам предстоит биться, с одной стороны подпирает красная Совдепия, а с другой стороны, – тебе ли не знать! – чертов красный «буфер» моментально наладил внешние сношения с американцами. И они отнюдь не считают Дэвээрию красной.

– Американцы – наивные дети! – Спиридон Дионисьевич бухнул кулаком по столу. – Они думают, что если в ДВР провозгласили незыблемость частной собственности и дали возможность различным партиям кричать на каждом углу о свободных выборах в местный парламент – то красная угроза испарилась! Как бы не так! Погляди, чем закончились выборы – коммунистическая фракция самая многочисленная, почти все правительственные посты в центральном правительстве и в областных заняты большевичками...

– Ты зря думаешь, что американцы олухи царя небесного, Спиридон! – Николай Дионисьевич поднялся из кресла. – Им тоже не нужна красная «буферная» республика. Но они не хотят и усиления японцев на Дальнем Востоке. А мы с тобой въехали в эти апартаменты с помощью последних.

– Мы готовили наше выступление против красной заразы целый год!..

– Брось, Спиридон... – Младший брат поморщился. – Мы изображали подполье и прожирали пачки иен. Если кто и готовил, так японский Генеральный штаб и их верный клеветр Гиацинтов. Теперь он будет дышать нам в затылки и диктовать японские указания.

– А мне, Николаша, глубоко на это насрать! – Спиридон Дионисьевич задышал тяжело, побагровел.

«Того и гляди, хватит братца апоплексический удар! Чего я тут демагогию развел?» – подумал лениво Меркулов-младший, а вслух сказал примирительно:

– Может, ты и прав. Мы хотели этого, и это свершилось. Поздравляю вас, господин премьер-министр!

– Поздравляю вас, господин министр иностранных дел!

В ночь на 26 мая 1921 года в столице Приморской области ДВР произошел белогвардейский переворот, формальными лидерами которого стали братья Меркуловы – известные на Дальнем Востоке купец и речной капитан. Переворот произошел с помощью японских штыков; тут же было сформировано «новое русское правительство». У Японии, примкнув-

ших к ней государств-участников Антанты и США появилась прекрасная возможность нанести Советской России удар с дальневосточного плацдарма.

Во Владивостоке замерла жизнь. И одновременно началась массированная охота сформированной белой контрразведки за большевистскими политическими деятелями.

Вот это, видимо, и спасло Дмитрия Ивановича на первых порах. Не публичной была его деятельность, скрытой, без лозунгов и деклараций. К партии большевиков он принадлежал безраздельно. Одно время даже был секретарем партячейки. Но потом попросил его от этих обязанностей освободить в связи с большой загруженностью по работе.

Работай Дмитрий Иванович по какому-нибудь другому ведомству – вряд ли бы товарищи по партии поняли и приняли его просьбу в такое непростое для Республики время. А Дмитрий Иванович возглавлял Владивостокский уголовный розыск. И двадцати четырех часов в сутки ему не хватало для работы. Все портовые города «славятся» повышенным уровнем уголовщины, а во Владивостоке весной двадцать первого года, как и по всей Дэвэ-эрии, хватало не только гоп-стопников и представителей прочих воровских и бандитских «ремесел», но и деклассированного элемента всех мастей, озлобленных своей никчемностью во вроде бы наступившее мирное время партизан и тэ дэ и тэ пэ.

Когда меркуловцы захватили в городе власть, Фоменко прямо сказал членам перешедшего в подполье комитета РКП(б):

– Останусь на посту. Сейчас последняя шваль из нор повылезает. А грабить и убивать не новоявленную «белую кость» будут, а простого обывателя. В мутной водичке столько беды принесут людям!.. Когда, товарищи, почувствую, что контра крепко на хвост села, – уйду в тайгу. Пароли и явки известны. А конспирации меня учить, как вы знаете, не надо.

Удивительно, но факт. Меркуловская контрразведка, которая за год до переворота начала составлять списки всех, кто так или иначе причастен к любым коммунистическим организациям во Владивостоке, каким-то образом проморгала такую фигуру у себя под носом!

До середины июля Дмитрий Иванович Фоменко возглавлял угрозыск Владивостока, пока не получил приказ... о переводе к новому месту службы!

Весь день было жарко, парило. Влажный воздух обволакивал тело, делая его липким и горячим. Только к вечеру появились признаки кое-какого облегчения, потянуло ветерком, снизу, от бухты Золотой Рог, где в сумерках перемигивались россыпью огней суда, становившиеся все темнее на еще светлом зеркале воды.

– Митя? На удивление рано! – улыбнулась Зинаида Васильевна, разгибаясь от корыта с постирушками и скалывая шпилькой тяжелую копну растрепавшихся волос. – Снег пойдет, не иначе!

– Здравствуй, моя хорошая, – обнял жену Дмитрий Иванович, колючей щекой коснулся нежной кожи заведенной за голову руки. – Как насчет заправки? Хорошо бы супчика...

– Есть супчик, погоди, сейчас погрею.

– Да я и холодный слопаю!

– Погоди, погоди.

Дмитрий Иванович расстегнул ремень с тяжелой кобурой, отложил в сторону, скинул потемневшую на спине и под мышками гимнастерку, побренчал рукомыльником. Утерся ветхим, давно выцветшим рушником. Перед тем, как развесить гимнастерку на спинке единственного венского стула, помедлив, вынул из нагрудного кармана два вчетверо сложенных листка.

Зинаида Васильевна хлопотала у стола, который вместе с поцарапанным шкафом, тремя табуретками, полками у окна с нехитрой утварью и кроватью с металлическими, потемневшими от времени шишаками, когда-то блестяще-зеркально украшавшими кроватные спинки, составлял всю обстановку в занимаемой семьей Фоменко комнатухе.

Налив в желтоватую, с толстыми краями, фаянсовую тарелку доверху, Зинаида Васильевна виновато взглянула на мужа.

– С хлебом, Митя, сегодня не получилось, стояла-стояла и все бестолку, только ноги в толкучке оттоптали...

– Ну, не судьба, значит, – весело сверкнул глазами Дмитрий Иванович, усаживаясь. Жене протянул листки.

– Вот, Зин, прочти-ка.

Она развернула бумаги. На первом листе в глаза сразу бросился большой фиолетовый штамп в левом верхнем углу: «М. В. Д. Главное Управление Народной Милиции Дальне-Вост. Республики. 12 июля 1921 г. № 1884. г. Чита». Далее излагалось:

*«Начальнику Владивостотского уголовного Розыска Гр. Фоменко
Прилагая при сем выписку приказа моего, от 1/ 7 за № 21 п.6,*

ПРЕДЛАГАЮ Вам с получением сего вступить в исполнение обязанностей Начальника Управления Милиции Читинской Железной дороги и приступить к приемке всех дел, сумм и документов выше указанного Управления, приемо-сдаточные ведомости предоставить мне для сведения. Начальник Главного Управления Нармилиции Республики Н. Колесниченко. Начальник Общего Отдела...»

Вторым листком и была упомянутая выписка из приказа: «Начальник Владивостотского Уголовного Розыска Гр. Дмитрий Иванович ФОМЕНКО переводится на должность Начальника Милиции Читинской Железной дороги с 2-го Июля с/г. С зачислением на все виды довольствия с 1-го Июля 1921 года. Основание: рапорт Фоменко. Подлинное подписали: Начальник милиции Республики КОЛЕСНИЧЕНКО

Начальник Общего Отдела М. НАУМОВ

С подлинным верно: Делопроизводитель...»

– Митя, я ничего не понимаю! – Зинаида Васильевна еще раз перечитала оба документа. – Нет, что в Читу собираться, это я сообразила. Но какой рапорт? Митя, ты сам напросился на эту работу? – удивленно спросила мужа.

– М-м, как тебе сказать... – пожал он плечами, заканчивая с супом. – В прошлом году еще, осенью, я писал рапорт на перевод в Читу, на любую должность. Помнишь, мы с тобой как-то по весне еще, когда меркуловцы власть захватили, говорили, что бумажка словно в воду канула?

– Бог ты мой, да когда же это было!

– Получается, хорошая ты моя, бумаги ходят до-олго!

Дмитрий Иванович с нежностью глянул на жену.

– В Чите, Зинуля, безусловно, будет получше. Работы, как ты знаешь, я не боюсь, да и не думаю, что доля начальника милиции на «железке» солонее моей нынешней работы. По крайней мере не будет этого дурацкого положения – ловлю уголовников, а по сути, помогаю белым наводить порядок в городе!

– А скольким нашим ты помог уйти от контрразведки! И потом – ты защищаешь людей от грабителей и воров, которые последнее отнимают...

– Так-то это так. Но этих дел и в Чите полным-полно. Там ситуация не лучше, еще хуже. Здесь воры и убийцы японцев боятся – те сразу к стенке ставят по законам военного времени, да и меркуловцы скоры на расправу без суда и следствия. А там – власть народная, гуманизма – хоть отбавляй! Но я рапорт писал не из-за этого. Это все – пустяки. Мне важно другое: тебя надо вылечить. В Чите тебе польза большая будет, не здешняя баня. Там климат сухой, сосны. Говорят, круглый год солнце. Да и город – не Владивосток, значительно меньше.

Там я для тебя молочка на регулярной основе организую. На крестьянском молоке да на солнышке быстро на поправку пойдешь! А в этой мозглости! – безнадежно махнул рукой. – Вон, погляди, уже ночь, а продыху совершенно нет! Представляю, родная, тебе-то каково! Ничего, все образуется, а то я уж и думать перестал про свой рапорт. Ничего... Из-за меня чухоткой обзавелась, – со мной ты ее и прикончишь!..

Зинаида Васильевна слабо улыбнулась. Да разве Митя виноват! Просто, у нее всегда были слабые легкие, в детстве часто простужалась, а то, что местный приморский климат ей не пошел, так это правда. Дожди, сырость; потом, конечно, как им приходится питаться... А еще частые переезды, кочевая жизнь...

2

Подружка Зины, старше годами, после гимназии и учительских курсов давала уроки в воскресной школе для рабочей молодежи киевского завода «Арсенал».

Когда Зина, юная, только что встретившая шестнадцатилетие воспитанница столичного Смольного института, единственная дочь крупного киевского заводчика, весной 1910 года приехала погостить у папеньки с маменькой, подруга как-то раз, взяв с Зины страшное честное слово, повела с собой.

За Днепром, на Зеленом острове, молодые парни и девушки, ученики Зининой подруги, собрались на пикник. Так посчитала Зина. Лишь после узнала, что заводская молодежь не называет свой выход на природу изящным английским словом. Оказалось, что собрались вовсе не на гуляние, а на маевку – праздник рабочего братства.

Зине было жутко интересно, хотя и страшновато от услышанного. Звучали смелые речи про гнилой царский режим, из рук в руки передавались гектографические листки-прокламации, где было напечатано такое! Вот почитал бы папенькин приятель по карточному столу, мордастый, похожий на бульдога жандармский полковник Петр Апполинарьевич! «Долой тиранов! Долой капитал!»

В остальном же маевка ничем не отличалась от молодежной компании. Пели раздольные украинские и русские песни, жгли костер, пекли картошку, весело уплетали нехитрую снедь. Даже гармошка была! Для кадрили, в которой явно было больше задора, чем в пламенных речах час назад.

Как раз на кадрили Зину и пригласил невысокий – ей вровень – смущенный парень.

Густые темные волосы, зачесанные назад, чистенькая рубашка со стоячим воротничком, опрятная рабочая куртка с тремя костяными черными пуговицами, простенькие, с наглаженными стрелками брюки, крепко поношенные, но до блеска надраенные ботинки.

Его лицо Зине понравилось. Открытое, смелое, улыбчивое. И серьезное одновременно, брови взлет над внимательными серыми глазами.

В танце своими крепкими руками держал ее осторожно, словно вазу. И молчал. Как воды в рот набрал! Даже пригласил молча, полупоклоном. Но до этого – Зина наблюдала – спорил о политике, сердито и яростно! Этот огонь и привлек ее больше всего. Понравилось, что за словом в карман не лезет, только вот грамоты, конечно, маловато.

А когда смешной вихрастый гармонист звонко прокричал, что объявляется дамская полечка, то есть приглашаются кавалеры, Зина в ответную пригласила «молчуна», как шутливо назвала про себя.

Потом бродили по берегу.

Зина узнала, что ее нового знакомого зовут Дмитрием, Митей, что родился и вырос он на киевском Подоле, в простой рабочей семье, успел многому чему научиться из навыков металлистов – от старшего брата, от отца с дядями, тоже работающими на «Арсенале» – машине киевской, да и всей российской промышленности.

Когда Зина немного рассказала о себе, было видно, что новый знакомый немало удивлен, но не отдалился, мол, где уж нам, серым, до такой фанаберии!

Так и познакомились они, когда в буйных киевских садах и парках густо цвели каштаны.

Самым неожиданным образом распорядилась ими судьба, совершив невероятное, невозможное! Они встретились и полюбили друг друга! Неуклюжий рабочий парень с киевского завода «Арсенал», где к тому времени Дмитрий уже три года, с семнадцати лет, набивал мозоли, и юная барышня, воспитанница Смольного института. Невозможное возможно?

В тот ее приезд домой они увиделись еще два раза, заранее договариваясь о встрече. Зина старалась одеваться по-простому, чтобы не смущать Митю, а он смеялся и называл ее «барышней-крестьянкой», проглотив за ночь книжицу, которую она ему подарила. Пушкинские «Повести покойного Ивана Петровича Белкина».

Но каникулы, увы, все-таки закончились, снова ждал Петербург.

Летом увидеться не удалось – папенька вывез домочадцев к морю, в Ялту, а куда Мите писать, да и удобно ли, Зина не знала. Не удалось увидеть Митю и после, когда она ненадолго вернулась домой.

Потом заболела маменька, отец выехал с ней в Карловы Вары, на каникулы забирал туда Зину. А свои последние каникулы она провела с родителями на чудном итальянском острове Капри, все реже и реже вспоминая о крепком пареньке с папенькиного завода.

После их знакомства прошло три года. Смольный остался позади.

Как и давняя подруга, Зина решила попробовать себя на учительском поприще. К тому времени родные вернулись в Киев.

Но учительствовать не получилось. Маменьке стало хуже, и Зина превратилась в сиделку, – кому-либо еще отец не доверял. Старый семейный доктор Михаил Львович Гольдберг, обычно после второй рюмки коньяку, уверял Зину, что ее, с такими навыками ухода за больной, без экзаменов примут на второй, нет – махал ручками толстенький и носатый Гольдберг – на третий курс университетского медицинского факультета.

А Киев вновь благоухал цветущими каштанами! И тоже, вспомнилось вдруг Зине, как тогда, в дни знакомства с Митей, над вечерним Днепром издалека плыла раздольная песня, старательно выводимая молодыми голосами где-то в парке, за кудрявым зеленым холмом Аскольдовой могилы.

Этим теплым и тихим вечером, в последний апрельский день, Зина сидела у окна в своей комнате и читала. Сейчас и не вспомнить, что за книгу читала. От долетевшей песни увело в воспоминания о прогулках и беседах с Митей.

Зина попыталась представить, каким он стал, но не получалось. Стало грустно, до непонятной пронзительности она почувствовала себя одинокой и вдруг поняла, что очень хотела бы увидеть его, Митю. Перед сном даже боженьку об этом попросила, долго не засыпала, думала, вспоминала...

Разбудила старая нянька Феодора, которая, раздвигая в комнате тяжелые шторы, возмущенно бурчала себе под нос:

– Совсем ополоумели, антихристы! Спокою от них нету!

– Что с тобой, кормилица, о чем это ты?

– А вон, подымись-ка, выйди в большую залу да в окна глянь! Бунтуют, ироды! Креста на них нет! Только, миленькая, на балкон не выходи, неровен час! Эти супостаты еще камению запустят, али чего похужее! Ишь, раскричались, як галки!

Любопытствуя, Зина пробежала босоногой в просторную залу.

Ранее, когда маменька была здорова, здесь ставили накануне Рождества высоченную ель, украшали мягкие пахучие ветки массой блестящих игрушек, из которых Зине особенно нравились привезенные отцом из Германии зеркальные шары с радужными конусообраз-

ными углублениями с одного боку. Рядом вешали на длинных нитках большие конфеты, яблоки и апельсины, завернутые в золоченую фольгу грецкие орехи и маленькие фигурные шоколадки. Сначала у елки веселилась Зина, обхватив в танце большого плюшевого медведя или кормилицу. Смеялась маменька, оттаивал вечно озабоченный и суровый отец.

Потом, на следующий день, Зине разрешалось позвать детей прислуги – горничных, прачки, дворников и истопника. И веселье продолжалось, хотя Зине всегда стоило больших трудов расшевелить притихшую в барских хоромах, при великолепии елки и прочего, детвору в аккуратной, но бедной одежде. Под конец праздника маменька срезала ребятам по яблоку или апельсину, насыпала в ладошки орехов, а Зина вручала каждому по маленькой шоколадной фигурке.

Сейчас в зале было просторно, пусто. Только у стены стоял белый маленький рояль, а в углу, у разросшегося в кадке фикуса, сгрудились три кресла, обтянутые дорогим вельветом.

Высокие окна, выходившие на Крещатик, были завешены тяжелым панбархатом с тюлем, только на крайнем слева окне тюль был сдвинут, а длинная боковая оконная створка приоткрыта. Снизу, с улицы, доносился довольно ощутимый гул толпы. Зина выглянула в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.